

У Р А Л Ь С К И Й № 5 (563) 2004

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**ПОДАРОК
ДЛЯ СТАЛИНА**

**КУДА ИСЧЕЗЛИ
ЧУДОВИЩА**

**ВОЙНА
ГЛАЗАМИ
ХУДОЖНИКОВ**

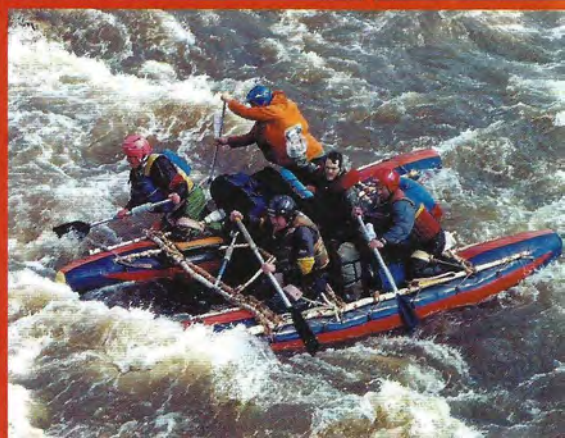
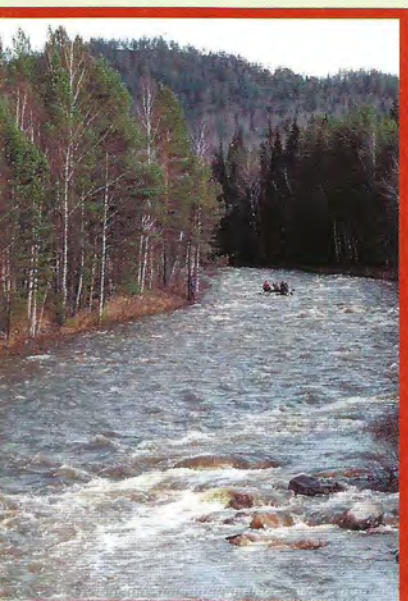
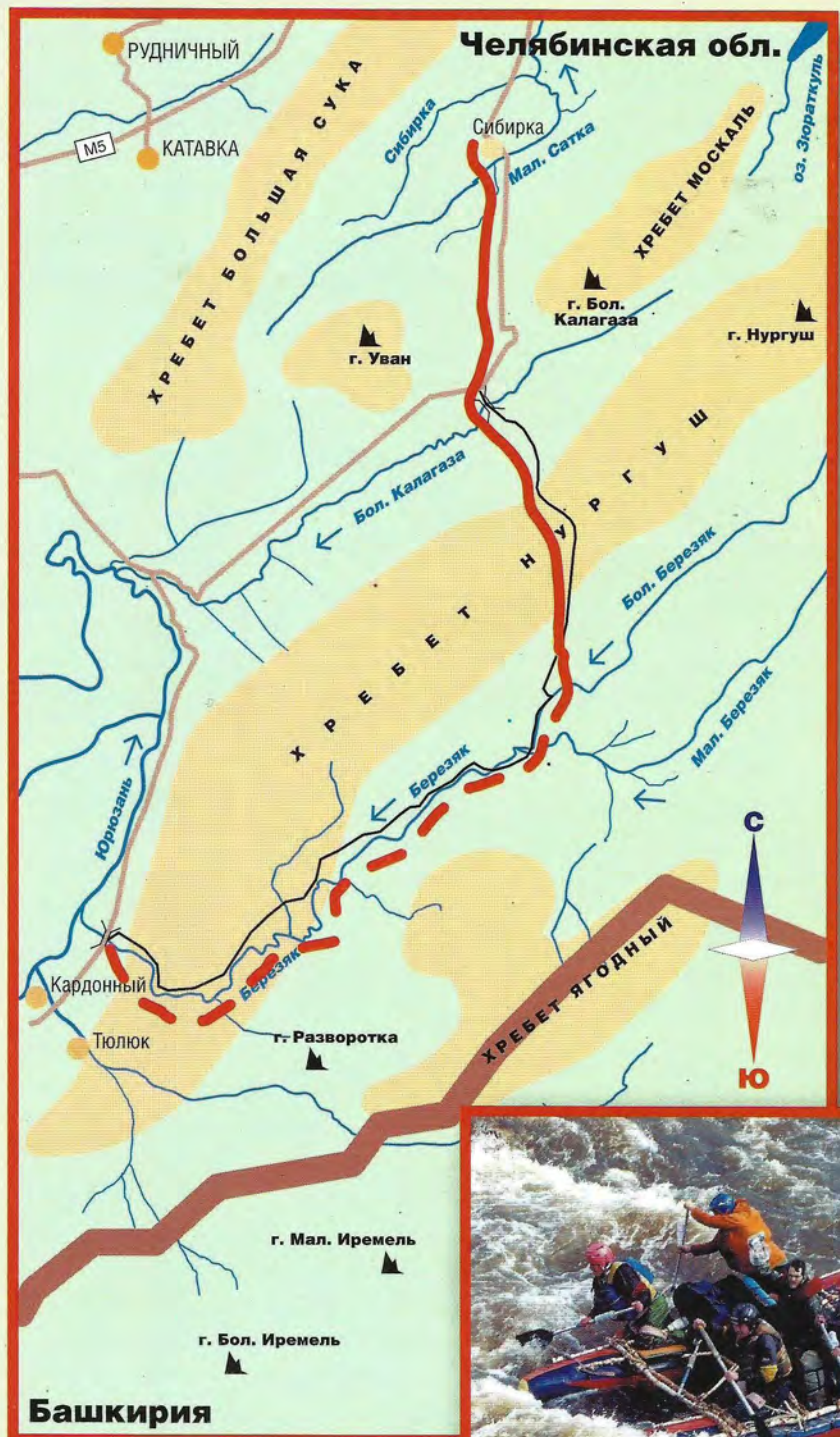
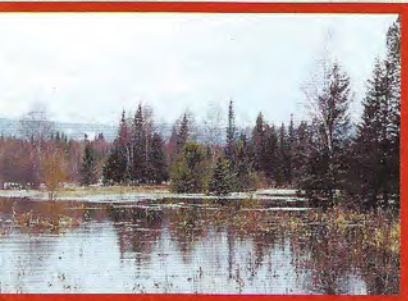
ПО РЕКЕ БЕРЕЗЯК

Маршруты Уральского следопыта

В южной части Саткинского района Челябинской области, в 200 км к западу от областного центра — г. Челябинск и в 30 км от ближайших городов Сатки и Бакала, расположен один из красивейших парков России — национальный парк «Зюраткуль». Национальный парк получил свое название от горного озера Зюраткуль (724 м над уровнем моря). Территория парка занимает самую высокогорную часть Челябинской области с высшей точкой области на вершине горы Нургуш (1406 м над уровнем моря).

Об экспедиции на р. Березяк на территории НП «Зюраткуль» читайте на стр. 76.

Башкирия

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела
«Река времени»
Юний Горбунов
Редактор раздела «Аэлига»
Петр Родимов
«Встречный ветер»

Редактор
Александр Челноков
зам. редактора
Маша Раскольникова
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
Набор
Валентина Кадочникова
Корректор

Юрий Виноградов
Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодничева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62
Подписано к печати 15.05.2004 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ №
Отпечатано в типографии ГУП СО
«Суходолжская типография»

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
www.uralstalker.ru

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 5'2004 (563)

РЕКА ВРЕМЕНИ

Портреты

С.РОЖКОВА Судьбы ее простое полотно.....2

59 лет Победы

Ю.ВЛАДИМИРОВ Не человеческое это дело – война.....6

Колонка редактора.....8

На перекрестках сугеб

И.СЕМЕНЧИК Три новеллы.....8

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

И.МОРОЗОВА Дом на Широкой речке:

тысячи «здравствуйте» и «спасибо»17

Вернисаж

М.ПРОЗОРОВА Война глазами молодых.....28, 33, 49, 69

Легенды и были

Л.ЗАВАРЗИН Ганин угол.....32

По белу свету

Н.ЗАЙЦЕВ Подарок для Сталина.....48

Тропой поиска

М.ПЕТРОВ Часы уральских мастеров.....52

Мемуары

Я. ВИЛЬЧКОВСКИЙ Из воспоминаний старого лесничего.....71

АЭЛИГА

Поэзия Урала

В. ТЕРЕНТЬЕВ Стихи.....4

Фантастика

П.ГОССЕН, В.ДЕГТЯРЕВА Человек со Звезды.....12

Н.ТЕКИНА Анти...20

А.ТИВИРСКИЙ, М.ЛУРИ Я расскажу тебе...

Сказка на тему «куда исчезли чудовища».....34

А.ЯКИМОВ Мутант.....75

Наш гость

О.КЛИШИН Стихи.....47

Современная поэзия Урала

Л.РАТУШНАЯ Стихи.....68, 70

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Путешествия

А.СТАРЦЕВ Опять Весна зовет в походы

или Пройти реку Чусовую за три дня.....30

Школа юного журналиста

А.ЕВСТИГНЕЕВА Немного о велотуризме.....50

Колонка редактора.....54

Дети в походе

Е.АНТОНОВ Антон первый, Антон второй.....54

Советы специалиста

ГИГИЕНА ТУРИСТА.....66

Проекты «Уральского следопыта»

А.ТЕТКИНА Силав по реке Березяк.....76

Светлана РОЖКОВА

Судьбы ее простое полотно...

Клавдия Никифоровна Шавлова живет сейчас в городе Березовском. В свои 70 лет держит в хозяйстве двух козочек, в огороде все прибрано, нигде сорняка не заметишь. Не перестаешь удивляться, сколько жизненных сил у этого поколения, ведь с раннего утра и до позднего вечера эти «золотые руки» трудятся без отдыха.

Родилась Клавдия Никифоровна в 1933 году в Белоруссии. Сначала жили на хуторе, семья большая была — восемь детей, отец на Финской войне воевал. Так что хозяйство сами вели, помогая матери. Уже позже переехали в деревню Стецево.

Когда ей было восемь лет, началась война. До сих пор со слезами на глазах вспоминает Клавдия Никифоровна то время. Почти сразу после начала войны немецкие войска заняли Белоруссию. Вся молодежь ушла в партизаны, там оказался и брат бабушки Клавы, Алексей, было ему тогда 16 лет. Прятались партизаны глубоко в лесах. «Иногда приходил Леша домой, — рассказывает Клавдия Никифоровна, — на ногах одни лапти, а на улице мороз. Поесть ему нечего дать: немцы все забирали — и хлеб, и крупу, и скотину всю, только кошки в доме оставались, да и те с голоду дохли». Ели, что смогут достать, на похлебку клевер с травой собирали, иной раз из гнилой картошки лепешки жарили. Чтобы хоть какой-нибудь урожай вырастить, пахать землю приходилось самим — запрягались в плуг по пятнадцать человек и таскали его вместо лошади.

На случай облавы в доме был подкоп с проходом в сарай, чтобы Леша мог уйти от немцев. Но вскоре по домам начались проверки, солда-

ты штыками протыкали пол, пытаюсь найти ямы. «Прибежал как-то Лешка, — на щеке Клавдии Никифоровны появилась слезинка, — фуражка прострелена, полушубок весь в дырках от пуль, а сам целехонький».

Пришлось и у немцев побывать. Понесла партизанам хлеб и маскировочные халаты, которые мама из парашютов шила, а солдаты немецкие ее в засаду затащили. Весь день там и просидела, но отпустили — тоже ведь люди — на ребенка рука не поднялась. Приходил в деревню карательный отряд, ходили по деревне в белых фуражках, а жители в это время на улице даже не показывались.

От постоянной грязи многие заболели чесоткой, спасались чем могли — то дегтем, то дегтем натерлись. «Страшно было, — вспоминает Клавдия Никифоровна, — откроешь утром глаза, а у леса, на опушке, еще дым от подбитых танков, лошади и люди лежат».

После войны семья отстроила новый дом, дети пошли учиться. «Писать было нечем, приходилось сажу из печки разводить, да обои от стен отрывать — вот и тетрадь с пером готова. А чтобы книгу прочитать, в очередь стояли — ведь одна книга на две-три деревни была».

Окончила Клавдия семь классов — по тем временам, можно сказать, получила очень хорошее образование. Теперь нужен был паспорт для поступления в ремесленное училище при Оршанском льнокомбинате. Все документы сгорели во время войны, приходилось ходить за 25 километров для получения новых.

Поступила Клавдия в училище на специальность ткачихи, училась хорошо. «Кормили нас во время учебного дня, давали немного похлебки и кусочек хлеба. Я всегда брала горбушку, считала, что она больше». После двух лет обучения пошла работать на комбинат, за трудолюбие и прилежность поставили сразу за четыре ткацких станка. Производство постепенно наладилось, стали платить деньги, на свою первую зарплату купила ситцевое платье и пиджачок из сукна.

В 1954 году родилась первая дочь, жизнь повернулась так, что пришлось переехать в Нижний Тагил, где служил муж Сергей Григорьевич. Жили впятером в одной комнате, работала кладовщиком в главметаллсбыте по 12 часов. Через некоторое время пришлось переезжать в Ленск, дали свой дом, где родился второй ребенок. «От мужа никогда помощи не видела, и за дровами, и по воду сама ходила, детей сама растила. Чтобы было что есть, завела большую козу — Белу. Но и тут долго не прожили, уехали в деревню Новоселово, завели корову, свою пасеку (целых 14 ульев). Дети вспоминают, что на столе всегда стоял свежий мед, лучше всяких конфет, наешься с парным молоком — и вкусно, и полезно».

В 1968 году родилась дочка, третий ребенок

в семье. Дети росли, нужно было выбираться из деревни, пришлось продавать все хозяйство и переезжать в город Березовский.

«В 1970 году купила тут дом, муж мой с нами уже не жил, нужно было самой все успевать. Пошла работать в столовую «Улыбка», мыла посуду. Работа адская, через месяц ушла на котельно-механический завод машинистом кислородной установки, проработала около двадцати лет». Как раз в это время освободилась должность аппаратчика, и начальник, не обращая внимания на то, что у Клавдии Никифоровны не было опыта, поставил ее на выработку кислорода. Методом проб и ошибок, хотя последствия любой ошибки могли быть непредсказуемы, Клавдия Никифоровна стала асом в своем деле, не зря ее портрет постоянно висел на Доске почета.

После выхода на пенсию получила от завода квартиру. Но в квартире жить не любит — ведь всю свою жизнь вела хозяйство, живет сейчас в частном доме, дети и внуки приезжают по выходным...

Фотографии предоставлены автором.

Вячеслав ТЕРЕНТЬЕВ

* * *

Тоска в мужчине по коню
извечна,
как по ветру в листьях;
Под облака взмывая в лифтах,
зачем ее в себе храню,
и отчего глаза слепит
безумный зов ночного ржання,
и мы —
уже не горожане,
и хлещет конница в степи,
копытами века листает,
и с конской кровью
нашу кровь,
нагнувшись,
ковыли глотают,
в нас прорастая вновь и вновь.
Мне год.
Мой задик, гол и крут,
взлетает,
разбросав пеленки,
и ноют пухлые коленки,
как бы сжимая конский круп.
И так извечен детский бунт,
так тайный смысл его извечен,
и хлещет

огненный табун,
как из ствола заряд картечи.
И снова мрак.
И вновь огонь.
Кто врал,

что прошлое забыто?
Ты слышишь,
мальчик? —
верный конь
в твое окно стучит копытом.

21.01.65

КОРНИ

Отхаркивались вороны костями,
и в ожиданьи сына или мужа
на сотню верст взорвали ночь кострами
монголки, чтобы приготовить ужин.
Храпели кони,
двигались тараны,
из темноты колесами скрипели,
в котлах чугунных
жирные бараны,
отфыркиваясь,
весело кипели.
Степь пахла потом, мясом и навозом.
И, намотавшись на колесах за день,
стояла девочка среди повозок,
подставив ветру обнаженный задик.
Стояла,

молча вслушиваясь в крики,

вдыхала воздух,
ноздри раздувая,
и танцевали огненные блики
на смуглой коже детского овала.
Стояла девочка.
Текли минуты.
Орала степь.
Закатывалось лето...
Я не монгол,
а все же почему-то
уже в который раз мне снится это.

1966

* * *

Уводили в полон.
Этот плач,
этот стон
пахли пылью,
попынью и потом,
и разодранный полдень
вздыхался холстом,
чтоб трещать парусами над Понтом.
Эх, красавица,
в полночь луною дыша,
не надуешь капризные губы,
если старый,
как филин облезлый,
паша
раз в году на часок приголубит.
Где твой статный жених,
дом с высоким крыльцом
да на свадьбе столы с пирогами? —
Только евнух с расквашенным бабьим лицом,
будто маслом сквозь желтый пергамент,
ухмыльнется на слезы. —
Другого не жди,
стынь глазами без теплого взгляда.
Но в полон —

так в полон,

и иди,
и иди,
потому что так надо,
так надо,
чтобы ветер в осеннюю ночь засвистел,
чтобы с грохотом форточка билась,
чтоб кровинка твоя
через тысячи тел
в моем сердце сегодня пробилась
и взорвалась,
глаза опалив изнутри
всех бессониц накопленным смыслом,
наблюдая, как баба
по кромке зари —
как в полон —
за водой
с коромыслом,

1965

ЧЕЛОВЕК

Не туман —
молоко,
 молоко.
Стынем,
выпростав ноги из стремени.
Человек,
ты еще далеко,
будто тень, протупаешь во времени.
Ловим дали в подзорной трубе,
дубим кожу ветрами солеными.
Человек,
мы стремимся к тебе,
совершенством твоим ослепленные.
Мы пока что стада обезьян,
а попробуй,
 поладь с обезьяною.
И сознания каждый изъян
на мозги —
огнестрельною ранюю.
Гибнем в шахтах
и тонем в морях,
мир не стал нам уютной квартирою,
наши женщины
в концлагерях
животами
тебя репетируют,
чревом стонут.
Но снова бои.
Что преступней кровавой беспечности?
Рахитичные предки твои,
как хвосты, поджигают конечности,
Идиоты пускают слюну.
Дезертиры вскрывают артерии.
Но ракеты летят на Луну.
Но мозги проникают в материю.
Не разменивай чувства на ложь,
не кривляйся обрядами глупыми.
Человек,
ты к вершине взойдешь,
как ступеньками,
нашими трупами.

Ноябрь 1965

Снова летняя ночь
метеорами заморосила,
но дорога к рассвету
опять коротка и суха.
С европейской прической
на глобусе дремлет
Россия,
азиатское тело
закутат в леса и меха.

Октябрь 1965

Уходишь в апрели,
в закаты,
в дома,
во дворы
любить и страдать
и не верить в набухшие почки.
Но снова, как враг,
настигает желанье
 творить,
за горло хватает
и снова доводит до точки.
И рушатся сны,
и в зрачковой метели —
 ни зги,
движения губ
 в звездопадах
 наощупь
 неверны.
Пучком электронов
уходят в пространство мозги,
чужие миры
задыхаются в щупальцах нервов.
Спи, город.
Бедою моею себя не морочь.
А я не утешусь,
а я никого не утешу,
покуда в который уж раз
 за одну эту ночь
у мира на шее
строку захлестну
и повешу.

01.02.65

ЭСТАФЕТА

Здравствуй, Батый,
мой предок.
Чувствую клетки силу,
что ворвалась
полпредом
прошлого
 в мой затылок.
Глаз наливая кровью,
тиснув прикладом скулу,
шлепну,
не дрогнув бровью,
в форме чужой
паскуду.
Челюсть усмешкой сдвину,
клетку в жаре потемок
с семенем в чрево кину —
эй, принимай,
потомок!

22.11.65

Не человеческое это дело – война...

Вспоминают ветераны Великой Отечественной

За праздничным столом в День Победы ветераны в кителях, увешанных боевыми наградами, вспоминали в основном последний, уже победный период войны. Видно, мало осталось тех, кто ее начинал.

Семенов Леонид Дмитриевич, сержант, сапер, на «гражданке» геофизик, скромный и предельно порядочный человек. (Я часто бывал у него в семье в День Победы):

— Я был в Пруссии, когда в ночь с 8-го на 9-е мая телефонистка сообщила из штаба в часть: «Победа!» Мы выскочили на улицу и стали палить из всех видов оружия. Ну и выпили в тот день крепко. Начальство разрешило брать вино в подвале богатого немецкого дома. Запасов вина и копченостей там — на несколько лет. А на следующий день — «тревога». Немецкая часть с боями пробивается на запад, к союзникам. Снарядов и пуль не жалели, но и у нас потери были, особенно обидные — ведь уже после окончания войны.

А перед этим, вошли мы в один из немецких городков, недалеко от границы. Все дома целы, а город пуст. Население его покинуло, не дожидаясь прихода русских. И вдруг видим: бежит по улице нам навстречу ревущее стадо коров. Их не доили несколько дней, вымя разрывается. Подоили, как могли, а парочку взяли в обоз для солдатской кухни.

Раскин Иосиф Исаакович, капитан, командир саперов, невысокого роста, подвижный, еще крепкий мужчина:

— Когда немцы с нашей территории отступали, то все сжигали и взрывали. Одни пепелища и печные трубы оставались. А сколько мирных жителей поубивали. К концу войны стало ясно, что ни одного из моих родственников в живых на оккупированной территории Украины не осталось. Немцы всех евреев уничтожили. Ненависть у меня была невыразимая. Поэтому, когда перешли границу с Германией, я в первые дни стрелял в любого немца, независимо от пола и возраста. Пока не вышел жесткий приказ Сталина, карающий немедленным расстрелом за убийство мирных жителей и разбой. Сразу все прекратилось. Но я за своих отомстил.

Лукинский Борис Дмитриевич, капитан, танкист. После войны — геолог, начальник партии Уралгидроэкспедиции, умный и интеллигентный, располагающий к себе человек:

— В конце войны лежал в госпитале. Рука и все ту-

ловище в гипсе несколько месяцев. Под гипсом все чешется и пахнет. Возьмешь травинку, покрутишь ею под гипсом, пощекочешь — приятно, как-то можно терпеть. Назначили снятие гипса на 9 мая. Не дождусь. А утром крики: «Победа!» Всем раненым — праздничный стол с выпивкой и весельем. Медперсоналу не до меня. Еще несколько дней ходил в гипсе.

Сколько я ни видел кино о войне, но ни одно из них настоящего ужаса войны не показывало. Не человеческое это дело. Это неверно, что привыкаешь и страха нет. Когда пули рядом свистят и кругом взрывы — к этому не привыкнешь. Да и не думали об этом. Солдатский долг свой выполняешь, как все. Тяжелая и смертельно опасная работа — война. На Дунае есть притоки Прут и Серет. Так солдаты смеялись: как русские на прут, так немец насерет.

Седельников Игорь Васильевич. Домой, в г. Халтурин вернулся только лет через пять после окончания войны. Хотя ему не было и 35 лет, а весь седой и больной, морально раздавленный:

— В 1941-м воевал рядовым в армии Власова. Армия была окружена, кончились боеприпасы, страшно голодали. Сидели в болотах, пробиться к своим не смогли и помощь не пришла, хотя обещали. Немцы предложили сдаться, иначе угрожали всех уничтожить. Командование армии во главе с Власовым приняло решение сдаться, чтобы сохранить всем жизнь. Сначала немцы относились к пленным терпимо. Власов обратился с предложением вступить в Русскую освободительную армию, чтобы воевать против режима Сталина. Пошли на эти уговоры не многие. А к остальным сразу отношение изменилось.

Лагерь в чистом поле был обнесен колючей проволокой, от дождя, ветра и холода никакой защиты. Привозили еду и бросали, как собакам. Если возникали драки, то сразу стреляли по толпе из автоматов. Дадут соленую селедку, а воды не привезут. Очень многие пленные умирали. Держались группами, своими старыми взводами или по национальности. Иногда ночью люди исчезали. Затем стали нас немцы направлять на земляные работы — строить военные укрепления, тогда начали лучше кормить. В конце войны нас освободили из плена свои, но отношение было настороженное, как к власовцам. Допросы, затем направили в товарных вагонах на север рубить лес. Как-то выжил. И чем мы,

рядовые солдаты, виноваты? И сейчас везде клеймо — «власовец».

Тогда спустя много лет бывшие пленные получили права участников Отечественной войны.

Вася — участник войны, рядовой. В 1951 году проходил студенческую производственную практику в верховьях реки Ляли, в самых глухих дебрях Уральского хребта. В рабочие дали расконвоированных заключенных из ближайшего лагеря, которым осталось сидеть меньше года и для которых не имело смысла бежать. Таким заключенным был и Вася. Крепкий и коренастый, быстрый в работе:

— Зайдешь в Германии в бомбоубежище или подвал, где попряталось население, дашь в потолок очередь из автомата. Все ошалеют, падают на пол. Кричишь им: «Давайте все ваши уры (часы), гольды, а то постреляю гадов!» Выкладывают кто часы, кто цепочки. Зайдешь в любой дом — все напуганы, берешь что надо. Но никогда в них не стрелял. Припугнешь просто.

Если снова будет война, то возьму ружье, припасы и в тайгу подалее. Там отсижусь. Хватит, повоевал. Кому война, а кому мать родная. У нас генералы себе трофеи в вагон грузили и отправляли семье в Россию, а нам, рядовым, иногда посылку разрешали послать. Пограбили тогда Германию. Все, что можно было поднять, брали и увозили. Потом, правда, строгости начались. Чуть жалоба от населения — под трибунал. Богато, культурно там многие жили, и чего они еще к нам полезли? У них получилось, как у того фраера, которого жадность сгубила. Да как и меня тоже. А немецкие женщины после войны вовсю гуляли с нашими солдатами, не то что наши русские скромницы.

Журбин Алексей, воевал рядовым. Потом работал гидрологом. Ему тогда лет 30–35 было. Высокий, красивый, очень исполнительный работник:

— В конце войны, когда уже воевали на их территории, появились и немецкие партизаны, из местного населения, как и у нас было. Вредили нам по ночам крепко. После допроса в штабе двух партизан — пожилого мужчины и девушки — лейтенант приказал мне отвести их в лес и расстрелять. Повел. Автомат наперевес. Оглядываются на меня. Понимают, зачем веду. Только зашли в лес, они оба бросились бежать в разные стороны. Сначала дал очередь из автомата по мужчине, уложил. Потом по девушке дал очередь. Упала. А я вернулся и доложил о выполнении.

— Конец войны. В девушку мог бы и промахнуться... — сказал я.

— Да, промахнуться, а после этого трибунал, если будут проверять выполнение приказа? Они оба упали, а может быть, были только ранены, я же не проверял и не ходил их добивать. Это война. Тут не до жалости. Сейчас иначе рассуждаем. Он закурил и отвернулся, сожалея, что все это рассказал.

Лазарь Абрамович, переводчик в штабе. В мирное время — доктор биологических наук. Приехав дикарем в Пицунду, я поселился на кипарисовой аллее недалеко от моря в сарайчике, где стояли две койки и стол. Соседом оказался старичок, доктор наук Лазарь Абрамович из Москвы.

— В начале войны работал я на московском заводе, и у меня бронь была. Немцы наступают, кажется, ничем не остановить. Евреев всех уничтожают. Поговорил дома, что делать: ждать, пока нас всех, как мышей, перебьют? Надо бороться активно. Добился, взяли меня в ноябре 1941-го добровольцем. Несколько дней учебы, стрельбы. На стрельбище обморозил кисти рук так, что распухли и кожа слезла. Поскольку я хорошо владел немецким языком, то определили в штаб переводчиком, где и прослужил всю войну.

А друг мой, что пошел со мной в ополчение, погиб под Москвой, спасло меня, что я руки отморозил.

Алексей Иванович, фамилию его не запомнил. Както в экспедиции в Приморском крае я сдружился с механиком, славным мужиком, лет под 30, мягкого, доброго характера. Его на фронт взяли из 10 класса. После войны сразу обзавелся семьей, сейчас вот вкалывать надо, семье кормить, не до учебы. Однажды мылись с ним в бане. Потерли друг другу спины, только я вымыл голову, а он уже помылся, выстирал носовой платок, носки и уходит. После бани на мой удивленный вопрос рассказал, что это он на фронте привык так быстро мыться.

— Приедет, бывало, санчасть — банная команда. Разгребут снег, положат быстро на промерзшую землю деревянные щиты. Натянут большую двойную палатку, а рядом котел топится, тепло и воду по трубам в палатку подают. Запустят сразу человек десять или больше, разденешься быстро в предбаннике между палатками. Голове тепло, а ногам холодно, и быстро в баню. Там жарко. На каждого 2 — 3 таза воды, и ограниченное время. Моешься стремглав, да еще что-нибудь постирать сумеешь. А там уже следующая группа торопит, кричат: «Замылись, вылезай! Мы не успеем!» Выйдешь, а на морозе волосы на голове успевают застыть, пока шапку оденешь. И ничего, не болели. Нельзя болеть. Это сейчас чуть-чуть — уже насморк. Поскольку расслабишься. Во время бани меняли нам белье. Иногда одежду пропускали через жаровню — это вшей уничтожало.

Обычно неохотно рассказывают ветераны о войне. Не человеческое это дело — война. Хотя, сколько существует человеческое общество, столько времени и воюют люди. Вся история мира и каждой страны — войны и войны. В XX веке цивилизованное человечество достигло невероятных высот в науке, технике, искусстве и в то же время только Россия за это время потеряла в войнах более 29,5 миллионов человек (АиФ, 2002 г.) Далеки люди и созданное ими общество от совершенства. Столь ли разумное существо — человек?

Записал воспоминания ветеранов Ю. Владимиров.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

ВОЙНЫ НЕБЛИЗКОЕ ЛИЦО

Поколение участников Великой Отечественной и тружеников тыла стояло с войной лицом к лицу, смотрело ей в глаза. И, конечно, видело и переживало прежде всего физическую драму войны: боль, жестокость, бесчеловечность. Столь же естественен для этого поколения был и национальный аспект войны: немцы были для нас врагами, русские и населяющие СССР национальности — ее жертвами. Тут в чем-то прав поэт:

Лицом к лицу лица не увидать,
Большое видится на расстоянии.

На выставке Фонда помощи молодым художникам (подробности о выставке читайте на стр. 28) мы видим несколько иное, неблизкое лицо войны. И видим, как заметно изменился акцент ее восприятия — от физического к психологическому осмыслению.

Вот одно из полотен — работа М. Подальк «Почтальон». Почти бытовая сценка у колодца: к нам спиной стоит женщина, а к ней приближается почтальон с сумкой. Недалеке — другие женщины, мы наблюдаем их как бы сверху, издалека, *из сегодня*. Почтальон еще в десятке шагов, а женщина уже выронила из рук ведра. Мы не видим ее лица, но внутренним зрением видим образ беды, которую она предчувствует. Ведь подлинная драма происходит не вне, а внутри человека. И только *закрытые* глаза художника могут увидеть эту драму.

Близкие ощущения рождают и многие другие работы молодых, представленные на выставке. Даже их названия адекватны способу и форме восприятия темы войны: триптихи А. Швецова «Реальность» и Л. Казанцевой «Не плачь, сестра», работа тушью и пером Е. С. Колеватых «Защитим Родину». Она (Родина) воплощена у автора в фигурке матери и дитя, покоящейся в ладонях воина...

Война предстает драмой не только физической и не только национальной, но и общечеловеческой и духовной. И понимаешь: причина войны — массового проявления жестокости и насилия над личностью — тоже пребывает внутри каждого из нас. На пути одного физического ощущения войну не преодолеть. Победить *в войне* и победить *войну* как пережиток первобытных отношений — вещи очень разные, подчас диаметрально противоположные. Дело медленное, капельное, эволюционное.

И пусть наша выставка будет такой вот капелькой преодоления.

Юний Горбунов,
редактор раздела «Река времени».

Игорь СЕМЕНЧИК

«Вольга, Вольга,
муттер Вольга...»

В небольшой комнате, тесно сгрудившись у стола, сидел наш артиллерийский полк. Девятнадцать человек, приехавших со всех концов страны. Первым делом помянули тех, кого уже нет с нами, а потом, как водится, потекла река воспоминаний.

— Братцы, — предложил я, — пусть каждый вспомнит самый, на его взгляд, необычный случай, происшедший с ним на войне.

Когда очередь дошла до бывшего разведчика нашей батареи, москвича Евгения Гербачевского, он как-то по-особенному оглядел всех:

— Об этом я еще в жизни никому не рассказывал. Разные были к тому причины. И времена тоже. А сейчас... Вообще, настала пора. Когда еще встретимся. Да и все ли...

Ох и досталось нашему арtpолку при форсировании Северного Донца летом сорок третьего! Так что, вскоре дивизию вывели на формирование. В густом лесу возле станции Графская к нам пришло пополнение. Одного из тех, кто попал в нашу батарею, наверняка запомнил бы любой. Хаджи-Мурат, крымский татарин, лихой шофер, явился... босиком.

— Где твоя обувь? — грозно спросил его старшина батареи Алиев.

— Украли, когда спал. Жульга развелось — спасу нет, — глядя на старшину глазами святого, произнес Хаджи-Мурат, ставший водителем машины одного из орудийных расчетов.

Вот уже позади весна сорок четвертого. Наступило жаркое лето с отягощенными плодами деревьев, огромными кумачовыми помидорами и яркой зеленью виноградников, заполонивших долину к югу от села Бычек и дальше, почти к самому пригороду Бендер — Варнице.

Хоть редко, но бывают на фронте такие ночи, когда война на каком-то участке погружается в полусонную дремоту. Словно нехотя, как говорится, «в час по чайной ложке», лениво выдают скупую очередь пулеметы, да время от времени яркими каплями разноцветья рассыпаются в небе ракеты.

Так было и в ту молдавскую звездную ночь, когда неистощимый на выдумки при добыче спиртного красноармеец Хаджи-Мурат ввалился в землянку взвода управления батареи.

— Жека, — шепнул он Гербачевскому, с которым был в приятельских отношениях. — Выйдем. Дело есть.

— Ну? — вопросительно посмотрел на него Евгений.

— Вон там, в нейтралке, ну, где развалины кирпичного сарая, фрицы песни поют.

— А тебе жалко? Пусть базлают.

— Понимаешь,— взяв Евгения за ремень автомата, загадочно проговорил Хаджи-Мурат, — похоже, что они много под турахом. Слушай, давай сползаем. Может, и нам плеснут.

— Ты что, рехнулся? — оторопел Евгений.

— Ну, как хочешь. Если боишься, я один пойду, — сказал Хаджи-Мурат.

«Если бы он не произнес «боишься», я бы наверняка вернулся в землянку, — вспоминал Гербачевский, — а тут... В двадцать лет ума было не так уж много. А гонору — хоть отбавляй».

— Идем,— сказал Евгений.

Сплошной обороны у нас на этом участке не было. Поэтому проползти между двумя нашими огневыми точками, отстоящими друг от друга метров на двести, хоть и рискованно, но было можно.

Подползли поближе. «Вольга, Вольга, муттер Вольга, Вольга, Вольга русиш флюс...», — доносилось из развалин.

— Двое поют,— сказал Хаджи-Мурат.— Нас тоже двое, так что все якиши.

Два немца сидели, прислонившись к невысокой полуразрушенной стене. Перед ними стояла канистра с вином, на пятнистой плащ-палатке горой лежали помидоры и крупно нарезанные куски колбасы. Этот натюрморт освещала стеариновая плешка. Чуть поодаль стояли две винтовки.

Когда в проломе выросли две фигуры с автоматами, немцы, поперхнувшись на полуслове, оторопели и стали поднимать руки.

— Эй, фрицы, никс плен. Шнапс, тринкен шнапс, — проговорил Хаджи-Мурат, подходя вплотную.

Оцепенение длилось несколько секунд.

— Битте, рус Иван, зетцен зи зих, — пришел в себя тот, что постарше, и, наполнив кружку, протянул ее Хаджи-Мурату, а другую — Евгению...

Сидели, пока канистру не опустошили. Пели хором «Катюшу» и «Стеньку Разина». Помню, тот, что постарше, расчувствовался, семейные фотографии показывал и говорил: «Криг никс гут. Рус Иван камрад». Ну, а потом разошлись. Немцы к себе, мы — тоже. Еще темно было. Так что добрались благополучно.

— Ну а в плен их почему не взяли? — спросил кто-то из нас.

— Не знаю,— чистосердечно ответил Гербачевский. — Да и мысли такой у нас не было. Вот если бы в бою, а тут... Ух-х, — с облегчением выдохнул Евгений. — Сколько лет молчал. Вот вроде и легче стало на душе. А Хаджи-Мурат в конце концов в штрафную роту угодил. Там и погиб.

И, немного подумав, произнес:

— Давайте за него.

Мы молча подняли стаканы.

Земляки

В вагон я ворвался буквально за минуту до отправления поезда, еле сдерживая сердце, бешено колотившее где-то в горле.

— Задохся? — участливо спросил мой сосед по купе, поглаживая испещренную лиловыми шрамами ладонь левой руки, на которой отсутствовали три пальца.

— Электричка запоздала,— отдышавшись, ответил я.— Встала возле шлюза через канал Москва — Волга. Вот и пришлось совершать марш-броски по перрону.

Между тем поезд, постукивая на стыках рельс, набирал скорость.

— Едем,— утвердительно произнес сосед, приглашая тем самым к продолжению разговора. Перчатка была поднята.

— До Донецка? — спросил я.

— Ага, до него, — ответил сосед.

— Выходит, попутчики,— добавил я. — Из какой дивизии?

— 230-я. 990-й полк. Матушка пехота.

— Значит, однополчане. Я из артиллерийского. Тогда связистом был.

— Давай знакомиться,— переходя на «ты», сказал сосед. Я Сергей Бойцов, — и он протянул руку.

— Познакомились.

— Сам-то под Москвой проживаешь? — спросил Бойцов.

— Нет, у дочери был. В Нахабино. Уралец я, из Свердловска. Там и родился.

— Почти земляки будем. А я из Перми. Правда, до войны жил возле Кунгура. Село было большое на возвышенности. И церковь.

— Слушай, Сергей, уж не..., — и я назвал село.

— Оно. Откуда знаешь? Бывал что-ли?

— Доводилось. Летом часто отдыхать приезжал. Тетя у меня там учительствовала. В школе колхозной молодежи арифметику преподавала.

— Уж не Мария ли Павловна? — спросил Сергей.

— Она самая. Мамина сестра.

— Ну дела! Я же у нее учился. Хороший человек. Строгая, но справедливая, — добавил Сергей, поворачивая голову к зашумевшему за окном встречному составу. И тут я увидел у него шрам, протянувшийся от уха до подбородка.

— Это у тебя с войны? — кивнул я на шрам.

— Да нет. В детстве заработал. Во время купания.

— Не может быть, — воскликнул я. — Летом тридцать шестого, на Сылве, под крутым берегом, где купались деревенские мальчишки, при мне один сорвался с доски для ныряния. Прямо щекой о край... Мы еще перепугались и побежали взрослых звать...

— Чудеса, да и только, — всплеснул руками Сергей.—

Ведь это был я... Вот так встреча, надо ж подумать... Действительно, как говорится, гора с горой... Слушай, по этой причине... — И он полез в чемодан.

Через минуту на столике красовалась бутылка коньяка, а Сергей, приговаривая: «Ну надо ж, ведь кому расскажи, не поверят», — продолжал доставать различную снедь, сделав протестующий жест, когда я попытался проделать то же самое.

— У меня в 230-й командир отделения был из Перми. Селимгариев. Вернее, из Верхнемуллинского поселка, — доложил я Сергею после первого стопаря. — А вот из Свердловска за всю войну только один раз встретил. Врач в медсанбате. Разговорились случайно. Жила до войны где-то на улице Розы Люксембург.

Сергей как-то по-особенному посмотрел на меня и сказал:

— Вот я однажды земляка встрел... Иногда сам себе не верю, никому еще не рассказывал, как-то не с руки было.

— Слышь, Игорь, а ты когда в дивизию пришел? — неожиданно повернул он руль разговора.

— На Северском Донце, летом сорок третьего. А ранило под Лепятихой в январе сорок четвертого, — должил я.

— Значит, под Пологами ты был. И как там в оборону встали, помнишь, — не то спрашивая, не то утверждая, произнес Сергей.

Пологи... Этот в те времена небольшой, ничем не примечательный городок в Запорожской области я запомнил по одной причине. На подступах к нему на моих глазах за считанное время был уничтожен эскадрон из 4-й Кубанской казачьей дивизии, брошенный в атаку в конном строю без всякой огневой поддержки...

А взяли город так. В одну из ночей прилетел «кукурузник» и бросил бомбы на станции. Они угодили в состав с горючим, потом начали рваться вагоны с боеприпасами, и началась кутерьма. Тут наши поднажали, и немцы драпанули, но быстро опомнились и заняли оборонительный рубеж.

Помню, что против батальона, который поддерживала наша батарея, стояла не то 206-я, не то 209-я русская рота из власовской армии. Так по крайней мере говорили полковые разведчики.

Однажды Сергея назначили в боевое охранение. Вторым номером к его ручному пулемету придали средних лет узбека из числа тех, что уцелели после пополнения дивизии перед боями за Донбасс. По-русски он почти не понимал. Замаскировались метрах в тридцати от бугорка, который прикрывал небольшой стык в обороне противника.

Тихо. Изредка где-то на фланге простучит «максим», ему ответит «машингевер», и время от времени, набирая скорость, ввинтится в небо ракета и понесется потом к земле, чтобы закончить на ней свое недолгое существование.

Узбек долго клевал носом и в конце концов задремал. Сергей ткнул его в бок: «Эй, ипташ, кончай ночевать». Тот спросонья схватил один из запасных дисков к «детгярю» и уронил его на пулемет. Бойцов не сдержался и громко произнес: «Эх, едят ты мухи с комара-

ми», забыв на мгновение, что они находятся под носом у врага.

— Только я закрыл рот, как с того бугорка отчетливо, по-русски: «Эй, ты откудова?»

Я вздрогнул. Направил пулемет, молчу. Думаю, отвечать или нет. Насчет подобного «общения» было строго. Сам знаешь, даже слушать всякого рода передачи и призывы с той стороны запрещалось, — продолжал Сергей. — Помню, как однажды, во время очередной агитации, ротный замполит сновал по траншее и кричал: «Не слушать! Не слушать! Открыть огонь!» Ну, а тут дело другое. Да и любопытство, в конце концов, взяло верх.

— Откуда я? Из Пермской области.

— Не врешь? Я ведь тоже оттуда. Рядом с Кунгуром жил.»

— А деревню твою как кличут?

«Село было большое», — донеслось в ответ. И название.

Услышав, я аж обомлел: «Неужели земляк...? И не в силах сдержаться, спросил:

— Слышь, а ты кто?

После короткой паузы голос назвал себя.

У меня от неожиданности задрожали руки.

— Да ведь на тебя еще в сорок втором похоронка пришла. Мамаша твоя, Матрена Карповна, шибко убивалась.

— Живой я покуда. В плен попал без памяти. В лагере от голода доходить начал. А тут вербовщики из Русской освободительной армии. Вот в ей и очутился. — Голос помолчал, а потом продолжил:

— А ты-то кто? Уж не Паты ли Бойцова братан?

— Он самый.

Немного погодя, на жалобной ноте раздалось:

— Слышь, Сергей, ты поди из дому письма получаешь.

Как там мои, не слыхал?

Сергей хорошо помнил этого весельчака и гармониста. Единственный сын у матери да еще пятеро сестер росли без отца, которого задавило деревом на лесозаготовках. Сергей даже зажмурился от испуга, словно воочию увидел перед глазами смоляной кудрявый чуб и маслянистые, на выкате, глаза этого деревенского сердцеда, закадычного дружка своего старшего брата.

— И тут меня озарило, — поглаживая изуродованную кисть, продолжал Сергей.

— Переходи к нам! — кричу. — Я скажу, что земляки. А?

— Боюсь. Говорят, есть приказ Сталина о дезертирах. А я еще похлеще. Семья пострадает. А так «пал смертью храбрых...» Пусть идет как идет.

— Может, твоим сообщить? — осмелел Сергей. — Так, мол, и так, встретил в госпитале. Писать ему несподручно, но живой.

— Не надо. Мертвый я. Кровь на мне. Ведь в своих стрелял...

Голос замолчал, а потом произнес:

— Серега, а Серега, ты домой хочешь?

— Что за вопрос. Дурак не хочет.

— Так подними руку. Я тебя раню, вот и поедешь...

Сергей молча разлил остатки коньяка и в упор посмотрел на меня.

«Ты поди решил, что это его работа? — сказал он, кивая на левую руку. И, не дав мне открыть рот для возражения, произнес: — Под Бендерами, почти через год, ша-рахнуло, а тогда...»

— Нет уж, земляк, спасибо, как говорится, за ласку. Не согласен я на такое.

Узенькая полоска зари медленно поползла из-за горизонта. Настало время возвращаться из охранения. Слово почувствовав это, голос вновь окликнул:

— Ну, прощай, Сергей. Желаю тебе домой возвратиться!

Сергей вновь замолк. Молчал и я, боясь ненароком травмировать душу человека, долгие годы придавленную тяжким грузом молчания.

— Демобилизовали меня аккурат под новый сорок пятый. Домой приехал, так часу не прошло, как Матрена Карповна прибежала. «Сергей Емельянович, не встrel ли где мово? Чую, живой он, материнское сердце сказывает».

Я глаза в пол: «Нет, тетка Матрена, не встречал...»

— Ну, а после войны? — полюбопытствовал я.

— Не появлялся. И слухов никаких. Погиб, скорее всего, а может, где там, — он сделал неопределенный жест, показывая рукой куда-то в сторону.

— Да оно и к лучшему. Мать его, пока не померла, пенсию получала за сына, сестры выросли, разъехались кто куда... Вот ведь оно как бывает. Судьба — индейка, а жизнь — копейка, — неожиданно закончил Сергей Емельянович. — Ты посиди, а я пойду покурю. Разбередил сам себя. Может, не надо было...

Необыкновенный тост

В моей красноармейской книжке, которую я сохранил на память, есть такая запись: «Приказом НКО от 27.01.45 г. за № 258 за прорыв немецкой обороны в районе Мазурских озер (Восточная Пруссия) объявлена благодарность».

Слегка припорошенные снегом брошенные грузовые и штабные машины со следами осколков и пулевых пробоин, пахнущие свежей гарью подбитые «тигры» и «фердинанды», пушки, задравшие длинные стволы к непривычному для этих мест стылому зимнему небу, фигурки засывших в страшной неподвижности людей...

Мазурские озера. Исконная территория Польши, захваченная в XIV веке Пруссией. Но ее население — мазуры — несмотря на многовековую ассимиляцию, сохранило свои национальные черты.

Мазурские озера. Здесь в 1914 году 2-я армия генерала А. Самсонова, вследствие бездействия командующего Северо-Западным фронтом генерала Я. Жилинского и предательских действий командующего 1-й армией генерала П. Рененкампа, была разгромлена кайзеровскими войсками.

И вот теперь, три десятилетия спустя, войска 3-го Белорусского фронта, преодолевая упорное сопротивление противника, по чужой земле идут к победному финишу Великой Отечественной...

Взвод управления нашего арtdивизиона остановился на ночлег на хуторе у зажиточного хозяина, прекрасно говорившего по-русски.

Уже привычно смотрели мы на добротные дворцовые постройки, асфальтированную дорогу до усадьбы и прочие атрибуты капитализма, но все равно красноармейцы из бывших селян восторженно трогали разнообразный сельскохозяйственный инвентарь, стоявший под крытым навесом, заглядывали в хлев, где мычали коровы и блеяли овцы, на свежих подстилках из соломы довольно похрюкивали розовые свиньи...

И хотя я родился и вырос в большом городе — Свердловске, я с откровенной завистью думал: «Живут же люди», вспоминая обглоданные, почерневшие соломенные крыши и убогие хатенки тех российских деревень, разоренных и обнищавших в результате сплошной коллективизации, что нам довелось освобождать.

Глаза хозяина этого хутора светились неподдельной радостью, когда он усаживал нас за длинный стол в просторной кухне.

Когда все наполнили кто фужеры, кто стаканы или польским «бимбером», или спиртом, он, немолодой поляк, встал и, обращаясь к нам, произнес фразу, которая, благодаря своей неординарности, намертво осталась в моей памяти: «Товарищи красноармейцы, выпьем за советскую власть в Польше, но без колхозов».

Все сидевшие, словно сговорившись, бросили взгляды на единственного офицера за нашим столом — старшего лейтенанта Гуренкова. Ведь от его реакции зависело, имеем ли мы право поддержать этот «крамольно-враждебный» тост, или должны отвергнуть его, дружно поставив на стол нетронутые стаканы.

Начальник разведки нашего дивизиона за два года до войны окончил Смоленский техникум связи. Выходец из крестьянской семьи, он не понаслышке знал, как живут колхозники, особенно в его краях.

И вот сейчас мы терпеливо, но настороженно ждали, как он поступит.

24-летний артиллерист выбрал, на мой взгляд, мудрое решение: молча до дна выпил свою порцию и, ни слова не говоря, сосредоточено принялся уничтожать обильную закуску, налегая на сало.

Мы дружно последовали примеру командира.

...История — не похвальная грамота, выданная человечеству за примерное поведение. И не рождественская сказка, где все вершится только добродетельными персонажами. Особенно на войне.

Пауль ГОССЕН, Виктория ДЕГТЯРЕВА

Человек со Звезды

1

Нет более тихого и неприметного королевства, чем Ризеланд. Его даже указывают не на всех картах. Да и что там указывать — остров, на котором расположилось королевство, такой крохотный, что многие соседи давно забыли о его существовании. Здесь никогда не было войн, народных волнений и денежных реформ. Самые важные темы, что выносятся на первые страницы газет, касаются перемен погоды и видов на урожай. Жители острова — в основном крестьяне и рыбаки — немногословны и сторонятся чужеземцев, изредка навещающих столицу королевства. Кстати, это единственный город Ризеланда. И живет в нем две тысячи человек — ровно треть от общего населения. Чужеземцы, вернувшись в родные края, любят сочинять анекдоты; в них жители Ризеланда предстают сотнями и лентями, которым в тягость открыть рот, когда с ними заговаривает иностранец. Среди этих анекдотов встречаются очень забавные, но мы не будем их пересказывать. Наша история о другом.

А началась она ярким солнечным утром, в конце апреля. Три молодых рыбака — Хельмут, Расмус и Джесс — причалили к берегу в большой лодке, полной рыбы. Они быстро загрузили улов в телегу и повезли на рынок.

— У нас шесть полных бочонков, — сказал Хельмут, погоняя лошадь. — Старик Хансен выложит девять крон. Это по три кроны на брата.

— По три кроны, — кивнул Расмус. — Хорошо заработали! Соберемся сегодня вечером в кабачке «Два индюка»? На такие деньги можно гудеть всю ночь.

— Давай, — согласился Хельмут.

— А я не могу... — в голосе третьего рыбака, Джесса, слышался легкий акцент, в отличие от своих приятелей он был смуглым, а из-под шапки выбивались смоляные волосы. — У меня сегодня... дела.

— Дела ночью?! — не то удивился, не то восхитился Расмус. — С Корой Андерсен? — и он заржал, но тут же прикусил язык и боязливо оглянулся на море — громко смеяться, да и просто шуметь на острове было не принято.

— Так я тебе и сказал, — огрызнулся Джесс.

— Да ладно, приятель, — Расмус хлопнул Джесса по плечу. — Все же видят, что девчонка по тебе сохнет.

Юноша покраснел и отвернулся. А когда телега въехала в ворота столицы, спрыгнул на тротуар, крикнул друзьям: «Не пропейте мои кроны!» — и скрылся в лабиринте переулков.

2

Джесс появился на острове пару лет назад — его нашли на берегу королевские стражники. На юноше была форма юнги, и по-ризеландски он не понимал ни слова.

К счастью, Джесс оказался способен к языкам и уже на второй день, страшно коверкая слова и яростно жестикулируя, рассказал, что его смыло волной за борт испанского фрегата, что он почти сутки провел в воде, уцепившись за какой-то бочонок, а когда сил почти не осталось, заметил вдали берег. Местные жители выслушали эту историю со свойственным им спокойствием, но приняли юношу гостеприимно — и он поселился в заброшенном доме, прилегающем к крепостной стене королевского замка. Вскоре Джесс стал рыбаком и завсегдаем кабачков, завел друзей, а его иссиня-черные кудри заставили учащенно биться сердца местных девушек.

Уверенно прошагав по кривым переулкам, Джесс очутился возле своего дома. Это было обычное для Ризеланда каменное строение с красной черепичной крышей. Судя по полузатертой вывеске, здесь когда-то жил жестянщик. Джесс отпер дверь, вошел внутрь и скинул заплечный мешок на пол.

Половину комнаты занимала большая двуспальная кровать, оставшаяся от прежних хозяев, у окна стоял стол, а в дальнем углу комнаты — старый покосившийся шкаф. Задержав оконную занавеску, Джесс подошел к шкафу, потянул за ручку и скривился — дверца скрипнула громко и неприятно. Внутри обнаружилась вторая дверь — смазанная жиром, она открылась бесшумно. Юноша шагнул вперед и сразу же очутился в темноте. Вспыхнула спичка, потом свечка, и Джесс припустил что есть мочи по узкому тоннелю. Не прошло и пяти минут, как он оказался перед новой дверью. Джесс нагнулся, нажал на секретную пружинку и мгновение спустя уже был внутри изысканно обставленной спальни с шелковыми занавесками, изящной мебелью из красного дерева и гобеленами на стенах.

Тут случилась вещь еще более странная. Джесс стянул шапку и куртку, скинул сапоги и штаны и остался в весьма странном для рыбака кружевном белье. Он с силой потянул себя за волосы — они удивительным образом приподнялись, и на плечи Джесса упали две льняные косы. Затем он достал из тумбочки банку с зеленоватым раствором; обмакнул в нее носовой платок, тщательно протер лицо и руки, и смуглый юноша исчез, уступив место юной бледнолицой красавице, принцессе Ризеланда Анне-Лизе.

Принцесса поспешно распустила косы и взяла расческу, чтобы привести в порядок волосы, но тут раздался стук в дверь, и звонкий девчоночий голос позвал:

— Анна-Лиза! Открывай скорее! Ты проспишь такой хороший день!

— Не шуми, Кирстен! — Анна-Лиза притворно зевнула и сразу же почувствовала, что в самом деле валится с ног. — Сейчас открою! — и она заметалась по комнате, спешно рассовывая наряд Джесса по полкам в шкафу.

— Ну сколько можно ждать? — не унималась за дверью ее младшая сестра.

Наконец Анна-Лиза распахнула дверь, и в спальню ворвалась двенадцатилетняя Кирстен. Радостно вереща, она кинулась на шею сестре.

— Ну, рассказывай скорее, что ты чувствуешь накануне волшебной ночи? — глаза Кирстен горели. — Признавайся, ты уже загадала?

— Что загадала? — Анне-Лизе предстояло стать королевой и поэтому уже сейчас она говорила тихо, но уверенно, как и подобает королевским особам.

Ее тон несколько не смутил младшую сестру. Кирстен, нимало не заботясь о монаршем достоинстве, состроила рожицу и закричала:

— Не держи меня за дуру! Единственное заветное желание, конечно!

Анна-Лиза щелкнула сестру по носу.

— Откуда ты знаешь про единственное заветное желание? — зашептала она. — Даже мне о нем знать ничего не полагается — только в полдень придет мама и расскажет обо всем.

Кирстен прыснула.

— Ты думаешь, я не знаю, на какой полке в королевской библиотеке хранятся запрещенные книжки? На самой верхней, во втором ряду. Да-да, не делай большие глаза! «Путешествия Гулливера» господина Свифта, «Жюстина» маркиза де Сада и, конечно же, трехтомная история нашего рода... И не говори, что ты их не читала — в одном из томов я нашла закладку с твоей монограммой. Анна-Лиза, это так неосторожно с твоей стороны!

Старшая сестра устало опустилась на кровать.

— Ты хоть Расскажи, какой он, — Кирстен присела рядом, — твой Человек со Звезды?

— Зачем тебе? — Анна-Лиза почувствовала, что сейчас заснет на полуслове. — Завтра сама увидишь.

— Так то завтра! — надула губки Кирстен. — Завтра все увидят, а я хочу сегодня.

— Маленький и в треуголке, — понизив голос, сказала Анна-Лиза.

— Кто маленький и в треуголке? — насторожилась Кирстен. — Принц твоей мечты?

— Нет, Наполеон, — Анна-Лиза засмеялась. — Маленький и в треуголке...

— Не держи меня за дуру! — Кирстен, вскочив с кровати, обиженно удалилась.

Анна-Лиза упала на постель и сразу же заснула.

3

Ровно в полдень, шелестя многочисленными юбками, в спальню к девушке вплыла королева Маргарет. Это была красивая женщина — в свое время за нее даже сватался датский принц.

— Ваше высочество! — позвала королева тихо, но Анна-Лиза сразу же проснулась. — Сегодня на редкость солнечный день, а вы спите до обеда.

— Встаю, ваше величество, — ответила принцесса и принялась тереть глаза. — Неужели уже полдень?

И, словно отвергая ее сомнения, все часы во дворце пробили двенадцать раз.

— Встаю, встаю, — Анна-Лиза скинула с себя одеяло.

— Не торопитесь, ваше высочество, — королева присела на самый краешек кровати. — Я должна открыть вам важную государственную тайну. — Принцесса на всякий случай сделала большие глаза. — С незапамятных времен повелось, что старшая дочь в королевской семье Ризеланда имеет право на одно заветное желание. Накануне своего шестнадцатилетия она поднимается на самую высокую башню замка и, дождавшись в небе падающую звезду, его загадывает. А о чем мечтают принцессы? — королева Маргарет улыбнулась, и Анна-Лиза послешно отвела глаза. — Разумеется, о принце. И на следующее утро на берегу появляется юноша королевских кровей и делает предложение принцессе.

— И ваше желание тоже сбылось, ваше величество? — набравшись вдруг смелости, спросила Анна-Лиза.

— Да... мое тоже, — Маргарет улыбнулся. — Помню, загадав желание, я вернулась в спальню, но, конечно же, так и не смогла уснуть — просидела всю ночь у окна, не верила, что все получится... Я тогда зачитывалась романами — мне нравились бесстрашные и благородные рыцари, способные не только сразить дракона, но и стать на колени перед прекрасной дамой. Увы, принц датский, что сватался ко мне, умел только пересчитывать кроны... А наутро волны вынесли на берег Рольфа — младшего сына готландского короля.

— Папу? — глаза Анны-Лизы сияли.

— Как вы проникательны, ваше величество! — засмеялась королева. — Огромная волна накрыла его судно и смыла Рольфа за борт. Конечно, на нем не было рыцарских доспехов, как на картинках в моих любимых книгах, но он много путешествовал по свету — где-то в Африке даже застрелил последнего дракона, — и, главное, увидел меня, он сразу же опустился на колени и попросил моей руки...

— Здорово! — выдохнула принцесса.

— Здорово, — согласилась Маргарет и поднялась, Анна-Лиза тоже вскочила. — Так вот, ваше высочество, я пришла вам сказать, что сегодня как раз такая ночь — не пропустите, — и, поцеловав дочь, королева вышла.

После таких разговоров юная принцесса сильно разволновалась. Попыталась было читать книгу, но поймала себя на том, что просто скользит взглядом по строчкам, не понимая содержания. Взялась за тайный дневник и между страниц обнаружила аккуратно вырезанный из газеты портрет юноши. Гордая осанка и многочисленные регалии недвусмысленно указывали на его происхождение. Какое-то время Анна-Лиза смотрела на портрет, потом макнула перо в чернильницу... и очнулась, обнаружив огромную жирную кляксу на чистом листе. Выдохнула, отбросила в сердцах перо и принялась вышагивать по комнате взад-вперед.

— Неужели он завтра сделает мне предложение, — прошептала она вдруг. — Господи, какая я счастливая!

Наконец-то позвали на ужин. Анна-Лиза спустилась в столовую, уселась за стол, но есть ничего не смогла. Король Рольф и королева Маргарет понимающе переглянулись и промолчали. Кирстен все еще дулась.

Слуги подали десерт и по приказу короля расслазили окна. Свежий морской ветер ворвался в комнату и занес веселую песенку, которую распевали Хельмут и Расмус, направляясь в кабачок «Два индюка».

— Анна-Лиза, вы улыбнулись, — удивилась вдруг королева. — Неужели вам нравятся песни рыбаков?

— Нет-нет, — Анна-Лиза поспешно затрясла головой. — Скорее, я смущена. На нашем острове не принято петь так громко...

— Закрывать окна! — приказал король.

— Что вы, ваше величество! — воскликнула принцесса. — Такой хороший вечер! Просто я немного переволновалась. Можно, я пойду к себе?

— Конечно, ваше высочество, — кивнул король.

— Спокойной ночи, Анна-Лиза, — королева тоже кивнула и улыбнулась дочери самым краешком губ.

А Кирстен ничего не сказала — она ела мороженое.

4

Через четверть часа из дома у крепостной стены, что-то насвистывая, вышел юный рыбак Джесс и поспешил в сторону кабачка «Два индюка», «Пропью напоследок свои три кроны, — приговаривал он про себя, — нет сил ждать дома до утра».

В кабачке было душно и накурено, трещали поедаемые огнем ветки в камине. Хельмут успел «набраться» и спал. Расмус о чем-то возбужденно спорил со стариком Хансеном. Увидев Джесса, он помахал ему пивной кружкой.

— Опять шумите? — Джесс опустился на скамейку. — И не боитесь разбудить Большого Кальмара?

Расмус довольно хмыкнул и подмигнул приятелю, старик же вынул изо рта трубку и выпустил дым.

— Смеешься, Джесс? — сказал он. — Смейся, смейся над стариком. Да только не байки это. Я Большого Кальмара как тебя видел. — Хансен хлопнул Джесса по коленке. — Я же не всегда на рынке торговал. В молодые годы пришлось мне порыбачить. Бывал я и в Осло, и в Копенгагене. Поживи да испытай с мое — тогда и рассуждай, что байки, а что нет.

— Да ладно, старый, не обижайся! — встрял в разговор Расмус. — Все знают, что ты Большого Кальмара видел, никто и не спорит. Джесс его так помянул, к слову. Ты лучше про Кальмара толком расскажи, что да как.

— Еще пива хочу! — прохрипел вдруг Хансен и ударил пустой кружкой по столу. — Кора, носи пиво!

Кора Андерсен, дочь хозяина кабачка, подлетела к ним с пенящимися кружками. Первая досталась Джессу, он отвел взгляд, но девушка пихнула его локтем и зашептала на ухо:

— Тебе за счет заведения — угощаю.

— Хороша! — выдохнул старик, когда Кора побежала дальше. — И куда ты, Джесс, только смотришь? Кто с ней в красоте сравнится — разве что принцесса Анна-Лиза... — И он отхлебнул из кружки.

Пунцовый Джесс пригубил свою и нарочито пьяным голосом произнес:

— Ты, старый, от разговора не уходи, ты нам про Большого Кальмара расскажи. А с девчонками мы сами разберемся.

— А что Кальмар? — старик выпустил струю дыма прямо Джессу в лицо. — Кальмар — он и есть кальмар, только огромный, и поэтому Большой Кальмар. Меня им с детства пугали, как и любого на нашем острове: не кричи, не шали, а то Большого Кальмара разбудишь. Бабка моя про него много легенд знала. Помню, рассказывала, что появился он в древние времена, когда боги на земле жили и девушек себе в наложницы брали. Заночевал как-то на нашем острове бог. Страшный — из ушей и ноздрей волосы торчат, одна рука другой вдвое короче. Ну, а чтобы не скучать, прикинулся он прекрасным принцем и соблазнил юную принцессу. А поутру на глазах у несчастной обернулся то ли рыбой, то ли птицей и был таков. Дело обычное и не только среди богов распространено. Все бы ладно, да была у бога жена законная — тоже богиня. Приняв вид звезды, наблюдала она с ночного неба за изменой мужа и, осерчав, послала проклятье на чрево несчастной принцессы. Так и появился Большой Кальмар. Впрочем, сперва-то он был маленький, но рос быстро и все пищал — в воду просился. А как подросток и перестал в бассейн вмещаться, по приказу короля вывезли его на берег и выпустили в море. Принцесса рыдала, конечно, на берег приходила. И Большой Кальмар к ней приплывал — они подолгу беседовали каждую ночь. Вырос он огромный, больше любого корабля. Но однажды принцесса не пришла — слегла от перенесенного горя и вскоре умерла. Большой Кальмар затосковал. Бил шупальцами по берегу, а когда вымотался и устал, заснул и больше уже не просыпался. Волны отнесли его тело в море, но недалеко — мель помешала. Там он и спит уже много-много веков. Иногда во время отлива видна его спина...

Старик Хансен замолчал. В кабачке стало тихо — рыбаки за соседними столиками примолкли, эта история всегда слушалась здесь с интересом. За стойкой всхлинула и утерла глаза Кора.

— Я в молодые годы в это не очень-то верил, — залпом опустошив полкружки, продолжил старик Хансен. — Мало ли что бабушка расскажет, лишь бы внук не баловался. А как стал рыбаком, сам, бывало, над стариками посмеивался: где он, ваш Большой Кальмар? Ну и досмеялся... Перевернуло как-то нашу лодку — товарищи мои за борта уцепились и стали к берегу править, а меня отнесло в сторону. Испугался я, понятно. Бултыхаюсь в воде, а что делать, не знаю. Вдруг чувствую — под ногами что-то твердое. Обрадовался сперва — мель, думаю. А мель подниматься стала и вытолкнуло меня из воды. Глянул — подо мной спина Кальмара. Огромная — жуть! Сиганул я в воду и до других рыбаков мигом доплыл. Ну, решил я, проснулся Большой Кальмар, пришла беда на наш остров. А друзья смотрят на меня, ничего понять не могут. Оглянулся я — нет никого. Поворочался, видать, Большой Кальмар, да и опять затих...

В зрачках Хансена плясали отблески огня, что бушевал в камине, старик смотрел прямо на Джесса, но не видел его.

— И что было бы такого ужасного, если бы Кальмар на самом деле проснулся? — спросил вдруг Джесс.

Завсегдатаи кабачка загудели. Старик Хансен помолчал какое-то время, потом ответил:

— Сам подумай, Джесс, что он доброго от людей видел? Что, кроме обид, на душе держит?.. Права была моя бабка — нельзя шуметь на острове. Добром это не кончится.

— А я не верю в злого Кальмара! — заявил Джесс. — Почему все считают, что Кальмар уничтожит Ризеланд, когда проснется? С чего вообще взяли, что он спит? Скорее, он следит за жизнью на острове и защищает жителей. Ведь в Ризеланде даже войн никогда не было — кто-то разгоняет вражеские суда. Вы задумывались когда-нибудь, кто?

Хансен влил в рот остатки пива и хмыкнул:

— Ну, спасибо, Джесс, повеселил старика! Добрый благородный Кальмар — это ж надо такое придумать! Молод ты еще совсем. Жизни не знаешь. Ладно, время свое возьмет, — он поднялся и бросил на стол монету. — Поздно уже, пошел я.

— И мне пора! — Джесс глянул на настенные часы и бросился вон.

5

У Анны-Лизы не было времени переодеться. «Все спят, — решила она. — Никто ничего не заметит». И, не снимая рыбацкого костюма, принцесса выскользнула из спальни и поспешно поднялась на самую высокую башню замка. Ночь была тихой и ясной, и звезды казались совсем близкими и доступными — только протяни руку, и заблестит, переливаясь на ладони, небесный хрусталь...

Долго стояла Анна-Лиза неподвижно, напряженно вглядываясь в небо. А что, если не упадет сегодня звезда? Вдруг нарушится что-то в небесной механике? Но вот наконец одна совсем маленькая звездочка сорвалась и полетела в море.

Принцесса улыбнулась и загадала...

Никем не замеченная, вернулась она в спальню, скинула с себя мужскую одежду, швырнула ее в кресло.

— Прощай, Джесс! — сказала она тихо. — С тобой было славно — ты так потешно коверкал ризеландский язык, так забавно делал вид, что пьешь, а сам подливал пиво в кружку старика Хансена... Прости, Джесс, но завтра у меня начинается новая жизнь, завтра появится ОН!

Поворочавшись в постели несколько мучительных часов и так и не сомкнув глаз, Анна-Лиза вскочила, когда часы пробили шесть утра, оделась и выбежала из замка. Ледяной ветер чуть не сбил ее с ног. От ночного шторма не осталось ни следа — небо затянуло рваными тучами, холодный косой дождь хлестал по лицу мгновенно продрогшую принцессу. Но никакие ливни, грады и ураганы не смогли бы остановить девушку! Анна-Лиза плотнее запахнулась в плащ, накинула капюшон и понеслась к берегу моря.

Вот и рыбацкий причал. Сегодня он был совершенно безлюден — никто не отважился выйти на рыбалку в такую погоду. Море грозно рокотало и обрушивало на берег волну за волной. В нескольких милях от берега Анна-Лиза заметила иностранное судно. Судя по всему, поднявшийся ветер занес его на мель. «Он там! — ее сердце отчаянно застучало. — Мель мешает кораблю добраться до Ризеланда... Надо разбудить стражников! Надо что-то делать!» И тут Анна-Лиза услышала чей-то крик. Она вгляделась и увидела барахтавшегося в воде чело- века. «Ах, вот он где!» — принцесса отвязала от причала ближайшую лодку и, отчаянно гребя веслами, отплыла от берега. После долгих мучений ей удалось подгрести к тонущему и втащить его в лодку. Он весь дрожал, мокрые волосы облепили лицо, кожа посинела от холода.

— Сейчас, сейчас, потерпи! — бормотала Анна-Лиза. — Доберемся до берега, зайдем в рыбацкую сторожку, я растоплю печку — обсохнешь, отогрешься!

Спасенный ничего не отвечал, только стучал зубами.

В сторожке было все, чтобы усталый, продрогший рыбак мог восстановить силы и воспрянуть к жизни, — не только печка с запасом сухих дров, но и регулярно пополняющийся запас рома. Анна-Лиза быстро и умело разожгла огонь и достала из тайника бутылку.

— Вот, отхлебни! Сразу согреешься! — она протянула руки незнакомцу, тот благодарно кивнул и откинул от лица волосы.

Принцесса от неожиданности вскрикнула и чуть не выронила бутылку — перед ней был... Джесс! Тот самый, созданный ее фантазией юноша, с которым она распрощалась прошедшей ночью.

— Как... почему... кто ты?

— Я — Человек со Звезды, — Джесс заговорил с акцентом, репетируя который, принцесса когда-то так славно развлекалась, — ты вчера звала меня, и я пришел.

— Но я звала не тебя! — отпрянула Анна-Лиза. — Ведь ты — это я... — она запуталась и совсем растерялась. — Скажи мне, почему ты выглядишь, как я... как Джесс?

— Но ведь ты хотела этого! — теперь растерянным выглядел юноша. — Ты постоянно переодевалась в Джесса, тебя так увлекала и радовала эта игра... Ты даже на башню пришла в его костюме. Разве не Джесс — тот, о ком ты мечтала?

— Что ты говоришь? — глаза принцессы наполнились слезами. — Как я могу мечтать о Джессе, если он — часть меня? Поверь, это совсем нелегко — быть принцессой, будущей королевой, всегда следить за своими словами и эмоциями. Мне так хотелось побыть кем-то совсем другим, пожить другой жизнью, увидеть мир другими глазами. Анна-Лиза — скромная, сдержанная девушка. Джесс — смелый, порывистый юноша. Но и Анна-Лиза, и Джесс — это все я, и я не могу разделить себя на две половинки. Это была только игра... Да что я тебе все рассказываю? Ты так и не объяснил, кто ты и откуда знаешь все про меня и Джесса?

Юноша вздохнул.

— Я живу у берегов этого острова очень давно. Много лет назад в день своего шестнадцатилетия одна прин-

цесса поднялась на башню королевского замка и, заметив падающую звезду, прошептала заветное желание — встретить прекрасного принца. Меня так растрогала ее просьба, что я попросил своего отца, древнего бога, чье имя люди давно забыли, помочь девушке — и на следующее утро он подбросил к берегам Ризеланда молодого чужеземца. Принцесса стала королевой и через какое-то время рассказала об исполнении желания своей дочери, та — своей... Они все так искренне верили в чудо, что я, никому не смея отказать, вновь и вновь обращался за помощью к отцу... А потом появилась ты. О, Анна-Лиза, ты совсем не похожа на своих предшественниц! Тебе скучно быть принцессой, ты переодеваешься в Джесса, дурачишь родителей, друзей-рыбаков, ты смелая и отчаянная, наконец, ты — единственная, кто верит, что я не желаю зла вашему острову, что я люблю и защищаю вас!

— Так ты — Большой Кальмар! — ахнула Анна-Лиза.

— Да... был им, пока не решил стать Человеком со Звезды — Джессом... Я думал, тебе его так не хватает! — ответил юноша.

— Но... зачем? Зачем ты стал человеком?

— Я люблю тебя, Анна-Лиза. Много веков я горевал по своей несчастной матери, но увидел тебя — и боль отступила. Я попросил отца, чтобы он снял заклятие, наложенное когда-то, и превратил меня в Джесса. Он согласился, но с условием, что это желание будет последним. Ему надоело добывать женихов для принцесс. И вот я здесь.

Анна-Лиза поднялась.

— Джесс, но я не могу... не могу полюбить тебя.

Джесс удрученно замотал головой.

— Я не понимаю.

Принцесса надкусила губу, но не почувствовала боли.

— Я ждала другого, — сказала Анна-Лиза совсем тихо. —

А тебя ждет Кора Андерсен. Джесс, ты все напутал... — она выскочила из сторожки и побежала к замку. Безжалостный дождь колотил ее по спине.

В спальне Анна-Лиза бросилась на постель и горько разрыдалась. Все было кончено, жизнь потеряла смысл... И тут послышался скрип. Принцесса обернулась и обнаружила Кирстен — та стояла в дверях и таранилась на костюм Джесса, который лежал в кресле.

— Что ты делаешь здесь? — Анна-Лиза вытерла слезы и поднялась.

— Я хотела первой поздравить тебя с днем рождения, — Кирстен виновато потупилась. — А дверь оказалась приоткрытой... Анна-Лиза, — она перешла на шепот, — он появился? Твой Человек со Звезды?

— Нет, — принцесса скинула плащ и решительно принялась расшнуровывать платье; она вдруг поняла, что должна делать. — Не забивай голову сказками, Кирстен. Ведь тебе уже двенадцать лет.

Кирстен надулась.

— Не держи меня за дуру, — сказала она. — Если Человек со Звезды не появился, то чей это костюм?

— Мой, — ответила Анна-Лиза и быстро переоделась в Джесса. — Я уйду, Кирстен. И вернусь очень скоро,

ро, может быть, никогда. Но со мной все будет хорошо. Поцелуй за меня папу и маму, когда они проснутся.

Кирстен испуганно смотрела на сестру.

— Значит, Человека со Звезды действительно нет?

— Да, Кирстен. И мне пора идти.

— Постой, Анна-Лиза! На улице такой ветер и дождь...

— Шторм — это то, что мне сейчас нужно.

Кирстен поймала ее за руку.

— Удачи тебе!

— Спасибо, Кирстен! — и Анна-Лиза поцеловала сестру.

6

Ветер все усиливался, волны поднимались выше и выше. Лодка с тремя рыбаками направлялась к севшему на мель кораблю.

— Джесс, не пойму, что ты задумал, — Хельмут с тревогой смотрел на приятеля. — Что ты ищешь на этом судне, да еще в такую погоду?

— Так, хочу провернуть одну сделку, — ответил Джесс. — Вам не стоит меня дожидаться. Я возьму на корабле лодку и вернусь к вечеру...

— Э-э, приятель, — Расмус почесал затылок. — Не лукавишь ли ты, не надумал ли покинуть Ризеланд?

— Что вы, друзья, — Джесс обнял рыбаков за плечи. — Я всегда буду с вами. Свидимся вечером в «Двух индюках».

Расмус довольно крикнул, более сдержанный Хельмут промолчал. Лодка приблизилась к кораблю.

— Эй, на борту, — сложив ладони воронкой, закричал Джесс. — спускайте веревку! Дело есть.

Он быстро поднялся на корабль, махнул друзьям. Те заработали веслами, лодка развернулась и поплыла к берегу.

— Слушаю, — рядом с Джессом стоял боцман. Его акцент был просто непередаваем.

— Юнга не нужен? — спросил Джесс и улыбнулся.

Исчезновение принцессы Анны-Лизы переположило весь остров. Ее искали в городе, искали на побережье — безрезультатно. Королева слегла в постель. Король был хмур и бледен, он упорно допытывался, какие корабли заходили в порт, но таможенники только разводили руками — кораблей не было. В газетах писали разное — впрочем, чего теперь только не пишут в газетах. И лишь Кирстен была невозмутима.

— С ней все будет хорошо, — говорила она. — Анна-Лиза сама мне так сказала.

Ее никто не слушал.

Повеселели ризеландцы только осенью, когда Кора Андерсен вышла замуж за Джесса. На их свадьбу съехались рыбаки со всего острова. Было выпито много пива и спето много песен.

А потом пришло письмо из Стокгольма. «Мама и папа, здравствуйте! — писала Анна-Лиза. — Кирстен, сядь на стул, а то упадешь. У меня попросил руки принц Франц-Хенрик. Я дала свое согласие. Вы не представляете, какая я счастливая!»

Ирина МОРОЗОВА

Дом на Широкой речке: тысячи «здравствуйте» и «спасибо»

Многоуважаемый врач Дора Израилевна!

Простите, но я решил Вам написать. Вы, врачи, – специалисты советской медицины, кому доверяется самое ценное «ремонт и восстановление» человеческого организма. Я сегодня надеюсь только на врачей, только на Вас, ибо жизнь моя зависит от Вашего внимания. Дора Израилевна, спасибо Вам за заботу, внимание!

С уважением к Вам Ваш пациент. 1947г.

Начальнику второго отделения доктору Кирсановой Лидии Александровне от бывшего больного, инвалида Отечественной войны Липнягова Ивана Григорьевича.

Во-первых, разрешите передать Вам от меня, моей жены, моих детей сердечный привет и благодарность за Вашу заботу об инвалидах войны.

Во-вторых, отвечаю Вам на Ваши вопросы: после выписки из госпиталя около трех месяцев пока нигде не работаю, чувствую себя хорошо, почти не ощущаю головной боли...

...Прошу передать от меня и моей семьи горячий привет и сердечную благодарность коллективу второго отделения.

Жду ответа. 1949г.

Здравствуйте, Гута Яковлевна, Вы меня простите, я Вам пишу второе письмо...1947г.

Здравствуйте, товарищ начальник военного госпиталя...

...На Ваше письмо сообщая Вам, что после выписки из госпиталя рана не открылась, чувствую себя хорошо. Спасибо Вам...1948г.

И еще тысячи «здравствуйте» и тысячи «спасибо».

Такие письма приходили в Свердловский госпиталь ветеранов Великой Отечественной войны от благодарных пациентов в те далекие и трудные послевоенные годы, которые стали переломными и в работе госпиталя.

Война окончена, мир, и наступил момент, когда инвалиды войны должны снова «встать в строй». Их надо было не только заново научить ходить, пользоваться руками (протезирование), но и вернуть к мирной жизни, адаптировать психологически.

С августа 1948 года в Областной госпиталь переведено психоневрологическое отделение вместе с больными и сотрудниками из Городского госпиталя для инвалидов ВОВ. Организованы наблюдательные палаты, в которых дежурили сестры. Нянечки остались еще с военных лет, это те, кто обладал старой закалкой. Несмотря на то, что здание госпиталя было старое: текла крыша, батареи и оконные рамы все сгнили, на больных это никак не отражалось. Все неудобства пациентов компенсировались профессионализмом врачей, вниманием и заботой медсестер и нянечек.

В феврале 1953 года по приказу министра здравоохранения РСФСР госпиталю присвоен статус психоневрологического с обслуживанием инвалидов ВОВ по всей федерации. В те же 50-е годы госпиталь приобрел статус медучреждения республиканского значения. Сюда стали направляться больные из всей России. Коллектив тогда был дружный, сплоченный, как и в войну. Всем медперсоналом ездили на сельхозработы – убирать картошку, морковь и турнепс. На сенокос на Широкую речку. Все эти мероприятия, не относящиеся к медицине, превращались в праздник не только для сотрудников, но и для больных. Во время таких праздников столы, расставленные во всех отделениях, бук-

важно ломиться от всяческих явств. Жили, как говорится, одной семьей. Принимали больных из других областей: Пермской, Челябинской, Курганской. Да что там из других областей, из всего Союза принимали. Из Башкирии, Кабардино-Балкарии, Белгорода, Ростова-на-Дону.

Но мест, конечно, не хватало, и в 1975 году, когда готовились к празднованию 30-летия победы над Германией, Советом Министров СССР было решено, что часть средств от Всесоюзного субботника, приуроченного к празднику, пойдет на строительство нового здания госпиталя инвалидов войны в городе Свердловске.

Долго и трудно строился новый госпиталь: сначала денег не хватало, потом строителей перебросили на другой, якобы, более срочный объект. В общем, стройка затянулась на 7 лет. И все-таки в канун нового 1983 года госпиталь для ветеранов ВОВ на Широкой речке, хоть и с недоделками, был сдан.

С тех пор прошли годы. Появились новые корпуса, специализированные кабинеты, медицинское оборудование. Есть даже свой музей, а для верующих — приход. Весной радуют глаз цветы на клумбах и газонах перед фасадом здания. Удобно и со вкусом оформлен интерьер холлов. В общем, новшеств и изменений много. И лишь одно осталось неизменным: все такие же заботливые врачи, медсестры и, конечно, нянечки. А значит — бесконечно благодарные пациенты, по медицинским историям которых можно писать летопись госпиталя.

Петру Григорьевичу Ступину в 1942 году было всего 19 лет, когда он после авиационного училища попал под Сталинград, и сразу — в наступление.

«Жарко было, — вспоминает Петр Григорьевич, — но ничего, выстояли. Хоть я и не делал боевых вылетов, а всю войну прослужил механиком на самолетах «Ил-2», все же порохоу тоже понюхал».

После войны Петр Григорьевич осуществил свою детскую мечту — стал машинистом электровоза и проработал по специальности до самой пенсии (1977 года). В госпиталь ветеранов первый раз попал в 1992 году. С того времени поправляет свое здоровье регулярно. Как он сам шуточно говорит: «Меня здесь подремонтируют, смажут, и опять я на ходу».

Ивану Степановичу Смышляеву в 1945 году было и того меньше — всего 17 лет. Пришлось даже год

добавить, чтобы попасть на войну. Воевал на Первом Украинском фронте в дивизии прорыва. Прошел путь от Сандомирского плацдарма до Берлина, освобождал Прагу. На вопрос о наградах скромно отшучивается: «Мы же не за награды воевали, а за Родину, да и какие мне награды, я же салага был тогда желторотый».

После Победы Иван Степанович строил Братскую ГЭС, прокладывал железную дорогу Тайшет — Абакан. Работал на стройках в Хабаровском крае, на Украине. На Урал приехал в 1977 году, устроился на завод в Каменск-Уральске, да так здесь и остался.

— Госпиталь для меня стал вторым домом. Здесь я получаю лечение, уход, а самое главное, общение и заботу, которых так не хватает пожилым одиноким людям в обыденной жизни. Большое спасибо всему медперсоналу, а особенно моему лечащему врачу Лие Павловне Демьяновой.

Это сейчас Лия Павловна невропатолог со стажем, а в далекие военные годы, когда училась в школе, не думала

быть медиком. Говорила: «Лучше я стану трубочистом, но не пойду ни в мединститут, ни в пединститут». Настоящей ее мечтой был Литературный институт им. Горького в Москве. Но раз началась война, то разговоры о литературе прекратились, и по 1948 год она все-таки училась в мединституте. На выбор профессии во многом повлияла и атмосфера, в которой Лия жила. Небезызвестный руководитель клиники нервных болезней Давид Григорьевич Шефер приходился девушке дядей (его жена и Лиина мама — родные сестры). Тетя — рентгенолог, дядя — невропатолог. Естественно, в доме постоянно разговаривали о медицине.

Когда Лия училась, в институте существовало научное общество, и вот, на радость всей семье, девушка занялась наукой: писала работы, получала премии. Когда окончила институт, уехала в Нижний Тагил, где год проработала врачом-лаборантом в клинической больнице.

И наконец, Свердловск. Областной госпиталь ветеранов ВОВ. Когда начала работать невропатологом, в 1949 году, ей было всего 25 лет. С тех пор и по сей день вся ее жизнь связана с госпиталем. Здесь она познакомилась со своим мужем, военным летчиком, инвалидом войны и бывшим пациентом госпиталя. Она помнит многих людей, прошедших через ее руки, и часами может рассказывать о родном госпитале:

— В первые годы моей работы стационар был всего на 200 коек, сейчас больше тысячи. У нас много раз лечился Герой Советского Союза Неустроев, который водрузил над Рейхстагом знамя Победы. Легенда госпиталя Сима Подольяко, всегда добрый, тактичный, общительный. Последнее время практически жил в госпитале и умер здесь же, завещав при этом нам свою квартиру. Все пациенты, которые прошли через нас — герои, независимо от их званий и наград, святые люди, творцы Великой Победы.

— Я не представляю свою жизнь без госпиталя. Если раньше он был для меня вторым домом, то после смерти мужа стал первым.

И так рассуждает не одна Лия Павловна.

Говорят, каждый кулик свое болото хвалит. Видимо, интуитивно, а может и сознательно любой врач считает свою специализацию «альфой и омегой» медицины. Но, вне сомнения, пальма первенства в своеобразной медицинской табели о рангах принадлежит хирургам. Нина Густавовна Стадухина в семье была первой «ласточкой», открывшей в своей фамилии счет эскулапам. По ее стопам пошли дети: сын Виктор и дочь Наталья.

С приходом в госпиталь для Нины, помимо операций, начались вечерние и даже ночные бдения над историями болезней. День за днем она набиралась опыта. В 1959 году Нина Густавовна стала заведующей 2-м нейрохирургическим отделением и занимала эту должность более четверти века.

Стадухина Нина Густавовна.

Демьянова Лия Павловна

У долга в медицине есть своя мера. Это не просто неукоснительное выполнение инструкций и предписаний, но и особое состояние души: доведенное до абсолюта чувство сопереживания вкупе с профессиональным мастерством. Именно таким врачом была Нина Густавовна Стадухина.

Да что там говорить, весь медперсонал госпиталя беззаветно предан своему делу. Случайные люди здесь не задерживаются — поработав год-два уходят. И **неудивительно: трудное это дело — лечить тела и души, израненные войной.**

За годы существования госпиталя через него прошли лечение 600 тысяч воинов, проведено 200 тысяч операций!

Не все, к сожалению, дожили до 59 годовщины Победы, но для тех, кто еще жив, 9 мая — общий праздник, который объединяет ветеранов всех войн, тружеников тыла, врачей и медсестер.

На площади возле госпиталя в этот день всегда проходит парад железнодорожных войск. В этом году его открыл начальник госпиталя Семен Исаакович Спектор. Именно он с 1973 года взвалил на свои плечи нелегкую задачу: координировать работу госпиталя и в то же время лечить больных. Впрочем, с этой задачей Семен Исаакович успешно справляется. Хотя уже много лет не может полностью использовать свой отпуск, на судьбу не ропщет и очень гордится своим коллективом, который и днем и ночью несет свою трудную вахту. «Ведь лечить ветеранов войны, — считает начальник госпиталя, — это почетная обязанность».

На параде присутствовали губернатор Свердловской области Эдуард Россель и мэр Екатеринбурга Аркадий Чернецкий. Многие детские коллективы выступили в госпитале с концертами. И, как сказала юная артистка Саша: «Мы с любовью и трепетом пришли поздравить наших ветеранов и отдать им дань уважения за нашу Победу и наше будущее».

Фотографии из архива музея госпиталя.

Наталья ТЕКИНА

АНТИ...

Глава 8

«28 июня. Напишу и тут же уничтожу. Меня грызут сомнения. Вчера в моем кабинете побывала Ужанова, я это знаю наверняка, потому что, во-первых, ее видели в коридоре здания. Во-вторых, когда я вернулась в салон, ее там не было, но запах ее духов, пропитавший весь салон, соответствовал тому, какой я учуяла в своем кабинете. Это значит, что она хочет под меня копать,— она не поддалась псевдогипнозу, где-то на ней был бриллиант. Но я уничтожу ее раньше, чем она сможет навредить мне. Чего бояться косметологи? Не ошибусь, если предположу, что старости. Что же, тогда есть у меня кое-какое снадобье специально для тех, кто сует свой длинный нос в чужие дела. Займусь этим сразу после праздника. Пока же пусть строит свои козни, они мне не опасны — здесь она ничего не могла найти, в компьютер не могла залезть. Однако из-за ее вмешательства мне придется пересмотреть все свои линии. Она может рассказать все мужу или еще кому-нибудь, но вряд ли в такое можно поверить. И все равно — это ужасно мне неприятно. Впредь надо быть осмотрительней. Придется супругов Шариповых на время оставить и заняться кем-то другим, хотя мои жизненные запасы позволяют пока не торопиться. Послезавтра пусть пройдет этот утомительный праздник, а уж потом накажу Ужанову, испугаю ее, пошантажирую и продолжу свои игры без помех. Может быть, завтра выберу время съездить в лес за сырьем.

Давно что-то Любки не слышно, уползла, наверное, зализывать свои раны, ведь ежедневно она убеждается в своей несостоятельности — что ж, я ей давно объясняю, кто в доме хозяин».

Марьяна Естарховна перечитала написанное, удовлетворенно хмыкнула и отправила файл в «Корзину».

Женечка вела себя тише воды, ниже травы. Она чувствовала, что происходит что-то такое, из-за чего потом у нее могут быть большие неприятности, и изо всех сил мудро старалась ни во что не вникать и никого ни о чем не спрашивать. Она была уверена, что если встретит Шарипова, то он опять попросит ее об одолжении — станцевать на столе в буфете в час пик или плюнуть в лицо Сладковой, поэтому она старательно его избегала, но все ж таки недостаточно успешно. В обед он выплыл у нее из-за спины, когда она покупала бутербродик с икоркой, и шепотом сказал:

— Женечка, мне кое-что от тебя нужно,— и, заметив, как она борется с замешательством, добавил.— Только в виде информации. Ты же сто пудов знаешь расписание дел мэра на эту неделю? Скажи, где она будет завтра и послезавтра, что запланировано и с кем встречается.

— Завтра она берет отгул для личных дел,— промямлила Женечка.— Ее не будет весь день и все встречи отме-

нены. А послезавтра — праздник. Вечером, в 10 часов, она встречается здесь с Ужановым и Корейкиным, а потом они едут на площадь. Там она должна выступить с речью после концерта, а потом, вы сами знаете, все идет на банкет во дворец культуры — и до поздней ночи.

— Так. Хорошо. Обычно кто по праздникам бывает в администрации?

— Обслуживающий персонал будет весь — и в буфете, и охрана, и уборщики.

— Ясно. Странно, что я никогда не работал в выходные. Как ты смотришь на то, чтобы сходить куда-нибудь в понедельник?

Женечка смотрела положительно.

— Да, кстати. Телевизионщики просят позволения по- снимать мэра послезавтра — небольшое интервью, а затем и речь на площади. Базар-вокзал они хотели бы на фоне озера, за администрацией. Передайте Сладковой, что Потапов будет ждать с оператором в 21.30 у входа.

— Хорошо, я сейчас запишу. Он перезвонит?

— Нет. Он вел переговоры через меня. Ты же знаешь, что мои кореша.

Женечке не очень понравились такие переговоры через посредников, но она снова решила не вдаваться в подробности. Шарипов сам знает, что делает — все-таки первый зам, а не просто так.

Шарипов действительно знал. Он уже переговорил с представителем областной пиротехнической фирмы «Наваждение», который обязался привезти в Лесодвинск чудеснейший салют.

— Пальть будем 20 минут. У нас самые совреманные горючие дымовые зажигательные составы. Это последнейшие разработки в пиротехнике — вращающиеся мэрцающие шары, разноцветные зонты, переплтение огненных комэт, букеты сверкающих звезд, снопы блэстающих зыгзагов, россыпы световых вспышек. Освэтим полгорода, насыщэнность — 20 залпов в минуту...

— Ладно-ладно,— перебил его Шарипов.— Сколько, если не составлять договор?

— Бэз даговора нэльза! — засокрушался пиротехник.

— Привет, гараж! В наше время можно все, были б бабки,— возразил Шарипов.— Оплата через банк наличными сегодня же. Там сколько?

— Ну-у-у, тада 700 тысяч — вмэсте с процэнтэм за срочность.

— Идет! — сказал Шарипов, и дело было слажено.

Ни одно городское средство массовой информации, освещая программу предстоящего праздника, не упомянуло, что сразу после концерта, в 11 вечера, когда уже стемнеет, лесодвинцев ожидает потрясающее зрелище, удивительный сюрприз — фейерверк!

(Окончание. Начало в № 4, 2004.)

Глава 9

Марьяна Естарховна обожала давать интервью, делала это с удовольствием и без особой подготовки. В Лесодвинске среди журналистов не было принято задавать чиновникам, а особенно мэру, каверзные вопросы, провоцировать их, уличать в некомпетентности или же выуживать правду. Что уж чиновник находил нужным сказать на ту или иную тему, то и принималось с благодарностью и чуть ли не с поклоном. Поэтому отношения между журналистами и администрацией были самого теплейшего свойства. Никогда акулы пера не уходили отсюда голодные, — всегда их угощали на славу в буфете, независимо от того, зачем они являлись — для интервью или за листком со статистикой. В буфете им даже был отведен отдельный столик.

Марьяна Естарховна прошла в буфет и попросила Настасью — главного специалиста буфета городской администрации — накрыть журналистский столик.

— Осетринку с гарниром, устрицы, поросеночка с хреном, соляночку рыбную, блинцы по-царски, — стала перечислять Настасья, загибая толстые, как сардельки, пальцы. — Выпивочку легенькую по случаю праздничка?

— Да-да, милая, прекрасно. Кстати, сегодня были бесподобные блинчики. Журналисты пальчики оближут.

Настасья улынулась: у нее в буфете всегда и все было бесподобно. Никто бы не мог пожаловаться.

Марьяна Естарховна неторопливо спустилась по широкой лестнице, посмотрелась в огромное зеркало, поманила вахтеру и вышла в огромное дубовые двери. На крыльце ее поджидал Шарипов.

— Добрый вечер, Марьяна Естарховна. Пойдемте, я вас провожу.

— А какой они ракурс выбрали? — поинтересовалась Сладкова, ничуть не удивившись, что ее зам собрался препроводить ее: все знали, что Шарипов и Потапов большие приятели.

— А у той же сосны, так сказать, что и в прошлый раз. С видом на закат.

У берега стоял его «Мерседес», в котором сидела Ужанова с видеокамерой в руках. Тонированные стекла не позволяли ее увидеть, но в радиусе нескольких метров от машины витал запах ее любимых «Рошуа», 72 часа стойкости.

Сладкова стала принохиваться, нахмурившись, но не успела она еще сообразить, что происходит, как Шарипов толкнул ее на заднее сиденье машины, сел за руль, и они поехали.

Увидев Ужанову, Сладкова сказала:

— Это больше похоже на похищение, милые, чем на интервью с видом на закат. А вам, Олег Валерьевич, не мешало бы взять несколько уроков вежливости и хороших манер. А теперь могу я узнать, что все это значит?

— Мы читали ваши откровения, — без обиняков заявила Яна. — И считаем, что вам необходимо, во-первых, лечиться и, во-вторых, снять с себя всякие полномочия. Главная же причина — мы не хотим быть кроликами!

— Ха-ха-ха, — вполне театрально рассмеялась Марья-

на Естарховна. — Что-то никак не могу взять в толк, о чем это вы говорите и куда меня везете?

— Давайте не будем играть в дурака, госпожа Сладкова, это бессмысленно, — встрял Шарипов. — А на праздник вы попадете, только чуть позже, не беспокойтесь. Речь свою вы произнесете... если сможете. И не вздумайте опять использовать свои штучки с гипнозом, они на нас не действуют, как вы уже могли убедиться.

Сладкова сидела, сильно выпрямившись и сложив руки на груди.

— Вы что же, мне угрожать вздумали? — спросила она, слегка покраснев от гнева.

— Ну что вы! Марьяна Естарховна, мы просто собираемся вам помочь. Вы больны! Очень больны! — заявила Яна, которой было ужасно интересно, чем же все это закончится и как Сладкова прореагирует на салют.

— Вы сами больны! — вдруг закричала Марьяна Естарховна, грозя пальцем. — Вы и понятия не имеете, с кем связались! Если я разозлюсь, ваша жизнь не покажется вам медом! Остановите немедленно! Что вы задумали?

— Успокойтесь, Марьяна Естарховна. Чего зря скандалу разводить? Сейчас мы всего лишь едем на экскурсию к вам домой, — пояснил Шарипов. — Сделаем репортаж, так сказать, с места события. Вы нам покажете и расскажете, как живете.

— И не подумая, — внезапно успокоилась Сладкова.

Кирпичный двухэтажный коттедж мэра был расположен на самой богатой улице Лесодвинска, которая даже и называлась улицей Лимонщикова. Правда, выглядел он даже скромней, чем соседние частные дома-замки, построенные в шахматном порядке: всего лишь два парадных входа, холл в 50 кв. м, мраморные лестницы, дубовый паркет, перила красного дерева и фонтан посреди гостиной, обставленной в стиле шик-модерн.

— Вы зря это делаете, — угрожающе заговорила Сладкова, вынужденная впустить незваных гостей, которые озирались и восхищенно цокали. — Я предупреждаю вас в последний раз.

Ее слова проигнорировали. Яна начала видеосъемку, как только они все вышли из машины, но теперь то и дело опускала камеру, чтобы получше разглядеть тот или иной предмет в холле. Шарипов все время держался поблизости от Сладковой, чтобы она не сумела куда-нибудь звякнуть.

— Итак, Марьяна Естарховна, приступим к интервью, — издевательским тоном начал он. — Значит, вы питаетесь ненавистью, так? Вы, то есть, энергетический вампир?

— Я не понимаю, о чем вы ведете речь.

— Ну, хорошо. Тогда, будьте добры как бы провести нас по дому, так сказать, с комментариями. Иначе нам придется всюду лезть самим. Лучше уж сделайте это добровольно. А то, вижу, тут везде замочки повешены. Придется сбивать.

— А у вас есть, Олег Валерьевич, ордер на обыск в моем доме, — надменно поинтересовалась Сладкова.

— Ну что-о-о вы, Марьяна Естарховна, — запаясничал Шарипов. — Какой может быть обыск между друзьями? Это ведь, как бы получше выразиться, для вашего блага.

— Хорошо,— неожиданно согласилась Сладкова.— Я вам все покажу, пройдемте в мои апартаменты.

Она достала из кармана связку ключей и, нарочно гремя ими, подошла к дверям и отворила гостиную комнату.

— Я не люблю яркие цвета, их вполне достаточно на улице, чтобы культивировать еще и дома,— она обвела широким жестом комнату.— Вся мебель выполнена на заказ, как видите, гарнитур — 2 дивана, 8 кресел, 3 оттоманки и 10 пуфиков грязно-болотного цвета — 30 тысяч долларов. И мебель красного дерева — 22 тысячи долларов. Откуда такие деньги у человека, пробывшего мэром без году месяц? Поверьте, есть 1000 и 1 способ сделать их на этой должности. Далее — снимайте, Яна Валерьевна, не открывайте рот, то ли еще будет! К тому же для красоты вредно! Вся мелочь, которую вы с таким удивлением разглядываете, досталась мне по наследству. Вот, взгляните, чучело левиафана, не правда ли, прелестнейший монстр?

— Ф-у-у! — с отвращением сказала Яна, но подошла поближе.

— Фу? Да вы отдали бы полжизни за этого милого змея, на что он способен! Он повелевает силами природной стихии, а контролировать его могу только я!

«Так-так, дело на мази! Началось!»,— обрадовался Шарипов и решил не прерывать Сладкову своими ехидными замечаниями, чтобы не спугнуть.

— Не правда ли, чудесный, дивный фонтан? Писающий мальчик, это так модно — последний писк! Да вы, Яна Валерьевна, отдали бы за него вторую половину жизни, ведь эта вода — чистый эликсир молодости! — и Сладкова хитро улыбнулась, пристально поглядев на Яну и даже подмигнув ей.

Яна прекрасно понимала, что монологи Сладковой есть настоящий бред сумасшедшей, но в душе у нее едва заметно шевельнулось желание умыться водой из этого фонтана, а еще лучше — принять в нем душ. Однако она, как ни в чем не бывало, продолжала съемку.

— Пройдемте в столовую, дорогие гости! — радушно произнесла Сладкова, и все трое вновь пересекли холл и очутились в великолепной столовой. Сладкова, как профессиональный экскурсовод, сделала паузу, дождавшись, пока посетители обвели взглядом комнату, и снисходительно сказала:

— Не стоит обращать внимание на это обилие сверкающего хрусталя и зеркал, старинных картин и канделябров! Поверьте, вас заинтересует другое!

Она подошла к самому обычному телевизору фирмы «Sony», установленному на зеркальной подставке, и аккуратно похлопала по нему.

— А вот агрегат, который может показать мне то, что человек тщательно скрывает ото всех. Это зеркало прошлого! О, поверьте, у каждого есть свой маленький секрет, а порой и целая тайна!

Сладкова добродушно посмотрела на Ужанову и нежно сказала:

— Яна Валерьевна, только я знаю, сколько тревог и денег стоила вам ваша прекрасная силиконовая грудь! Природа не была к вам щедра, но, не правда ли, это досадное

упущение всегда можно скрыть, даже от собственного мужа! Хирургия достигла небывалого расцвета.

Яна Валерьевна не перестала снимать, но побордовела, как вишня осенью, и прошептала: «Стерва!».

— А вы,— обернулась Сладкова к Шарипову.— Могли в 20 лет предположить, что в местах не столь отдаленных...

— Не надо! — угрожающе крикнул малиновый от злости Шарипов и схватил со стола тяжелый бронзовый подсвечник.— Я убью вас!

— Ну, хорошо, хорошо! — рассмеялась Сладкова.— Не будем ворошить прошлое. Я вовсе не такая злыдня, как вы думаете, и кто знает, быть может, мы сумеем все уладить полюбовно?

Сладкова сняла со стены китайский веер старинной работы и начала им обмахиваться.

— На втором этаже у меня библиотека, спальня, мастерская и кладовая, и, если вы хотите...

— Нет! — отрезал Шарипов.— Вы показали нам достаточно. Теперь пора, значит, и на праздник! Время!

И он мотнул головой, предлагая мэру выметаться из собственной столовой по доброй воле.

— Я оставила там чехол от камеры, сейчас вас догоню,— сказала Яна и отправилась в гостиную.

Сладкова улыбнулась уголком рта и, продолжая разгонять веером воздух, вышла в темноту, где уже зажигались звезды и пахло вечерней свежестью.

Празднование дня молодежи было слышно за две улицы от центральной площади Лесовинска, где вокруг неизменного памятника вождю собралось несколько тысяч человек. Последнего исполнителя толпа никак не хотела отпускать со сцены: она гикала и свистела, требуя продолжения. И устроителям это было на руку, потому что мэр как сквозь землю провалилась. Они недоумевали, то ли ждать еще, то ли давать команду парням-пиротехникам, нежданно появившимся за два часа до праздника в микроавтобусе с надписью «Наваждение» и заявившим, что фейерверк заказан администрацией и уже оплачен, а им необходимо предоставить крышу самого ближайшего от площади дома.

Шарипов остановил машину прямо под знаком «Остановка запрещена» и сказал Сладковой, даже не обернувшись:

— Идите.

— А что, экскурсия по моему дому — это все, чего вы добивались? — спросила та, открыв дверь и наполовину вылезая из машины.

— Почти.

Марьяна Естарховна больше не стала мешкать, а поспешила к площади.

— Надо было вместе с ней идти! — возмутилась Яна.— Теперь мы пропустим все самое интересное!

— Она могла бы наехать на нас, заложить, что мы ее похитили,— возразил Шарипов.— А на пленке у нас собрано уже достаточно, чтобы отправить ее в дурку! Эликсир молодости, так сказать! Тьфу!

Яна опять приняла цвет вишни, но в машине было темно и Шарипов ничего не заметил.

— Нет, ты поняла? Эта стерва собрала на всех нас досье

и, в общем-то, ковырялась в нашем прошлом! Ты врубилась?

Он покосился на Янин пышный бюст. Она же тем временем включала перемотку, чтобы просмотреть запись, как вдруг вскрикнула, откинула от себя камеру и, выпучив глаза, уставилась на Шарипова. Тут же раздался первый залп фейерверка, и все небо осветилось алым, вслед за чем с площади донесся восторженный рев толпы.

— Что? — шепотом спросил Шарипов, у которого мурашки поползли по коже. Но так как Яна не могла ответить, он сам взял камеру и посмотрел в глазок. На иссиня-черном фоне висел светлый холодный глаз — ничей. Он не принадлежал ничьему лицу, а просто болтался в пустоте и злобно глядел на смотрящего, иногда мигая, иногда чуть перемещаясь влево-вправо.

Шарипов стал прокручивать пленку, глаз все висел — и это была единственная запись.

— К-кто она? — пролепетала бледная Яна.

— Да расслабься ты! Просто она сумела как-то подменить пленку, вытащила нашу кассету и поставила этот долбаный мультик.

Яна не стала спорить, но она-то знала, что не выпускала камеру из рук ни на секунду, и ей было очень, очень не по себе.

— Давай бежим! Посмотрим, как ей понравился наш сюрприз! Зададим гадину! — сказал Шарипов, который по привычке бодрился, но чувствовал себя совсем не так уверенно, как пытался продемонстрировать.

И они побежали под бесконечную череду одинаковых явлений: залп — свет — рев. Фейерверк был в самом разгаре, когда они добрались до площади. Тут же у входа на сцену им встретилась Женечка с потерянным лицом, которая сообщила, что только что отъехала машина скорой помощи — это Сладкову увезли в психиатрическую клинику. Она сидела в своем шатре, как у нее внезапно начался чудовищный перепадок, и она просто сошла с ума! Свидетелями были только она да Ужанов и быстро решили дело замаять — Ужанов придумал объявить, что у мэра случился инфаркт.

Все это Женечка рассказала, держа руку на сердце и с таким видом, как будто у нее самой сейчас начнется припадок с катанием по полу и вырыванием волос, какой был у Сладковой.

Шарипов с Ужановой мрачно переглянулись и, не сказав друг другу ни слова, разошлись в разные стороны. Яна побежала разыскивать мужа, чтобы узнать все подробности сладковского безумия, а Олег поехал домой. Всю ночь ему снился то светящийся глаз без лица, то вспышки фейерверка, то сама Сладкова в колпаке, как у звездочета. Яна Валерьевна спала совсем без сновидений.

Глава 10

Воскресным утром Шарипова разбудил телефон. Звонил его хороший приятель из прокуратуры Саня Кленов, которому Шарипов несколько лет назад помог с квартирой.

— Знаешь что? — начал Кленов издали.— Ты давай

просыпайся, пора тебе следы замечать. Завтра у тебя потребуют отчет, куда были израсходованы 700 тысяч из резервного фонда. И, как ты понимаешь, будет возбуждено уголовное дело — хищение средств. Понял?

— Чего? — сразу проснулся Шарипов и сел, параллельно замечая, что Виолетта уже куда-то исчезла.— Да эти бабки ушли на вчерашний гребаный салют!

— Ну, ты подумай, короче. Надо будет документики предъявить, чтобы все чики-чики, срослось. Смотри, короче, я тебя предупредил,— вздохнул Кленов и с чувством выполненного долга дружбы повесил трубку. Он был уверен, что эти деньги осели в шариповском кармане, и недоумевал только, почему так неаккуратно и с хвостами.

Шарипов решил позвонить сначала Яне и узнать, как она объяснила мужу происходящее. Ее телефон долго не отвечал, потом наконец Яна сняла трубку и спросила траурным голосом, кто это.

— Что с тобой? — спросил вместо приветствия Олег.

— Что со мной? Ты спрашиваешь, что со мной? — Яна истерически расхохоталась и, захлебываясь, еле выговорила.— Приезжай, увидишь! — И бросила трубку.

Шарипов выскочил из подъезда и поехал к Ужановым, решив, что с Васькой в любом случае предстоит объясняться и откладывать дальше некуда. Конечно же, он знает, что фейерверк был оплачен не из его фонда «Культурно-массовые мероприятия», и вот, сто пудов, был вчера в нокауте! А когда они с Яной все ему расскажут, то он охотно согласится снять деньги из своего фонда и перевести туда, откуда их позаимствовал Шарипов. И базар-то идет о смехотворной сумме — 700 тысяч!

Дверь открыла сама Яна, и когда Олег ее увидел, то схватился рукой за косяк, чтобы не упасть от ужаса и отвращения: все ее лицо было изрыто гноящимися язвами и оспинами, налитыми серозной жидкостью. Желто-зеленый гной сочился из ран и капал с подбородка так, что Яна была вынуждена все время промокать лицо платочком. В таком же состоянии были и шея с руками. А когда Шарипов пригляделся, сморщившись от брезгливости, то заметил, что волосы на еще вчера красивой голове теперь растут клоками и перемежаются мокрыми белыми лысынами.

— Ч-черт! — только и сказал Шарипов.— Что это? Это не заразно?

Яна опять истерически рассмеялась, потом зарыдала.

— Кто она? Поехали к ней молить о прощении! Пусть она делает все, что хочет, только пусть меня вылечит! — всхлипывала она, утирая гной и слезы.

— А при чем здесь эта гадина? — спросил Олег и тут же понял, что уже знает правильный ответ.

— Она при чем?! — закричала Яна, резко прекратив рыдать.— Да притом, что я вчера умылась водой из ее фонтана! Дура! И на голову еще побрызгала! Она колдунья, я это знаю точно, она ведьма! Она хочет нас убить! Поехали к ней просить прощения, пока не поздно! Она и Васю заколдовала — он как утром меня увидел, так собрал вещички и уехал! Ничего слушать не стал! Разве настоящий Вася так поступил бы? Смотался бы? Бросил бы в беде?

— Погоди! — остановил ее Шарипов и, стараясь не коснуться случайно Ужановой, прошел в комнату. — Дай телефон. Нет, стой, я позвоню со своего!

Ужанов ответил сразу же, как будто ждал звонка. Выслушав немного путанный рассказ друга, он заявил:

— Видишь ли, я никак не могу тебя понять. Что ты несешь? Фейерверк был оплачен, как и всегда, по статье «Культурно-массовые мероприятия», а ты к этому не имеешь никакого отношения. И что ты тут выдумываешь, мне это странно! Я понимаю твоё затруднение, но сумел присвоить деньги — сумей и достойно ответить за это!

— Что-о-о! — взревел Шарипов. — Ты, гнида! Это я оплатил этот долбаный фейерверк, и ты об этом знаешь! Ты, падла! Верни деньги, а то я твою жену порежу!

Ужанов хихикнул:

— И ты думаешь, я расстроюсь, учитывая ее теперешний вид? Ну уж нет, друг мой! — и Ужанов перешел на проникновенный шепот. — Олег, ты даже не представляешь, какое прекрасное чувство я сейчас испытываю! Давай договоримся, что мой сломанный нос будет стоить тебе 700 тысяч, которые ты мне подарил своей глупостью. А моральный ущерб, тобой причиненный, обойдется тебе в три года лишения свободы — примерно сколько ты получишь за растрату! Вот мы и квиты!

— Да я тебя своими руками замочу!

— Ха-ха. Догони сначала!

— Пиротехники покажут, что имели дело со мной!

— Разве? А у меня вот имеются все документы об оплате и договорчик. Видишь ли, пиротехники такие же взыскательные, как и мы с тобой.

— Ужанов! Опомнись! Я буду тонуть и тебя за собой потяну, все наши махинашки раскрою!

— И сядешь не на три, а на тридцать три!

— Эта тварь Сладкова тебя окурила, загипнотизировала! Посмотри, что она сделала с твоей женой! Дойдет очередь и до тебя!

— Знаешь, Олег, такими вещами не шутят: о покойниках нельзя плохо говорить даже такому подонку, как ты.

— О покойниках?..

— Сладкова умерла сегодня утром от инфаркта в 5-й больнице. Родные уже забрали тело, будут хоронить на родине, в Тыве. Надеюсь, у тебя больше нет претензий к покойнице?

Шарипов больше ничего не сказал, а молча положил трубку в карман. Яна, стоявшая рядом и жадно слушающая разговор, замотала головой так, что в разные стороны полетели зеленые брызги:

— Это снова ее проделки! О, Боже, ну кто же она? Вчера мне Вася сказал, что ее совершенно невменяемую увезли в 3-ю психиатрическую клинику, в село Каменское! Как же это теперь может быть, чтобы она умерла в 5-й больнице Лесодвинска от инфаркта? Это она все подстроила, видимо, напоследок наложила на всех заклятие, чтобы думали, будто она умерла! Понимаешь?

— Зачем ей это? — вяло спросил Шарипов.

— Да откуда я знаю? Помнишь, она предлагала разойтись с ней полюбовно? Какие же мы дураки! Мы сейчас же должны поехать в тот дурдом, чует мое сердце — она там! Поклонимся ей, может, простит!

— Ну, поехали. Езды-то часа два от силы, — лениво согласился Шарипов, которому стало тоскливо и тошно. Он уже сидел в тюрьме за взяточничество, но, благодаря некоторой ловкости и любви к деньгам других людей, сумел этот факт биографии скрыть, а вернее — навсегда изъять из своего досье. Опять в тюрьму Шарипов не хотел.

Яна надела шляпу с широкими полями, темные очки, почти скрывающие лицо, перчатки на руки, несмотря на двадцатиградусную жару. А подбородок укутала шелковым шарфиком, который тут же намок. И даже забыла надуться, что говорило о крайней степени нервозности. Она вся бурлила и, сидя в машине, постоянно вертелась, шевелила руками, переступала ногами.

— Перестань вертеться! — говорил ей с периодичностью раз в пять минут Шарипов. — И без тебя тут фигово! Раны-то болят?

— Нет. Ты не можешь побыстрее ехать? Плетешься как черепаха. Что это такое, сто двадцать в час? Знаешь что? Я почти знаю, кто она! — и Яна протянула указательный палец к шариповскому носу. Тот брезгливо отодвинулся и ответил:

— Да ты уже болтала — ведьма и колдунья.

— Нет!!! Уже того! Подумай сам, ну кто должен питаться ненавистью? Это чувство кое с чем закольцовано! О, Боже! — перебила себя Яна.

Они подъезжали к селу Каменское, где на самой окраине, почти в сосновой роще, находились клиника для душевнобольных; единственная на восемь соседних городов. Финансирование этого заведения осуществлялось только на бумаге, поэтому оно имело крайне запущенный вид, пациентов содержали впроголодь и всех лечили одним и тем же лекарством — самым дешевым.

Оставив машину у ворот, Олег с Яной прошли через покосившиеся деревянные двери и очутились на территории третьей больницы. Невысокое здание окружили веранды, куда, очевидно, выводили больных на прогулки. Повсюду звенела неприятная тишина. А единственный вход с металлическими дверями с решетчатым окошком и красной кнопкой звонка напоминал тюремный. Высокие узкие окна тоже были заделаны снаружи ржавыми прутьями.

— Она здесь. Точно! — снова стала повторять Яна, закрывая платком лицо. — Давай звони.

Шарипов коротко позвонил. Прошло несколько минут, но за дверью было по-прежнему глухо. Тогда Яна сама стала трезвонить до тех пор, пока вдалеке не послышалось хлопанье и шаркающие быстрые шаги. Ворчливый, но молодой голос прокричал:

— Чего надо?

— Откройте! — потребовала Шарипов. — Мы из администрации Лесодвинска!

Сначала представителей администрации просмотрели через окошко, потом металлическая дверь открылась неожиданно тихо. Пахнуло столовой, и привратница в зеленом халате и косынке недружелюбно повторила:

— Чего надо?

— Срочно надо увидеть пациентку Марьяну Естархов-

ну Сладкову, поступила вчера вечером, — быстро заговорила Яна через платок.

Женщина исподлобья посмотрела на запакованную Яну и почти злобно сказала, одновременно закрывая дверь:

— Прием посетителей по пятницам с 17 до 18.00. Тогда и приходите.

Но Шарипов оказался проворней, он вставил ногу в щель, а в руку медсестры всунул сторублевую бумажку.

— Ну че ж, в крайних случаях можно сделать исключение.

Она провела посетителей в темную холодную комнату, всю пропахнувшую какой-то несвежей едой, а сама отправилась наводить справки. Через десять минут она вернулась, подозрительно осмотрела обоих и заявила:

— Такой пациентки у нас не имеется. И вчера из Лесовинска никого не привозили!

Молча вышли Шарипов с Ужановой из больницы и поплелись к машине.

— Подождите! — крикнул кто-то сзади, и их догнала пожилая женщина.

— Завхоз, — представилась она. — Это вы спрашивали М.Е. Сладкову? Так вот я на своем столе нашла конверт с запиской, в которой просили передать письмо тем, кто будет наводить справки о Сладковой. Вообще-то это не входит в мои обязанности, но раз уж вы так быстро, то пожалуйста, это вам. Записку, извините, я уже выкинула.

И она протянула визитерам тоненьких розовый конверт. Читать они сели тут же, на дряхлую скамеечку.

«Воображаю, как вы будете удивлены получением письма от покойницы. А ведь я вас предупреждала, но все же недооценила. Надо признаться, затея с фейерверком вам почти удалась, можете гордиться собой. Но за все надо платить, и за удовольствия в том числе. Вот пришел и ваш черед расплачиваться за победу. Наказание вам уже объявлено, и я считаю его справедливым. Яна Валерьевна, в наши дни косметология достигла небывалого расцвета, думаю, вы приобретете новую кожу так же легко, как получили бюст.

Олег Валерьевич, мы могли прекрасно сработаться, несмотря на ваши хамские манеры. Неужели вам так жаль было поделиться тем, что не стоит денег? Что ж, вам не привыкать отмачивать срок. Будем надеяться, что сейчас в тюрьме вам повезет больше, чем в прошлый раз, и вы испытаете меньше унижений.

Кстати, Виолетта Дмитриевна ужинает сегодня с Василием Петровичем. Раз вы вместе, то и им не остается ничего другого, как тоже быть вместе.

Надеюсь, вы не собираетесь смешить людей, возводя мистическую напраслину на покойницу? Вряд ли я вас разочарую, сообщив напоследок, что эти строки написаны исчезающими чернилами. Поверьте, ваша ненависть в мой адрес для меня не имеет никакой цены, можете не утруждаться. Искренне ваша, М.Е. Сладкова. Ариведерчи. Или, как говорят на моей родине, — Зузум ба були!»

— Боже, мы влипли! — простонала Яна, глядя на светлые буквы письма, которые стали уже почти незаметны.

— Лично я линяю из города, с меня хватит чертовщины, — пробурчал Шарипов и потащил Яну, которая опять

была готова впасть в истерику, к выходу. На лобовом стекле они увидели розовый листочек, приклеенный серой жвачкой.

— Ну, это уже слишком! — завопил Шарипов, яростно отрывая листок и перемазываясь тянучкой.

Осматриваться было бесполезно — ни одной живой души поблизости. Тем же красивым почерком, с наклоном влево, написано: «Мсть сладка! Не хотите продолжения — выкидывайте бриллианты!».

— О, Боже! Это шанс! — воскликнула Яна, сорвала с себя кулон и бросила его в траву. — Ну что, исчезают гнойники?

— Дура! Да из нас просто лохов делают! — сплунул Шарипов и хотел лезть в машину. Но Ужанова вытаращила глаза, вцепилась ему в локоть и зашипела:

— Быстро! Снимай! Свою! Уродскую! Булавку! Ты что! Так до сих пор и не понял! Кто она?!!

Ее гнойное лицо так перекошилось, что Шарипов быстро выдернул булавку и сказал:

— Ну ладно, ладно, че орешь, как резаная. 300 баксов психам, только чтоб ты заткнулась! — и булавка полетела следом за кулоном.

Когда они добрались до города, голодные и уставшие, Шарипов сказал:

— Единственное мое желание не видеть больше ни тебя, ни этого уroda Ваську, ни эту стерву Виолетту. Никого!

Зазвонил телефон, и Виолетта обиженным голосом спросила:

— Ты что, забыл, какой сегодня день?

— Нет, не забыл, а какой?

— Все наши друзья собрались нас поздравить, а тебя все нет! Я думала, ты подарок мне ищешь! Приезжай скорей! — и Виолетта дала отбой

— Боже! — протянула Яна, настроение которой резко поднялось от мысли, что, быть может, Сладкова их простит. — Только не говори, что ты забыл, что сегодня 10 лет как вы с Виолеттой поженились! Юбилей! Поехали скорей, там, наверное, Вася.

— А ты что, тоже собралась с такой-то... лицом народ пугать... — и Шарипов замолчал, глядя на как и прежде красивое, без изъяна, лицо Ужановой.

Та моментально поняла, что произошло, и бросилась обнимать Шарипова левой рукой, правой тем временем настраивая зеркало. Тот ее грубо отпихнул, увернулся от летящего навстречу жигуленка, но ругаться не стал: ведь появилась надежда, что и ему не придется линять с тепло-го насиженного местечка. Ужанова разглядывала свое отражение, бормоча:

— Розовый листочек! Прекрасный розовый листочек! Восхитительный розовый листочек! Он пах ландышами! Какая я молодец! Недаром брала уроки по ароматерапии.

По пути они заехали в цветочный магазин за розами, а когда подкатили к шариповскому дому, где он недавно заимел шестикомнатные хоромы, переделанные прежним владельцем из двух квартир, то услышали шум — музыку, смех и громкие голоса — еще во дворе. Праздник был в разгаре, несмотря на отсутствие хозяина. Виолетта принимала не мень-

ше тридцати человек — друзей семьи, сослуживцев мужа, родственников. И когда Шарипов завалился домой с охупкой роз, то первым делом он увидел Ужанова собственной персоной, мило разговаривающего с Виолеттой.

— А ты-то че явился, змея подколотная, — тихо, сквозь зубы, сказал Шарипов, чтобы никто, кроме «змеи», не услышал. Да на них никто и не обращал внимания, гости резво угощались. Только Виолетта стояла рядом и вопросительно улыбалась мужу, пока Яна не взяла ее за руку и не отвела в сторону.

— Олег, мы с тобой уже сто лет как помирились, а ты опять за старое! Давай забудем то недоразумение! Выплеснули эмоции, и будет, — грустно проговорил Ужанов и снял очки, чтобы протереть их кружевным платочком.

— И будет? Да ты подставляешь меня, как последнего лоха, затырил бабки и не хочешь оплатить фейерверк, который я заказал! Да я тебя после этого...

Ужанов взял Шарипова под локоть и вывел его в коридор:

— Ты в последнее время стал такой странный! — обеспокоенно заговорил он. — У тебя голова не болит? Не пойму, о чем ты? Какие деньги я затырил? У нас вся прибыль поровну, разве не помнишь? А с фейерверком сегодня утром уже разобрались. Я как узнал, что это твоих рук дело, сразу побежал к Сладковой в больницу, и она дала добро на перевод денег обратно в твой резервный фонд. Все уже сделано!

— Побежал к Сладковой? Да ведь она умерла! Ты сам мне утром сказал! То есть я-то знаю, что эта холера не умерла, но все думают, что умерла!

Ужанов заморгал, завздыхал, заоборачивался по сторонам, словно в поисках поддержки, и наконец выдал:

— Знаешь ли, Олег, по-моему, ты переутомился! Тебе нужно в отпуск, заграничку съездить, к морю... Я совершенно не могу тебя понять. Сладковой действительно вчера вечером было плохо, но это всего лишь давление скакнуло. Увезли в больницу, она все еще там, но завтра, говорят, выпишут... Умирать вроде не собирается...

К ним подошла Яна и внимательно посмотрела на мужа:

— Вася, это ты?

Тот схватился руками за голову и застонал:

— Да я, я! Не дед же Пихто, в конце-то концов! Вы что, оба с луны свалились? Ты вообще где весь день пропадала? Я уже весь твой салон на уши поставил!

— По магазинам ходила, — вздохнула Яна, подмигнула Шарипову и пошла за стол.

Защебетал телефон. Оба полезли в карманы за трубками, но выяснилось, что звонил местный аппарат.

— Олег Валерьевич? Поздравляю! — зашептал знакомый голос. — Как вы себя чувствуете? Уже лучше?

— А вы? — буркнул Шарипов, который не привык лить на себе мурашки ужаса.

— О, спасибо, почти в полном порядке. И знаете почему?

— Нет, не знаю, — выдавил вспотевший Шарипов.

— Потому что веер — это возрождение, бессмертие, если хотите. Верьте символам, они повсюду вокруг вас!

— Не хочу! Хочу жрать обычный гамбургер, а не символ, тратить обычные бабки, а не символы, и жить обычно, как все. Это можно?

— Это можно, — печально согласилась Сладкова, которой все же сначала хотелось обсудить игру со своими оппонентами. — Я уже стою за вашей дверью, хочу вас поздравить.

— Не надо! — попросил Шарипов, представивший, как Сладкова брызгает на него водой из своего фонтана и кричит: «Сюр-при-и-из!»

— Надо. Открывайте, — приказала Сладкова.

Шарипов медленно снял цепочку и приоткрыл дверь, приготовясь к худшему. В коридор вышла Яна.

— Сюр-приз! — сказала Сладкова и выставила вперед большой торт в виде сердца, на котором красным кремом была выведена цифра «10», а витиеватая надпись гласила: «Виолетта + Олег = ...»

Через несколько минут Шарипов ввел гостью в комнату и усадил на самое почетное место во главе стола. Гости захлопали, загудели и зашептались.

«Еще бы! Такая честь!», — думал Шарипов, надменно глядя вокруг, но делая вид при этом, будто он ничуть не польщен, а визит мэра на его праздник самое обычное дело.

Ужанова под села к Виолетте и стала жаловаться, показывая запястье:

— Представляешь, откуда ни возьмись — нарывчик! Только что заметила! Никогда такого не бывало. У тебя есть перекишь? Потом дашь. Представляешь, Васька в последнее время такой чудной стал. Мы постоянно друг на друга рычим!!

— Да? — воодушевилась Виолетта. — Слушай, у меня телефончик есть — виртуальный кризисный центр. Помощь психоаналитика по телефону! Такая грамотная тетка там — Мирослава! Все тебе по полочкам разложит. У меня Олег скоро шелковый станет, и все спасибо ей. Дает все гарантии, с понедельника, говорит, не узнаете собственного мужа!

— Да? Здорово! Обязательно ей позвоню, а то мало мне проблем на работе, чтобы еще и дома заводить?

Виолетта обратилась к Ужанову и предложила ему еще накладывать ее фирменное блюдо, которое называлось «Аля Виола», а выглядело как обычный заливной поросенок.

Шарипов приглядывался к жене, которая хлопотала, подавая Ваське поросенка, учитывая, что тот сидел по другую сторону стола и обслужить его мог бы кто-нибудь другой.

«Неужели правда! Если так, то своими руками замочу!», — думал он, насупившись. Недавно кто-то из гостей шепнул ему, что их видели вместе, выходящими под ручку из ресторана. Шарипов не мог вспомнить, кто именно их видел, да это и не имело значения. За что он сломал Ваське нос? Наверное, был в состоянии гиперагрессии, раз не помнит подробностей. Может, и было за что? Зачем Васька сказал: «Кто старое помянет, тому глаз долой!» и полез брататься?

Шарипов мрачно глядел и постепенно начинал багроветь от неприятных мыслей, а также прикидывал: удобно ли будет вызвать Ужанова на мужской базар

прямо сейчас или все же дождаться, пока разойдутся гости?

Марьяна Естарховна, сидевшая рядом с Шариповым и ведущая беседу сразу с несколькими гостями, время от времени замирала с довольным видом, потирала руки, гремя перстнями, отпивала шампанское и принюхивалась, словно желая предугадать, чем еще будет потчевать хозяйка.

— Яна Валерьевна! — позвала она полупшепотом за спинами соседей.

Ужанова тоже сразу откинулась за спинку и с видом чрезвычайного интереса подняла брови.

— Я хотела бы начать лифтинговую программу, которую вы мне предложили, завтра же!

— О, конечно! — засуетилась Яна, тут же представляя, как, между прочим, она заметит своим конкуренткам, что мэр Сладкова сделала у нее то-то и то-то.— Когда вам будет удобно, тогда и подъезжайте. Я все время в салоне, будут вас ждать!

Сладкова милостиво кивнула и прошептала:

— Все свои начатые линии я отрабатываю до конца, потому что я... движущий...— и она закатила глаза, показывая, видимо, этим, как ответственна ее должность.

— Да-да, мэр — самый главный человек в городе,— поспешила Яна подтвердить мысль Сладковой.

Та рассмеялась чуть не до слез и стала со всеми прощаться, сетуя на невероятную занятость. Даже в выходные. И вновь гости супругов Шариповых проводили мэра аплодисментами.

— Все правильно,— бубнила Сладкова себе под нос, спускаясь по лестнице.— Я самая главная и здесь, и везде. Потому что неправ был тот господин Ш. Ой, не прав. Это Я движущий солнце и светила, я, а не она!!!

Марьяна Естарховна чинно вышла из подъезда, осмотрелась, нет ли кого поблизости, достала из кармана черной юбки баллончик с аэрозольной краской и размашисто написала на стене буквами с наклоном влево: «Любка Бовишкина! Ты проиграла по жизни! 1:10 вечно в мою пользу! И не вопи больше, что я есть лишь следствие тебя! Фиг!»

Сладкова опять поглядывалась, довольная, уселась в свой «БМВ» и укатила.

На утро под этой надписью появилась другая: «Мельчаешь, старушка! Куда тебе...». Но на слове «тебе», как судачили местные пенсионерки, была поймана с поличным, то есть с баллончиком в руке, пожилая, приличного вида дама в белом вязаном костюме, соломенной шляпке и в очках.

— Такие интеллигентные! — фыркнул дворник, державший нарушительницу.— И таким хулиганством, того, занимаетесь! Граффити тут развели мне! Нехорошо!

Но, несмотря на то, что преступница была увезена в милицию, к вечеру нарисовалась еще одна реплика той же темно-синей краской, что и первая: «Ха-ха! Неудачница по жизни! Куда тебе — двигать! Отдыхай!». Этим переписка и закончилась.

Правда, как лавочные пенсионерки ни старались вы-

числить, что это за Бовишкина такая и в какой квартире она проживает, у них ничего не получилось. Более того, одна из старушек, самая любознательная, позвонила на следующий день в отделение милиции, куда увезли хулиганку, чтобы узнать, «на сколько ие посадят в тюрьму» или хотя бы какой штраф выпишут за порчу государственного имущества. Но оказалось, что никакой хулиганки, пачкающей стены, с Дробышева, 5 не привозили.

— Как жы так! Пошто! — воскликнула старушка в сильном негодовании.— У наш швидетшелий шем шилавек и джворник! Ее захали в машину и увижли!

Но старушки народ надоедливый — их выслушивают, поддакивая, но отводя в это время трубку от уха и занимаясь своими делами — мало ли что могло примерещиться семи старухам и дворнику!

Узнав новость о том, что хулиганка бесследно исчезла, остальные шесть старух поцокали, повздыхали и решили, что на все воля божья и, видно, нарушительница дала товарищам из милиции взятку, чтоб отпустили.

— Так их, растак! — сказал мудрый дворник и пошел мести дорожки.

Синие и красные слова, складывающиеся в шизофренический текст, светились на доме еще несколько месяцев, пока их не смыло. То ли дождь, то ли дворник Матвей расстарался.

Мэр Сладкова не дождалась конца срока. Через год устроила прощальный банкет и исчезла с горизонтов лесодвинской жизни. Знающие люди поговаривали, что наворовала достаточно, вот и решила слинять, пока не взяли. Известное дело! Вывозила свое имущество по железной дороге вагонами!

Примерно в то же время на вокзале Лесодвинска была замечена старушка в белом вязаном костюме и в очках. Она с утра до вечера бегала по перрону, словно в поисках кого-то или чего-то: тревожно заглядывала отъезжающим в глаза, вглядывалась в окна готовящихся к отправлению поездов и вела себя в высшей степени странно. И кто-то даже слышал, будто она постоянно бормочет одно и то же: «Куда она едет, куда? Где ее искать, где?» Однажды кто-то сердобольный хотел ей помочь и спросил, кого она потеряла, но она шарахнулась в сторону с криком: «Нужна нейтрализация!» Тогда-то и поняли, что старушка душевнобольна, и отступилась. На людей не кидается, и ладно.

Через некоторое время кассирша сообщила начальнику вокзала, что «эта чокнутая» купила билет до Екатеринбурга и, судя по всему, укатила. Начальник, уже было решивший найти родственников странной старухи, чтобы они ее забрали, вздохнул с облегчением. Потому что новоизбранный мэр Олег Валерьевич Шарипов выпустил постановление об очистке территории вокзала от бомжей, так что все равно пришлось бы эту старушку куда-нибудь девать. Так что очень хорошо, решил начальник, что она делась сама.

Экс-мэр Сладкова, о которой в городе уже стали забывать, никому не доложила, куда едет, но все и так знали — перебралась в Москву делать большую политику!

Марина ПРОЗОРОВА

ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

В феврале 2004 года при поддержке правительства Свердловской области открылся Свердловский областной общественный благотворительный фонд поддержки молодых художников. Цель Фонда - оказание помощи молодой творческой интеллигенции, продвижение ее на художественном рынке города Екатеринбурга и области.

Первой значительной акцией Фонда стала организация выставки «Война глазами молодых». Она открылась 13 мая 2004 года в редакции журнала «Уральский следопыт». К участию в выставке привлечены все молодые творческие силы г. Екатеринбурга. Среди них студенты ведущих художественных учебных заведений, молодые специалисты, одаренные дети и самодеятельные художники. Особое место занимают работы воинов-афганцев.

Тема войны в среде молодежи сейчас не очень популярна, поэтому организация выставки на военную тему должна поднять уровень интереса к отечественной истории и воззвать к патриотическим чувствам современной молодежи.

Выставка получилась разнообразной и многоплановой, она отражает непосредственность восприятия столь тяжелого периода истории детьми и подростками. Графические серии Владимира Зулпукарова и Ливии Казанцевой из еврейской гимназии «Ор-Авнер» подкупают искренностью и знанием истории своего народа.

Ученики и выпускники Екатеринбургского художественного училища им. И. Д. Шадра и Уральской государственной архитектурной академии раскрыли тему на более высоком профессиональном уровне, с учетом приобретенных во время учебы знаний и навыков. Избранная ими тематика и глубина передачи человеческих чувств говорит об уровне восприятия зрелых людей. Производят большое впечатление дипломные работы выпускников художественного училища. Здесь и горечь от утраты близкого человека (Н. Колодкина «Письмо с фронта») и тяготы выхода из окружения (Е. Понкратова «Из окружения») и радость ощущения близкой победы (Анна Зорина «Полонез Огинского»).

Точка зрения сложившихся мастеров носит более отвлеченный, аллегорический характер. Яркий, насыщенный цветом натюрморт Е. Подкорытовой «Выпьем за победу!» вызывает только светлые чувства. Обобщенно и лаконично по цвету решена картина И. Волостниковой «Бегущие от смерти». Графический диптих А. Секачева «Благородные забавы. Война I и ВойнаII.» показывают лицо истинных виновников всех войн.

Особенное внимание в экспозиции привлекают картины афганцев, прошедших через ад военных действий и передавших свои чувства и мысли живописными средствами. Наиболее широко представил свое творчество П.Д. Кулев. В своих картинах Павел Дмитриевич показал лишь то, что видел своими глазами: гибель близких друзей, прощание с погибшим товарищем, отдых после битвы. Ужасы войны не заслонили человеческий фактор, художник сохранил в тяжелых условиях умение видеть окружающую красоту: великолепны его афганские пейзажи.

Во время выставки был проведен аукцион. Победителей определили зрители при помощи голосования билетами. Первую премию получил П.Д. Кулев, его многогранные картины потрясли всех посетителей. Триптих «Реальность» в исполнении студента 3 курса УралГАХА А. Швецова получил вторую премию. И наконец, третье место было единодушно отдано очень светлым и очень женским работам студентки художественного училища Е. Колеватов.

Награды вручал профессор кафедры искусствоведения и культурологи С.П. Ярков. Он отметил высокий духовный уровень представленных на выставке работ.

Фонд поддержки молодых художников выражает огромную благодарность ООО «Лукойлпермнефтепродукт», ООО «Уральский мебельный центр», Областному психоневрологическому госпиталю ветеранов войн.

На страницах журнала помещены репродукции некоторых работ участников выставки.

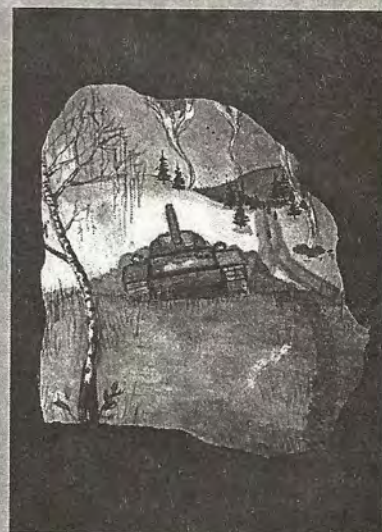
«Гетто».
Зулпукаров Владимир, 16 лет.

«... Не плачь, мать, что твой сын
остался на поле боя...»
Казанцева Ливия, 16 лет.

«... Не плачь, невеста, что твой
жених не вернулся с войны...»
Казанцева Ливия, 16 лет.

Триптих.
«За свободу... За жизнь...» Зулпукаров Владимир, 16 лет.

Работы учеников НОУ гимназии «ОР-АВНЕР».

Александр СТАРЦЕВ

Опять Весна зовет в походы...

или

пройти реку Чусовую за три дня

Опять весна, опять зовёт водная гладь проснувшихся рек и завораживающая огромность скалистых утёсов, величественно взирающих на проходящие мимо байдарки, катамараны, моторные и резиновые лодки.

Здравствуй, Чусовая! И пусть тучи пугают дождиком, и место первой ночёвки впотьмах выбрано неудачно, но ты посмотришь на внезапно прояснившееся небо, на мириады звёзд — и засыпаешь сладким сном в палатке, поставленной под сосной в два обхвата, и потом долго вспоминаешь это ощущение счастья, подаренное тебе рекой.

Мы идём по напряжённому графику — за три дня 200 км. Подъём с пением птиц, завтрак с газовой горелки, недолгие сборы, и радость оттого, что вышли на воду. Вёсла ритмично врезаются в мутные весенние воды, мимо проплывают берега, поросшие красавицами елями, кряжистыми лиственницами, соснами и березами, еще не распутившими листья, но уже качающими по стволам вверх тонны березового сока. Из-за поворотов появляются могучие стражи реки — камни-бойцы. Они подкарауливают зазевавшихся сплавщиков и бьют их лодки своей каменной грудью. Поэтому в старые времена, когда по Чусовой ходили баржи с товарами, такие камни одевали бревенчатой опалубкой, чтобы смягчить удар о них, несущихся по весенним бурным водам, неповоротливых плотов и барок, груженных железом, пушками, пушницей и другими товарами, идущими с Урала и из Сибири в европейскую Россию.

На скалах укреплены таблички с их названием и расстоянием от турбазы в Кауровке. Мы отработаем технику хода на байдарке, стараемся пройти менее интересные места на максимальной скорости, отдыхаем на плаву около утесов, фотографируем. Напуганные нашим появлением, с воды часто взлетают, разбившиеся на пары и небольшие группы, утки. Вот и город Староуткинск.

В Староуткинске наиболее опасная водная преграда — строящийся через реку мост. При приближении к нему непонятно, между какими опорами надо проходить. Мы выбираем правый крайний пролет, и река с шумом выносит нас по бурунчикам на спокойный участок. Отсюда видно, какая участь постигла бы нас, пойдя мы под мост серединой реки. Там мель ощерилась острыми зубами камней, жажда распороть мягкие резиновые животы неосторожным плавсредствам.

Вечереет. Становится заметно холоднее. Хочется быстрее пристать к берегу, съесть горячей каши и забраться в теплый спальник. Вот наконец и цель первого дня пути — камень Боярин. Сегодня сделали 60 километров.

Утром встаем пораньше, с намерением пройти за день 75 километров. Байдарка весело несется по утренней реке, под нескончаемое пение птиц обгоняя тихоходные резиновые лодки, катамараны и уступая в скорости только надувным моторным лодкам, на которых путешествуют любители природы побогаче.

Скалы становятся все выше. Вот за поворотом огромный массивный камень Мосин, сплошной стеной уходящий далеко в реку. За селом Чусовое река начинает сильно петлять, извиваясь гигантской змеей между горами, появляется много островов, и мы, пытаясь обогнать в проходе между ними группу на связанных вместе четырех резиновых лодках, насканиваем на мель. Хорошо, что рядом Переволочный — место запланированного обеда, и не придется делать стоянку вне графика.

В этом месте река делает пятикилометровую петлю, и, перетаскив через двухсотметровый перешеек лодку и вещи, мы экономим час времени. Пока готовится обед, заклеиваем порывы на дне байдарки, они незначительны.

После короткого отдыха бросаемся вдогонку за лодками, прошедшими по течению мимо нашей полуденной стоянки. Скоро настигаем большую группу байдарок, пытаемся их обогнать, но они не уступают, посмеиваются над нашей техникой гребли. Это ребята из пермского турклуба. Идем некоторое время вместе, разговариваем с ними, любимся красивыми, согласованными взмахами их весел, разглядываем причудливые камни Печка, Пещерный и знаменитый камень Высокий, 35-метровой неприступной стеной, поросшей разноцветными лишайниками, подступающий к воде. Пермьяки останавливаются по необходимости, а мы устремляемся по зажатой в узкую долину, убыстрившей свой бег реке к селу Сулём.

В Сулеме догоняем две байдарки-двойки, в одной из которых оказалась знакомая нашего капитана. Она участвует в организации фестивалей самодетельной песни по уральскому региону, он — выступает на них. Решаем идти вместе. За селом выбираем место ночевки, помогаем новым знакомым затащить лодки на полянку. Сухих дров поблизости нет, и Гриша с Мишей спилива-

ют в лесу сухую ёлку, но она падает вершиной в развилку березы. Нас, мужиков, — четверо, и мы всей толпой пытаемся сдернуть застрявшую лесину, она сдается неохотно, помучив нас полчаса. Но вот, наконец, дрова нарублены, веселые языки костра лижут закопченные котелки, выпиты первые стопки лесного бальзама за знакомство и за сваленное без последствий для здоровья дерево.

Под звуки бьющихся о тент над головой капель дождя мы делимся друг с другом о наблевшем, и молчаливые деревья внимают нашим затаившимся далеко за полночь разговорам и настороженно перешептываются между собой, когда мы укладываемся спать.

К утру под входом в палатку наших знакомых образовалась лужа, и они неохотно покидают своё ночное убежище. Но вот, утренний кофе пробудил бодрость духа, и, несмотря на морозящий дождь, мы загружаем лодки снаряжением и отправляемся в наиболее интересную часть маршрута.

Полусырая одежда скоро перестает доставлять неприятные ощущения, на быстром ходу вёсла греют лучше любой печки, и река дарит нам встречу со скалами Романов камень, Афонины брови и Могильный, с крестом на вершине.

За деревянной Усть-Уткой скалы сравнительно невысоки, и потому особенно сильное впечатление производит огромный камень Омутной, поднимающийся из воды на 50-метровую высоту. Это место привлекает не только туристов и скалолазов, недавно здесь побывали и любители экстремальных прыжков с парашютом. За Омутным следует камень Дыроватый с большой пещерой на 20-метровой высоте, и наконец, самый известный и красивый камень Чусовой — Олений. Исполинских размеров, его высота 75 метров, он поражает величественными столбами-башнями на вершине, напоминающими средневековый замок.

И шея ноет от продолжительного закидывания головы, и душа трепещет от прилива ощущений, и понимаешь, что ты полюбил эту реку и ещё вернешься сюда.

У камня Писанного мы осматриваем памятный крест, поставленный Акинфием Демидовым на месте, где родился его сын Никита. Вечером достигаем реки Серебрянки, известной тем, что по ней Ермак шёл через Уральский хребет, направляясь в Сибирь, и вскоре, уставшие от пережитого, останавливаемся на ночлег.

Сегодня прощальный ужин. Рано утром, чтобы успеть на дневной поезд, мы сделаем последний бросок до Кына, а наши попутчики останутся на стоянке до обеда, они

хотят уехать на ночном. Стол из тонких жердей, украшенный свечами, ломится от продуктов, теперь экономить не надо. Мы обмениваемся телефонами и адресами. Я смотрю на освещённые пламенем костра лица ребят, и, становится немного грустно оттого, что поход так быстро заканчивается, что надо расставаться, а хочется ещё так много сказать.

Утром, с ощущением того, что сегодня вернёмся домой, мы собрались в дорогу за рекордно короткое время и сквозь туман пошли отмерять последние километры водного пути. Из холодной белой дымки к нам выплывают небольшие утёсы причудливой формы, и одинокий сплавщик на байдарке кажется призраком, попавшим сюда из другого измерения. Скоро туман исчезает и всё пространство заполняет солнечный свет.

А вот и пермская группа отчаливает от берега. Вместе с ними мы проходим самый грандиозный камень Чусовой — Высокий. Имея наибольшую высоту 100 метров, он протянулся вдоль реки на два километра (с перерывами почти на 10 километров). Вдоволь наигравшись с эхом, живущим в скалах камня Высокого, выходим к конечному пункту водного маршрута — посёлку Кын.

Мы разбираем байдарку и на нанятом грузовике вместе с двумя экипажами катамаранов едем на станцию Кын.

До свидания, река! Ты подарила нам силу окрепших рук, наполнила души сиянием. И теперь впечатления от встречи с тобой воплотятся в песни и рассказы, и мы будем знать, что у нас есть ещё один друг — Чусовая.

Чусовая у камня Омутного. Фото Е. Савенко.

Леонид ЗАВАРЗИН

Ганин угол

1

Дорогой из Арамилы в Седельниково, за Патрушами, с версту от Челябинского тракта местечко есть — Ганин угол. Поле здесь в лес мысочком врезалось. Приглядеться — и впрямь, на угол похоже. А Ганин — оттого, что жил тут в бывалое время объездчик Гаврила. По-нашенски, по-уральски — Ганя.

А еще местечко на славе прометочкой верной, с ним связанной. В Арамилы и Патрушах знают: ежели тучка с Ганиного угла ползет — обязательно задождит. Старики местные еще и поворчат: «Опять-де Ганя слезки по своему лесу льет. Заведет теперь мокреть на целную седмицу».

Гаврила-Ганя был арамильский. Из той части слободы, что в известный год приписали Уктусскому заводу и бергштейнеру Ивану Патрушеву.

Приехал как-то в Патруши нарядчик с завода мужиков в работу определить. Кого в рудоразработки, кого лес валить, уголь в кученках томить, кого руду на Уктус подвозить. Ну и на другое разное заделье, заводскому делу необходимое.

Всех расписал, после спрашивает, нет ли охочих в лесные объездчики? Наши-те мужики, не будь дураки, помалкивают — кому охота круглый год по лесу ровно шатун лындаж. Лучше уж на извозе, либо в руднике урок ломать.

Нарядчик пряником поманил, мол, добровольцу за счет казны и малуху поставят, и лошаденку дадут, и пай харчевой, и обую с одежкой.

Опять никто на посулы не обзарился. Нарядчик пригрозил:

— Не хотите полюбовно, сам назначу.

— Тут мужик один, Санко Ботало, брякнул:

— Пушай Ганя Молчун хомут этот на свою выю примеряет.

Какая ему разница, холостому, а мы подит-ка все женатики.

Остальные поддержали:

— Правильно Санко рассудил. Пошлем Ганю. Молчуну ловчее всех в лесу жить.

Гане и возразить нечего. Он и впрямь холостяжничал, не смотря на то, что уж четвертый десяток разменял.

Справедливости ради, виной тому Санко был. Ганя с Санком с детства заединчину водили. Во всем ровня — и годами, и удалью, и хваткой с умелистостью. Одна разница: Ганя больше слушал, чем говорил, а у Санко язык поперед дела бежал. За то и прозвали их: одного — Молчуном, другого — Боталом.

До жениховского возраста доспели — как на грех, оба на одну девку глаз сронили. На Любашку Чиркову из Омелина. Любашка споначалу больше в Ганину сторону посматривала. Дело у них чуть до сватовства не дошло. Да Санко «посадил заединщика на крышу», как у нас говорят. Ему девку уболтать, ровно орех расщелкать. Улестил ведь, паршивец, чужую невесту песнями медовыми, речами сахарными. С ним Любашка под венец и пошла.

Вот только жизнь у них не шибко склеилась. И достаток вроде есть, и детенки народились, а лада промеж собой не вышло. Поняла Любашка, что с такими, как Санко — звонкими да пустыми, хорошо на праздниках гулять, а свадьбу мотать

пригляднее с тихими да надежными, как Ганя. Понять-то поняла, но поздно. Раз впряглась в семейный возок — терли да тяни.

Ну, а Санко в этой нескладухе бывшего заединщика завинил. Мол, Молчун тутока крайний — наводит на бабу мороку. Да еще на весь свет об этом раззвонил. Гане хоть из родного дома беги. Поэтому и запирается не стал — пошел в объездчики.

2

Поселился Ганя в лесу, в углу, который его имячком сразу и прозвали. А уж как лес-от он полюбил — страсть неопишная. Каждой березке поклонится, каждую сосенку огладит, каждый кустик обнежит. Все, о чем с людьми молчал, лесу своему расказывал.

Ну и берег его пуще глаза. И от пожара, и от порубок зрячных, и от воровства охотничьего, и от другого разного лиха.

У нас на Урале с погодями как? Лето-то годок добром одарит, да два погодит. Выдалось как-то в наших краях умойное летичко — сушь превеликая. Такой не то что деды, но и прадеды не помнили. Время колосу налижаться, а чем налижаться, когда с Благовещения до Петровок хоть бы на смех какая капля с небес упала?

Приуныли наши-то, започесывали затылки. И про Бога, как водится, вспомнили. Зачастили в церкву. И молебны-то заказывают, и свечи-то святым угодникам ставят, и крестным ходом вокруг слободы ходят. Все о дожде молятся.

Аккурат в Петров день шли наши мужики из Троицкой церкви после заутренней. Присели отдохнуть на бережку Арамилки, возле водопадика.

Арамилка тут шумно пошумливает в камешках. И промеж мужиков шум такой же. Одни кричат: надо, мол, в Верхотурье сбегать, мощам святого старца поклониться. Другие спорят. Ведуна-де пошумаркать следует. Ведуны-те, ежели не зрящные, и на погоду, и на жару заговор тайной знают. Третьи вовсе несураз какой-то долдонят. И всяк друг дружку переговорить старается.

Вдруг кто-то за их спинами молвит.

— Меня спросите. Я знаю.

Оглянулись — это Ганя, незамеченным за шумом подъехал. Опешили мужики: как это молчун язык-то развязал? А тот вторил:

— Я знаю, как беде помочь.

— Говори, коли знаешь, — сказал кто-то из мужиков.

Ганя с лошадки своей прыгнул, присоединился к спорщикам.

— Богу-то не только в час испытания молиться надо, да и мощам Верхотурского старца поклониться — святое дело. Только тогда про ведунов забыть следует. А то что у вас выходит — одной рукой креститесь, другой отрещиваетесь. Не дело это, мужики!

— Коли ты такой вумный, вразуми нас, бестолковых, — связвил один из наших.

— И вразумлю, — согласилась Ганя. — Кроме Бога да Святого Симеона вам бы еще и лесу поклониться не грех.

Опять запозумливали мужики, а больше всех Санко:

— Ишь, того не чище, — начал Ботало. — Это тебе, лешачьему сродственнику, деревьям-то, ровно иконам, кланяться завываю, а нам, православным, перед елками-березами спину гнуть не по чину.

Остальные подхватили Санкину песню, костерить стали объездчика. А тот толк переждал спокойнехонько, после спросил:

— Эх, мужики, почто Санкиным-то голосом поете, али у вас своего нет? Али я вам худа желаю, али непотребное что навяливаю? Лес-от не токо дрова. Лес-от он и кормит вас, и поит. Он жаре и стуже хозяин, да и дождям родной дяденька, так-от.

Наши-те и угомонились. Кто-то из старшаков заметил:

— А и правда, землячки, чего мы на Ганю-то особачились. Всяко не зряшно он разговорился. Почитай, столь лет слова с губы не сранивал. Сказывай, Ганя, как к лесу твоему подход сыскать?

Объездчик спросил:

— Знаете на крайчике моего угла сухую березу?

— Знаем. Видали.

— Коли дождя хотите, поливайте ее на утренней и вечерней зорьке, покуда она лист не выпустит.

Санко опять в разговор встрял:

— Вот те и на! Может, еще и столбы воротные у околицы окропить скажешь? Думай, что несешь-то!

— Курица несется, а я дело говорю, — отмахнулся Ганя. — Метните жребий, кому когда поливщиком быть, да завтрава и начинайте.

— Воду-то откель брать? Неужто с Арамили? От реки до твоего угла версты с две, пожалуй? — спросили мужики.

Молчун руками развел:

— Другой воды ближе нет.

— А сколь дён поливать?

— Сказывал уж, пока сухара не зазеленеет. Дней десять, пожалуй что...

Вскочил Ганя в седло и упылил прочь. А мужики еще долго рядили про его наказ. Сошлись на том, что хуже, чем есть, всяко не будет, разбились на трое-четверо и черед поливки раскинули.

3

Ровно десять дней поливали патрушевские мужики сухую березу на краю Ганиного угла. Приедут утром с бадейками, а Молчун их уж поджидает. Да с походцем. Чего, мол, вам, мужики, впустую вечера ждать? Полянки, вон, не то выкосите, али от сухости деляню почистите. Кого на посадку сосновых саженцев поставит, кого на подсочку. Мало ли в лесу-то работы?

В оговоренный срок пришли очередные поливальщики к Ганиному углу и глазам не поверили — сухара зеленехонька стоит-красуется! Под березой Молчун сидит лыбится:

— Спасибо, мужики, превеликое от леса моего. Вы к нему добром, и он к вам тем же местом. Будет вам нынче дождь.

Не обманул объездчик. Не успели наши до дома добечь, нагнала их туча. С неделю дожжило. И до того знатно: день ведро стоит, в ночь мочит. Скоренько и трава в лугах отросла, и хлеб-овощ в полях-огородах в рост пошел. Осень, слава Богу, встретили и с сеном, и с полными амбарами.

После этого случая и заговорили у нас про чудо Ганиного угла. Санко Ботало, правда, ворчал: «Чуда-то и быть не бывало. Молчун, мол, сухару выкопал, а замесил ее живую березу посадил. А насчет дождя, так ему ли, лесному отшельнику, примет не знать, которые мокреть показывают?»

Может, и прав был Санко — нынче никто в обратном не поручится, да в чудо верить как-то приятственнее.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

Понкратова Е. Из окружения. 2000 г. Х., м.. Из фондов ЕХУ им. И. Д. Шадра.

Алекс ТИВИРСКИЙ, Макс ЛУРИ

Я расскажу тебе...

Сказка на тему: «Куда исчезли чудовища»

- Баба, а если чудовище в окно залезет?
- Не залезет. Давай-ка, укладывайся — вот так, глазки закрывай... И ничего не бойся — нет никаких чудовищ.
- Но, баба, ты же сама с ними встречалась!
- Так то давно было...
- А расскажи, какие они! Страшные?
- И страшные — тоже...

* * *

«Йоху лесной! Опять! Какой же у него боевой почерк идиотский: лес истерзан, словно стадо драконов прогнали, повсюду ямы и расколотые валуны. А смердящая гора мяса как называется? Труп? .. Фи! Искромсанный, истерзанный... Никакого изыска. И этот мужлан величает себя «охотником на монстров»? Мясник Браско из деревни Запубоберки, честное слово! Который раз он работу у меня отнимает? Пятый? Нет, уже шестой. Этак с голоду помереть недолго... Так, а это что? Йоху!! Вот ведь урод!»

Эртис обошла поляну, разглядывая выложенную кусками мяса надпись:

«Я снова быстрее. В следующий раз будь расторопнее. Привет!»

Из рук и головы поверженного монстра получился отличный восклицательный знак, а остальные буквы выглядели менее «изысканно». Но читабельно.

— Шутничок. Свалился на мою голову,— фыркнула женщина.— Хорошо не роман пишет, а то в лесу вся живность перевелась бы.

Не глядя, Эртис метнула в останки пару огоньков — не погребальный костер, конечно, но для кого стараться? Магическое пламя не оставляет ни углей, ни пепла. Работать нужно чисто — в этом ее никто не переубедит.

Выудив из сумки отсыревший сухарь, волшебница направилась в чащу. Происходящее нравилось ей с каждым днем все меньше, но с решениями Крепости спорить бесполезно. Нет, она пробовала, но к чему это привело? Ни к чему. Абсолютно. Охотниками помыкают четыре карги-вединны, и всех такое «мудрое правление» устраивает. А если вдуматься, чем эти старухи отличаются от ведьм? Колдовские приемы и лексикон — одинаковые. Но ведьмы — зло, и с ним должно бороться, а вединны служат людям. Благодетельницы чертовы. Совсем из ума выжили: отправили двух монстробоев на земли, где и одному едва прокормиться можно. Да, страна тут не маленькая, леса обширные, но человеческих поселений мало, живут в них по большей части бедняки. И если какая-нибудь заведется поблизости от людей, охотник на этом не много выиграет. Не больше

сорока монет... ну, может, еще хороший ужин да ночлег. И услуги кузнеца...

Кузнец потребовался Эртис лишь однажды. Боевым волшебникам оружие ни к чему. А вот когда ядовитая гарпия оттапала ей три пальца на правой руке, пришлось заказать новые, металлические. Приживать сталь к телу оказалось делом непростым, но в итоге получилось недурственно. Хорошее оружие, в глаза не бросается. А втыкается — отлично. Мелких чудищ можно пальчиком в гляделку — поглубже, чтобы мало не показалось, и все. Отличная экономия магических сил. А как жареное мясо прямо из огня хватать удобно!

Выбираешь кусочек посочнее, выдвигаешь коготки, и... Йоху болотный, о мясе-то лучше не вспоминать!

Сухарь закончился. Последний... Никогда такого не было!

А все из-за этого Гелеора. Говорят, в родных краях всю нечисть вывел — вплоть до прибрежных кикимор, которые уж совсем безобидные, улитками питались и тухлой рыбой... И нет, чтобы на заслуженном отдыхе сидеть — поперся за новой работой. А его сюда...

И теперь, когда деревенские просят Крепость о помощи, вединны отправляют сигнал двум охотникам — кто раньше добежит, тому и плата за труды. Правда, Эртис подозревала, что вединны нарочно посылают ей огонек позже, чем конкуренту. Может, чтобы меньше возмущалась. Или просто не любят они волшебниц...

А Гелеор... сволочь. Мужуку всегда проще найти работу, чем женщине. А он выпендривается — стружку с монстров снимает, посланница составляет. Ничего, это долго не продлится. Эртис никому не позволит себя обижать. Даже вединнам. И пусть катятся к демонам волшебные кодексы чести.

* * *

Гелеор скептически рассматривал банзармиска. Матерый экземпляр: судя по длине рогов и количеству бородавок, красавец не одно столетие воздухом наслаждался. Теперь вот лежит, не двигается. Аккуратный такой... ну, дырка в брюхе, ну, голова отрезана. Так ведь приставлена же на место! А подпаленные уши ему даже к лицу — импозантно и неизбито. И в правом глазике торчит прелестное украшение — колышк с привязанным обрывком пергамента. Эртис постаралась. И кто бы мог подумать, что у нее такой красивый почерк!

«Откуда ты такой шустрый и самоуверенный? Я тоже могу быть быстрой. Так что иди, поищи другое место для промысла».

— Харрр... Сама иди! Вот доберусь до тебя и устрою

маникюр по самые локти,— Гелеор улыбнулся, представив милый кожаный шнурок с тремя металлическими пальчиками. Такой амулет повесить на шею — все обзавидуются.

Вообразив рожу стервы-волшебницы, охотник перечитал записку.

— «Откуда ты такой?..» Надо откуда. Издалека...

...Этой аккуратистке там бы понравилось. Синее небо, травки-цветочки, по полям навстречу друг другу носятся влюбленные. Рассветы-закаты. И все чистенько до омерзения. Никаких чудовищ — профи постарался, «лучший ученик Университете» и «самый перспективный монстробой», у которого теперь всех занятий — сидеть на вершине горы, плевать вниз, дохнуть от скуки. Ждать, когда тебе принесут обещанную плату за труды.

И смотреть.

На что подвернется — на то и смотреть. На тонущую в сумерках долину, на прохуdivшиеся сапоги или на маленький огонек, ползущий вверх по склону, — не иначе самоубийца ищет, откуда бросить последний взгляд на жизнь. Факел ему в зубы! Ах, у него уже есть один... чудесно! Представление обещает быть гвоздем сезона, все зрители на местах. Жаль, актер медлит.

Через час незнакомец выбрался на вершину и рухнул к ногам охотника. Факел, ощутив близость звезд, решил, что скромным источником света тут делать нечего, и потух.

— Вели...кий... Принося...щий На...дежду,— заговорил гость, выплевывая слова пополам с отдышкой.— Могу...щественный Освободитель!..

— Можешь заткнуться,— позволил себе Гелеор и улыбнулся так, что где-то в мире скончалась пара клоунов.

— ...Повергающий Монстров и Дарящий Смерть,— продолжил человек, оказавшийся глухим. Или обладателем редкого чувства такта, что, в принципе, одно и то же.— Мы, Люди Утеса...

— Мальчик, ты дебил? — заботливо поинтересовался «Освободитель».

Пришелец смутился. Возможно, потому, что действительно был мальчиком. Или дебиллом. Во всяком случае, он почти замолчал.

— Старейшины... меня послали...

— Понятное дело, тебя бы каждый послал. Я тут наслаждался одиночеством, а ты приперся. Посему заявляю: тебе здесь официально не рады, пошел вон!

— Но я... Мы, Люди Утеса...

— Кто же в этом виноват, если мальчик туповат? — промурлыкал Гелеор.

— ...хотели отблагодарить Несущего Смерть, Сеющего Хаос...

— Да-да, это я. А теперь катись!

— ... и надеемся, вы примете наши скромные дары...

— Иди ты в... Дары? — смысл произнесенного добрался до сознания Гелеора, и он заинтересованно уставился на мешок, принесенный мальчиком.— Что за дары?

— Старейшины прислали вам Вездесущую Утку, Святое Яйцо и...

— Мне абсолютно неинтересно, из-под какого старейшины вытащили утку, и я, тем более, не хочу смотреть на продукцию местной кастрации. Деньги там есть?

— Наши реликвии бесценны... Отец моего отца поклонялся Вездесущей Утке,— забубнил пацан заученный текст,— а чести лицер... лице... лицецзреть Святое Яйцо удастивались только короли и...

Гелеор выпотрошил мешок и критически осмотрел содержимое.

— Дары действительно скромные,— печально констатировал он, плюнув на облезлую реликвию.

Мальчик распластался перед Вездесущей Уткой, призванной валить язычников с ног — видок у нее был подходящий, да и запашок соответствовал. Монстробой небрежно пнул «бесценный дар», и статуэтка отправилась в свой первый и последний полет. Секундой позже к птичке присоединилось Святое Яйцо. Паренек с благовеинным ужасом остолбенел у края пропасти.

А Геллер продолжал инспекцию.

— Харррррр... Семьдесят монет?! — изумился он, пересчитав тусклые кругляшки.— Да за это я даже воздуха не куплю! Жалкие паразиты, я очистил ваши земли от нечисти, а вы платите Мне, Великому, какую-то горстку медяков?

— Но Утка, Яйцо... были сокровищами! — всхлипнул мальчик.

— Вот и оставили бы себе ваши сокровища, а мне нужны деньги! — рявкнул Гелеор. — Надо же, как ему отплатили за честную работу. В этих краях не осталось ничего опаснее озабоченного кролика... и всего семьдесят монет?!..

— О, Властитель, не гневайтесь! Это все, что у нас есть...

— Слушай, мальчик,— улыбнулся «Приносящий Надежду», жалея, что у него нет вампирских клыков.— Пошел вон!

— Простите нас! Простите, Непобедимый! — промямлил юнец и с поразительной скоростью помчался вниз — падают и то медленнее.

Гелеор проводил пацана десятком сочных проклятий, прикинул, не сходить ли потолковать со старейшинами, но решил приберечь ярость до лучших времен. Семьдесят монет. На эти деньги он проживет некоторое время. Пять минут можно себе вообще ни в чем не отказывать!

Ладно, что мы имеем? Монстров больше нет. Значит, напуганные людишки не позовут на помощь, не придется лазить по болотам, истребляя злобных тварей, и скакать по лесам, вырезая смердящих гадов. Но и платы за убийение очередной дряни тоже нечего ждать...

...Пришлось идти в Крепость на поклон к вединнам, надеясь, что в каких-нибудь занюханых краях остались чудовища. Хоть самые завалищие. Ну и, разумеется, сотня-другая не слишком нищих трусов.

Вот так, Эртисю! Никакого «иди, поищи другое место для промысла» не будет. Не у тебя одной пищеварение и потребность в витаминах.

* * *

Вечер был тихим, пряно-звездным, но едва полночь миновала, погода испортилась. Облака разрыдались мутным дождем. Деревья лупили ветками по крыше, ветер выл на луну.

Дадрасси поправила одеяльца спящих малышей, плотно закрыла ставни, завесила окно тряпками, которые дед

упорно называл «шторами». Поздно же братишки угомонились. Если мать узнает, что старшая сестра разрешает малявкам играть почти до рассвета — прибить! Хотя нет, отец заступится. Он же все прекрасно понимает — сам был ребенком и любил мастерить из лунных лучиков сети для мелких грызунов. Нынче Вилл и Памони впервые поймали шесть полевых крыс. До того им ни разу не удавалось сделать крепкую ловушку, но сегодня удача смилостивилась, и близнецы долго гоняли зверьков по деревянному ящику. А когда пленники выдохлись, неугомонные мальчишки наконец-то поели. У загнанных животных кровь сладкая, тягучая, как карамель, которую любят люди. Дадрасси и сама бы не отказалась от парочки крыс, но пришлось притвориться сытой. Еды в последнее время мало. Вчера отец приволок зайчонка и хромую лису — и это на всю семью! Сегодня мать отправилась с ним, как раньше бывало. Дадрасси уже не маленькая, сможет приглядеть и за братишками, и за большим дедом. Но почему-то было тревожно... Скрипнула дверь, и кто-то тихо вошел в дом. Шум дождя почти заглушал звук шагов, но у вампиров хороший слух.

— Ах, Щелгок, ты меня напугал!

— Трусишка,— нежно прошептал гость.— Я соскучился.

Дадрасси зажмурилась от удовольствия. Как здорово, что за ней ухаживает взрослый парень. Ему целых четырнадцать; говорит басом, костяные шипы на крыльях полностью проросли и глаза светятся не розовым, как у детишек, а ярко-алым огнем. Конечно, ей всего десять и она еще мало подходит на роль возлюбленной, но бедному Щелгоку и выбирать не из чего. В округе живут только две семьи вампиров. Правда, за перевалом есть небольшая деревенька, где обитают какие-то дальние родственники матери, но туда не меньше трех дней пути, да и самой младшей из тамошних девушек давно минуло семнадцать...

— Я тебе гостинец принес,— сказал он, обнимая невесту. — Зачем?

— Как зачем? Вчера был День Влюбленных, а я тебе ничего не подарил... Идем скорее — посмотришь!

Парень вытащил ее в коридорчик и подхватил с лавки корзину. Внутри сладко посапывал младенец, укутанный в теплую шаль. Дадрасси не сдержала радостно-го: «прелесть». Но сразу же погрустнела.

— Щелгок, где ты его взял?

— В деревне.

— Ты понимаешь, что это опасно?! Папа говорил, что сейчас нужно вести себя тихо — появился новый охотник, и...

— Не бойся, глупая! У той мамыши детей знаешь сколько? Она их рождает каждый год — в доме ступить некуда, кто там заметит, что один пропал? А ты так давно не ела вкусенького... мне захотелось тебя побаловать.

— Ах, Щелгок, ты такой... заботливый,— счастливо прошептала Дадрасси и, облизнувшись, вытащила младенца из корзинки...

В прошлый раз подчаровочка пришлась кстати. Да, это против правил, но вединны даже не пикнули — кто первым нарушил кодекс? Эртис в течение месяца полу-

чала известия из Крепости на три часа позже, чем ее соперник.

На этот раз огонек пришел вовремя, но охотница находилась слишком далеко от нужного места. Оставалось надеяться, что Гелеор тоже не близко. По осенней грязи, да под дождем, забраться в сердце Киэльских лесов — проблема. А к услугам волшебницы сила воздуха и крылья, сотканые ветром.

Но Эртис опять опоздала. Не повезло. То ли он случайно оказался в тех краях, то ли вединны придумали новую хитрость... Добравшись до цели, женщина застала разоренной домишко, несколько обугленных трупов и надпись на стене — кровью по белому:

«Я не собираюсь уходить, мне тут нравится И ты — отличный противник. Не хуже, чем монстры».

Оторванное черное крылышко, послужившее кистью, валялось в луже. Лететь к соседнему вампирскому гнезду — бессмысленно. Гелеор наверняка там побывал. Теперь местные смогут жить спокойно. Столько мерзости у них под боком обитало! А сейчас нет никого.

Присев на треснувшее крыльцо, Эртис загрузила. стыдно признаться: она завидовала дохлым вампирам. У них был дом, семья. Они жили вместе, свои пакости вершили вместе, и померли тоже вместе. А что есть у нее, кроме воспоминаний? Ни родных, ни угла. Друзей — и тех нет. Когда наступает зима, и нечисть не сильно докучает людям, отсиживаясь в горах или отсыпаясь в лесах, болотах и норах, волшебнице некуда идти. Некуда возвращаться. Ей обрадуется разве что владелец постоянного двора, да и то — если в кошелке странницы найдется пара монет...

А всему виной гоблины. Или тролль. Или мантикора. Никто этого так и не сказал маленькой девчонке, сбежавшей тайком в соседнюю деревню посмотреть бродячих артистов. Эти же артисты через два дня проезжали через разоренное поселение и увезли в цветастом фургончике единственную оставшуюся в живых малышку. Но злое колдовство преследовало Эртис. Веселые клоуны и добрые менестрели каждый вечер превращались в пьяное отребье. Утром весельчаки-затейники потешали на ярмарках детвору, а получив пару медяков, нагружались дрянным вином и развлекались, кидая в девочку объедки. Сладкоголосый певец и романтик на ночь привязывал Эртис к дереву или кровати. Чтобы не сбежала.

Позже четырнадцатилетнюю девушку выкупил стареющий дровосек. Зачем — рассказать не успел. Через пару часов, повздоровив с собутельником, мужик получил скамейкой по голове и навсегда перестал интересоваться прелестями бренного мира. А для Эртис началась настоящая жизнь. Свободная. Полная желанного одиночества.

«Улыбайтесь чаще! Люди это любят», — услышал однажды Гелеор и всегда следовал этому совету. На что окружающие реагировали странно: бледнели, зеленели, падали в обморок. Или расплозились. Но вряд ли кто-то любил улыбку монстробоя. Зато самому Гелеору она нравилась. Так проще разговаривать с нечистью и жади-нами. Вот и сейчас, едва он сверкнул зубами перед со-

бравшейся толпой, как все притихли, до смерти очарованные.

— Привет, примитивы! — поздоровался охотник. — Где тут ваш бешеный анцибал?

— Но... Э... Эртис, — отважился заговорить кто-то.

— У Эртис отсохла волшебная палочка и теперь проблемы с монстрами решаю я. Работаю быстро, беру недорого. Если у вас мало золота, я готов принять женщин и детей по выгодному курсу.

Продолжать не стоило — слушатели попались на редкость тупые. А что еще ожидать от провинциальной глубинки? Местные не представляли, что где-то существуют города с населением больше сотни человек. Передвигались только на своих двоих или верхом на клячах. Увеличения исключительно народные — игры «выпить» и «в морду».

Хорошо эти землерои понимают, когда обнажаешь клинок и спрашиваешь:

— Чудовище где?

Грязный палец, указующий в сторону топи — вот и все красноречие, которого удалось добиться Гелеору. Как всегда. Ну, бывало, смелые или дураки спрашивали, что у него за плащик такой диковинный. Не объяснять же всем, что и не плащ это вовсе, а флаг, добытый в... скажем, «в неравном поединке»? Экстравагантности местные не поймут. Зато они не скупердяи, как «Люди Утеса». Платят точно и вовремя. Молодец волшебница, выдрессировала. В цирк бы ее. К драконам.

... Анцибал оказался почти цивилизованным — устроился на кочке, никого не трогает. Проплесневевшая жилетка, носки в клеточку, на рогах заточка — мода, видать. Котомочка рядом походная. Ясное дело, в такой удобно оторванные головы носить — не пинать же их перед собой! Словом, душевный анцибал. Только мертвый. И в нагрудном кармашке желтеет бумажка. Харрррр. Как трогательно! До блевоты.

Милашка Эртис, мать ее, снова не обошла вниманием.

«Настоящий мужик, взял в противники женщину! У тебя как, ничего не атрофировалось от напряжения? Потом не стыдно будет похвалиться победой? Или тебе просто лень искать другого соперника?»

Смотри-ка: тетка, похоже, образованная. Слова всякие знает. И как ее занесло в эту глушь?

* * *

Знакомая картина уже не злила. Искромсанные чудовища, рытвины, вывернутые с корнем деревья... Ну и ладно. Не ее нынче день. И бой. И награда в двадцать монет. Гелеору тоже жрать нужно, а за эту работу зря деньги не платят. В конце концов, не он виноват, что вединны его сюда отправили.

Так, а вот и «записка», уже ставшая традиционной:

«Не изгоняй меня, смертельно-несравненная! Может, я истосковался по женской компании?...» — и обрубленные ступни монстров выстроились длинным многоточием. Истосковался, как же! Твоей бы иронией да болота осушать...

Она собралась уходить, когда заметила в траве обрывки цветного полотнища.

Йохху! Неужели это его? Похоже... Народ давно пого-

варивает, что Гелеор диковинный плащик носит. Иноземный. Таких в наших краях не было. Сочетание цветов странное донельзя. Но теперь эта тряпка ни на что не годится — рваная, в крови...

Эртис подняла находку, смяла мягкую ткань. От лоскутка исходил легкий запах можжевельника и чего-то незнакомого. Приятного. Оглядевшись, женщина спрятала остатки плаща в сумку и бросилась бежать...

Дожди закончились, первый снежок скрыл мусор и навозные кучи. Люди радовались, думая, что начинают жизнь с чистого листа. И забывали, что по весне снег сойдет, а грязь останется.

В небольшом городке шумела ярмарка. Обычно Эртис не любила гомон и веселье, но в этот раз крикливая толпа не раздражала. Все утро волшебница выбирала и приценивалась. А вечером, закрывшись в крохотной комнатке, изучала разложенные на столе приобретения: ткань, нитки, иголки... Все в точности подходило цветам наденного плаща. Восстановить его будет сложно, но впереди много времени. Монстры зимой предпочитают спать, а простолоудины и охотники получают передышку. Месяца хватит. Шить и готовить девушку научила старая целительница. Строгая, придирчивая женщина, бывало, поколачивала «маленькую лентяйку», чтобы новая премудрость лучше освоилась. Три года Эртис чинила одежду: поначалу ставила неумелые заплатки, а потом научилась возрождать тончайшие кружева. В бабушкиной пещере славно жилось: две женщины — мудрая и совсем юная — неплохо ладили. Обе ценили одиночество, могли не разговаривать целыми днями. И даже не видятся, если Эртис уходила за новой работой и провиантом. Но так продолжалось, пока в гости не пожаловал волшебник. Добрый. Начал с разговора. А мог бы обеих сразу отправить в новый мир.

— Рано или поздно ты станешь колдуньей, — заявил он Эртис. — В тебе столько магии, сколько эта старая карга за всю жизнь не видела. Она научила тебя шить, научит и ведьмовству. А ведьмы — зло. Всегда. За бабу я не переживаю: она понимает свои границы. А ты — проблема, недопустимая на моих землях.

И скованная чарами девушка не могла возразить. Что говорить детине, способному без волшебства переломить человека пополам? Поди докажи, что старушка — всего лишь целительница. Или нет? Впрочем, неважно. Эртис умела всего лишь латать одежду, готовить и охотиться. А про колдовство ничего не слышала.

Уж лучше молчать. Одно неверное слово — и станешь трупом. Волшебники не любят шутить.

Незванный гость предложил Эртис купить жизнь и свободу. Всего-то и требовалось — отправиться вместе с чародеем в Крепость. Научиться «правильной» магии. Девушка думала недолго. Когда тебе демонстрируют плавление камней одним взглядом, поневоле соображаешь быстрее...

...С того дня судьбой Эртис занимались вединны.

Ремесло волшебника давалось нелегко. Целыми днями тренировки, отработка колдовских приемов. Вечером — книги. Боевые заклинания, биология, зельеварение, анатомия, астрономия...

Рукоделие пришлось забыть на долгих восемь лет...

Но старые умения пригодились. Немного терпения — и плащ Гелеора будет как новенький. А то скажут, что у Эртис не противник, а оборванец... Или не скажут — кому какое дело до монстров? Их всегда обходят стороной. И стоило ли подбирать рваную тряпку, метаться в поисках тканей, а теперь сидеть при свече и колоть иголкой пальцы, успевшие забыть тонкости шитья?

Чем он купил тебя, Эртис? Тем, что назвал женщиной? Или взыграли материнские инстинкты? Одиноким, пришедшим издалека... нуждается в тепле и ласковом слове... чудесная цель для опеки.

А может, он просто товарищ по несчастью?.. Да, именно так.

Успокоив себя этой мыслью, охотница погрузилась в работу. Цветное полотнище и запах можжевельника надолго завладели сознанием. Так хотелось, чтобы получилось хорошо. Без магии — только мастерство. И желание сделать что-то... нужное... Жаль, давно ей не приходилось шить. Не рассчитала, и через неделю нитки закончились. Значит, снова нырять в толпу...

...Суетный водоворот не принимал волшебницу. Многие, еще издали заметив серебристо-зеленую накидку, спешили отвести взгляд. Убраться с дороги. Не столкнуться. Так спокойнее.

Лишь одна не отворачивалась. Следила с надеждой. Хотела броситься вслед, просить — умолять. Но крепко держал отец, не позволяя вырваться. Бойтся. Помнит. Но ведь и Фламина помнит! Такое не забыть...

В пять лет она впервые увидела Крепость. Отец привез вединнам продукты и задержался, стараясь выторговать за товар лишний медяк. Девочка скучала, сидя возле пустой телеги. На старую лошадь, облепленную мухами, смотреть неинтересно, а тряпичная кукла Бика упала в грязь и превратилась в липкий комок. Фламина решила отмыть игрушку. И скучно не будет, и старшая сестра потом не заругает. Прогулявшись, девочка обнаружила пруд. Красивый, как в сказке: камушки выстилают дно, трава покрывает берег. Малышка взобралась на кривой ствол и опустила куклу в прозрачную воду. Грязь хорошо отмылась: засмеялись деревянные глазки-пуговицы, на синем платьице проступили цветочки. Еще немного — и Бика будет чистой.

Но с гиканьем и воплями на берег выбежали ученики Крепости. Разбегаясь, ныряли. Хохотали заливисто, брызгались и дурачились. Кто-то потрянул дерево, и Фламина не удержалась. А падая, успела подумать, что совсем не умеет плавать. Ее вытащили, конечно, но кукла осталась на дне пруда...

Через несколько дней отец снова отправился в Крепость. На этот раз Фламина покорно сидела в телеге — мысли спуститься на землю немедленно отзывались болью в свежих ранах. Если она еще раз ослушается, родители забьют насмерть.

— Это твое? — услышала малышка. Задумавшись, она не заметила подошедшую к телеге девушку.

Незнакомка в зеленом наряде: волосы цвета лунных зайчиков, глаза с тысячей искорок и переливающимся чаор. Фламина столько слышала об этом «украшении»! Только

волшебники носят его во лбу — серебряные нити, прошивают кожу, сплетаются узором бликов и переливов. И два светящихся зеленых камушка, как слезинки леса, полонившие солнцем. Говорят, без них нельзя колдовать.

Девушка протягивала Фламинке куклу. Чистую, словно только что сшитую. В новом платьице из такой же ткани, что и наряд волшебницы. Малышка схватила игрушку и отодвинулась — подальше от незнакомки со сверкающим чаором.

Потом они подружились. Совсем чуть-чуть. Фламина приносила Эртис медовые лепешки, честно сохраненные с праздника. А волшебница иногда шила для Бики лоскутные платьица. Так продолжалось все лето. Пока однажды отец не заметил... Он не ругался и не кричал: дочка не уходила от телеги и не делала ничего запретного. Но в Крепости малышка больше не бывала.

Фламина и Эртис встретились через несколько лет.

Той весной вернулся «чокнутый» Пакин с сыном Верном. Два чудака побывали за морем и рассказывали множество небылиц. О лодках, вмещающих целое поселение. О домах, где живут сотни людей. О телегах, летающих по воздуху... Их слушали с интересом. Им не верили.

Но отец и сын четыре месяца просидели в заброшенном сарае, создавая «механизм». О домах, где живут сотни людей. О телегах, летающих по воздуху... Их слушали с интересом. Им не верили.

Но отец и сын четыре месяца просидели в заброшенном сарае, создавая «механизм». И утверждали, что диковина будет работать за пятерых жнецов. Над изобретателями смеялись и взрослые, и дети.

Осенью Эртис уничтожила выводок огнеплюев, портивших урожай. Счастью работяг не было предела: зимой не придется голодать. Народ посчитал это чудесным поводом для праздника. Собралась вся деревня. И старейшина пригласил волшебницу «повеселиться». Воспользовавшись случаем, Пакин вывел свое изобретение в поле — на первое испытание. Люди, предвкушая хорошую потеху, разглядывали машину, хохотали и перешептывались: «Где оно видано, чтобы железяки вместо человека работали?»

Дальнейшее Фламина помнила плохо — слишком быстро все произошло. Громадина взревела, крутнулась на месте и двинулась прямо на радостную толпу. Смех тотчас же сменился криками, народ, чертыхаясь, разбежался.

Фламина быстрее проворнее и умнее старших братьев. Но перед железной машиной спасовала. Слишком поздно кинулась в сторону. «Механизма» проглотила руку девочки и затягивала все сильнее. Боль оглушала, растеклась по телу, вырывалась криком «мамочка!». Растерявшийся Пакин не мог укротить взбесившееся изобретение. А ненасытное металлическое чудовище поглощало первую добычу. Вот и локоть ушел внутрь... Еще секунда — и спасать будет некого. Фламина рванулась изо всех сил и упала в чьи-то объятия. Ровно обрубленная, рука скрылась в механическом чреве.

— Спи! — приказала девочке Эртис, перетягивая веревкой культю. Заклинание подействовало мгновенно, и

Фламина затихла на руках родителей. А волшебница ринулась к изобретателю:

— Остановливай свою косилку. Быстро.

Пакин кивнул, глядя на полыхающее пламя в руках чародейки. Он прыгал вокруг машины, пытаясь палкой достать до нужного рычага, но дрожащие руки не слушались, то и дело промахиваясь. Другие мужики и вовсе не решались приблизиться. Только Верн не боялся ни Эртис, ни машины — вылетел вперед, рванул рычаг и едва увернулся от вздрогнувшей в последний раз металлической глыбы.

— Спасибо, — поблагодарила Эртис и лучами-молнии рассекла машину натрое. — Доставайте руку. Немедленно, пока она еще теплая.

От трясущегося Пакина толку было мало, но сын изобретателя действовал быстро. Вдвоем с Эртис они разбирали механизм, чертыхаясь и стараясь не слушать ропот толпы. Им хватило семи минут, но за это время рассвирепевшие жители едва не разорвали создателя «механизмы». Только гневный крик волшебницы на время усмирил людей.

— Держите дочку, — приказала Эртис перепуганым отцу и матери. И, наклонившись к Фламине, прошептала: — Просыпайся!

Войти в сознание, зацепиться за боль, нащупать нужные каналы, чтобы приживить, вернуть на место и стараться не слышать воплей девочки, бьющейся в крепких руках. Шов и еще шов.

Кость, сосуды, сухожилие, мышцы — подтянуть, сцепить.

И снова. Не смотрите.

Взгляд снаружи ничего не даст. Тело помнит, как должно быть, и поможет Эртис. Важно только не выпускать нить сознания Флаminy. Не потерять контакт.

Осталось немного. Кровь устремилась в приживленную руку. Теперь затянуть разрыв на ладони и срastить раздробленные кости мизинца.

Хватило бы сил.

Еще чуть-чуть... если бы она не так кричала...

...и

— Все! Хватит!!!

Удар — и Эртис отброшена в грудь железных обломков.

— Не смей больше терзать мою дочь, мерзкая ведьма!

...Нет сил подняться... Облака белые... небо ослепительно голубое... и крики... едва различимые... плывут. Растворяются. Но девочка цела... И можно забыться.

Покая...

Фламина оглянулась на распростертое тело волшебницы, хотела просить отца, чтобы он помог той, что спасла, не бросила... но боли еще слишком много, не вдохнуть. Не сказать слова. Даже не застонать... Только слезы каплют. Сами... И Верн, застывший возле разбитой машины, смотрит... Такой трогательно-нескладный. Перепачканный в грязь и кровь. Только бы о нем не вспомнили. Иначе забьют вместе с Пакином...

...Фламина очнулась. Вокруг ярмарка, зазывные крики, радостный смех. Их не было бы, не окажись тогда рядом Эртис. А так — кривенький мизинец да несколько шрамов на руке — вот и вся память о той осени. Только отец

до сих пор плюется, когда слышит имя волшебницы. Говорит: «Все ведьмы беду носят»... Потому и не хочет, чтобы Фламина просила о помощи. А ей все равно! Даже к злой колдунье она готова идти: заложить душу, продать тело — только бы Верн отыскался.

Он ушел продавать свои механические игрушки. Деревянные куклы пришлись по нраву детишкам деревни, должны понравиться и городским малышам. Фламина сама разрисовывала игрушки яркими красками, сама укладывала их в большой короб. И сама провожала любимого в дальний путь. Она бы отправилась с ним, но с ее животом нельзя трястись по дорогам.

Три долгих месяца прошло с тех пор, как Верн ушел... И уже должен был вернуться. Он ведь обещал. И всегда держал слово. Самый добрый, не похожий на других парней. Он приходил к Фламине с того дня на поле. Сначала справиться о здоровье. А после — потому что не мог не приходиться. Его колотили старшие братья девушки. Отец грозился убить «изобретательского выродка». Но Верн все равно находил пути встретиться с любимой. Сколько лет они ждали, почти не надеясь. Сколько лет Фламина замирала, завидев шумные сватовские телеги из соседних деревень, а потом плакала от счастья: не к ней пришла «долгожданная радость». А мать ворчала, мечтавшая поскорее выдать дочку замуж за «работящего парня без дури в голове». Но Фламину-калеку парни обходили стороной даже на деревенских праздниках.

Только Верн не отступался от своей ненаглядной... И свадебные колокола однажды зазвенели для них двоих...

Последний год был самым лучшим из пережитых Фламиной. Любящий муж, маленький домик, ожидание первенца. Если бы Верн остался... если бы не ушел. Он обещал успеть к рождению сына и мог просто так задержаться... значит, что-то случилось. Что-то плохое...

Почему же отец не позволяет догнать волшебницу?..

Она ведь не злая. Она поймет. Поможет... Если когда-нибудь любила...

* * *

Хамралг почесал за рогом, вздохнул и протрубил: — «Я — хозяин леса!» Получилось не воинственно, а печально. Какой же он хозяин, если зависит от молодой химерочки? А она вертит своим дыхателем как хочет. Смотреть противно.

Любит. Не любит. Любит. Не любит. Любит...

Если гадаешь на людишках, всегда получается «любит». А на самом деле что она чувствует? Может, просто от скуки дразнится, а может, и правда равнодушна. Кто ответит? Цветы появятся не скоро, сороконожек где возьмешь нынче? Попрятались все. А эти убогие с двумя ногами часто шастают... Но они все одинаковые. Руки, ноги, голова. «Любит». Никаких неожиданностей. И никакой уверенности. Может, надо попробовать погадать сразу на десятке? Тут и деревенька недалеко — всего пару дней пути. Сколько там людишек? А сколько бы ни было — как выпадет, так и будет. Без Нее — не жизнь, лучше утопиться...

Удрученный хамралг поднялся, и тело заблудившегося человека — липкое, грязное — скатилось на снег. Из пропитанной кровью котомки высыпались погремушки. Механический цыпленок захолоп крыльями и пискнул,

придавленный громадным копытом. Жалобно звякнули шестеренки, не выдержав тяжести судьбы...

И ветер бережно уносил беззвучные слова, украденные у мертвых губ.

Фламина...

Милая.

Незабвенная.

Волшебная.

Недосягаемая, далекая, хрупкая, кареокая.

Звезды тебе и дожди вплету в длинные косы. Твоих глаз глубину желаю, жду...

Не дождусь.

Ни-ког-да. Почему это слово из трех слогов?

Словно на ромашке гадаешь: да-нет-да...

Но остаешься с тем же ненавистным «никогда»...

Почему?..

Выюга баюкала мужчину. Укрывала снежным одеялом его руки. Ноги. Голову. Ничего, что все так далеко друг от друга, — мягкое искрящееся покрывало большое...

* * *

Небо и земля слепили белизной. Под озерным льдом беззвучно кричали рыбы. Деревья скрипели от мороза, а ветер рассыпался ледяной пылью. Зима изменила жизнь Гелеора. Увы, не в лучшую сторону.

Монеты и раньше не делали его желанным гостем в тавернах и постоянных дворах. О чем же говорить сейчас, когда деньги почти кончились? Проклятая волшебница оттяпала себе прибыльные заказы, оставляя конкуренту мелочевку. И теперь она нежится в тепле и уюте, а он закопался в нору. Пришлось, правда, выселить прежнего жильца. Но у того целых десять лап — выроет себе что-нибудь еще. Если соберет конечности.

И вединны не торопились присылать новые задания. За целый месяц ни одного вызова. Гелеор уже приглядывался к отоцавшему коню, раздумывая, какая часть окажется наиболее съедобной, когда пришел долгожданный огонек. Теперь бы не опоздать. А то ведь Эртис опять все загребет. Эх, найти бы ее и сделать нетрудоспособной. Хоть на время. Лет на двести...

...Четвероногая тварь сдохла, не довезя охотника до заработка версты четыре. Гелеор пнул подлое животное, будто специально околешее недалеко от цели, и пошел дальше. Не успеет на свидание с монстром — вернется к старому другу за мясом. Если лосяное зверье оставит что-нибудь...

* * *

Эртис не любила летать зимой — слишком холодно наедине с ветром. Но иначе не успеть. Когда вединны прислали огонек, хамралга отделяла от деревни только замерзшая река. А бегают рогатая тварь быстро. И двигается быстро. Только убивает медленно.

Люди не успели уйти далеко: волшебница заметила маленькие силуэты устремившихся к скалам человечков. Беснующийся монстр еще не понял, что поселение опустело, и носился между домишками, выдирая двери, сминная крыши и стены. С победным рыком хамралг схватил бродягу, едва живого от страха. Видать, несчастный забрался в полуразвалявшийся сарай, не спросив дозволения хозяев. И, заснув, не узнал о надвигающейся опас-

ности. Чудище довольно затрубило и уселось в сугроб, сжимая в лапе человека.

Приземлившись, охотница помчалась к монстру. Закоченевшие ноги слушались плохо, но летать уже нельзя — сила ветра не любит силу огня. Бедолага так кричал, что сердце останавливалось. «Спи!» — попросил Эртис, и страдалец послушно обмяк. Синий луч полоснул монстра по руке. Отсеченная конечность упала в снег, придавив бродягу. Но некогда проверять, остался ли жив человек — тварь неслась к своей обидчице. В мутно-желтых глазах перемешались ярость и боль.

Два огненных копыта летели навстречу хамралгу... а чудище сигануло и пронеслось над головой Эртис, избежав смерти.

Мгновенный разворот — лезвие света — косой росчерк когтистой лапицы — бросок — прыжок...

Монстр, убегающий в лес, и волшебница, зажавшая рану на плече. Йохху лесной! Скорее, пока не ушел, гад... Ну, почему сонные чары действуют только на людей? Было бы проще сражаться. Или нет. Убивать спящих? Пусть и нелюдей, мерзких гадин, но беззащитных? Лучше пусть проявляют свою сущность... иначе возненавидишь себя...

Но не время об этом.

Зачерпнуть силу... не думать о боли, ранах, о том, что противник сильнее, быстрее.

Отдаться воле огня и помнить о том, что хамралги уязвимы. Смертны...

К счастью.

Лес внезапно оказался бесконечным. Снег — мягким и уютным. Неподвижное чудовище — маленьким. Умиrotворенным. Теперь оно никому не причинит вреда. И скоро волшебница сможет отдохнуть... Увы, не сейчас.

Эртис достала из котомки аккуратно упакованный плащ и буханку хлеба. Положила на видном месте. Он найдет. Обрадуется. Наверное.

Жаль, нельзя остаться. Надо выяснить, что с бродягой, жив ли?

Возвращаясь в деревню, охотница часто останавливалась — пришлось поправлять-лечить деревья. Несчастные, разве виноваты они, что хамралг удирал, не разбирая дороги?

...Люди возвращались к разоренным домишкам. Кто-то сразу принялся восстанавливать разрушенное, кто-то ударился в слезы. Десятка два зевак окружили бедолагу, побывавшего в лапах монстра. Ближе подходить боялись — словно огромная лапица, сжимавшая человека, могла ожить.

Перед охотницей народ боязливо расступился. Мужики разглядывали алый снег под ногами. Женщины глухо всхлипывали, прячась за спинами мужей. Только старейшина отметил потускневший чаор и усталую походку Эртис.

Едва заметное движение — и уродливая когтистая рука хамралга исчезла. Оправилась к хозяину.

«Просыпайся!» — приказала волшебница бродяге, и тот зашелся в прерванном крике. Ему досталось от чудища: сломаны кости, нога искалечена — порваны сухожилия, мышцы. Это можно исправить, если бы он не дергал-

ся... Но мужичонка вопит еще больше, замахивается здоровой рукой:

— Не тронь меня, ведьма!!

И отползает, скулит и завывая, — подалее от Эртис. Люди подхватывают его, волокут орущего в уцелевший домишко. Не оглядываются.

Наедине с волшебницей остается только старейшина. Мешочек с «наградой за труды» падает в ладони спасительницы. Брошен, как подаяние. Ее работа хорошо оплачивается серебром. Редко — золотом. Но ничего сверхоговоренного. Ни улыбки. Ни «спасибо». Никогда.

Ты — охотница на монстров, Эртис. Наемница. Тебе эти глупости не нужны. Бери деньги. И лети, куда хочешь...

* * *

Гелеор плюнул под ноги — можно было не бежать. Добрая ведьма давно убила все, что двигалось, и свалила. Конечно, оставила хамралга в образцовом состоянии: лапы, копыта, хобот — все на месте.

Даже лишнее имеется.

Сверточек, например. А внутри — аккуратно сложенный флаг. Чистый. Без единой дырочки. Нет, теперь уже настоящий плащ с теплой подкладкой, которую можно отстегнуть.

Охотник недоверчиво разглядывал восстановленную вещь.

Частицу прошлого. Или несбывшегося настоящего.

...Там, откуда он пришел, чудеса создавались техникой, магия продавалась в магазинах, а драконы, собранные на фабриках, оставляли в небесах инверсионные следы. Гелеор должен был летать, восседая на грозной крылатой твари, ведь он был лучшим в Университете. Факультет Боевого Мастерства гордился своим учеником, а элитный отряд монстробоев с нетерпением ожидал будущего выпускника.

С такой репутацией очень просто разбить девушке сердце. И Гелеор делал это оптом, сверкая среди осколков романтических мечтаний белозубой улыбкой. А потом он встретил ее. Студентка-вединна (да что там, настоящая ведьма!) с самым подходящим для такой специальности характером. Олицетворение ночного кошмара.

Помня, что на тупых уродинах природа не просто отдыхает, а делает капитальные привалы, Гелеор всячески сторонился ее, иногда деликатно отбиваясь. Увы, без применения холодного оружия — воздыхательница была дочерью декана магического факультета. Волшебник, обучивший целую армию истребителей нечисти, оказался отцом главного монстра в мире.

Девушка слова «нет» не признавала — шла к заветной цели, расшвыривая соперниц и заваливая «обожаемого» подарками и посулами. С нулевым результатом. Но, одержимая страстью, не отступала.

Что единственное дитя нашептало своему папаше, Гелеор предпочитал не знать. Просто явился к любящему родителю поговорить. Мужская беседа началась ультиматумом декана и закончилась пылким монологом «подлеца и негодяя».

— Если бы на Земле не осталось никого, кроме вашей дочери, я бы послал к черту идею возрождения челове-

чества. В конце концов, в мире полно животных! — заявил оскорбленный сердцеед.

А через неделю «гордость факультета» отчислили. За неуспеваемость. Декан произнес патетическую роль о «привилегии учиться в Университете» и о «знамени, которое достойны видеть над головами только лучшие из лучших». Гелеор справедливо посчитал: если «лучший» уходит, то флаг должен последовать за ним. И той же ночью учебное заведение, выпускавшее борцов с нечистью, осталось без знамени. Монстробой-недоучка, презирающий несправедливость, угнал дракона. Не механического (те охранялись нешуточно), а выращенного людьми и объезженного. Сильная, злобная тварь выдрала башенку с флагом и метнулась в облака, налипшие на луну.

Через пару дней Гелеор бросил изголодавшегося «скакуна». Прокормить такую грудку мускулов могли бы только два-три стада коров-самоубийц, но природа не позаботилась их создать. Обессилевший зверь изрыгал горячую слизь вместо огня да изредка бил крыльями по холодной грязи. Обледенелая кожа растрескалась, рога искрошились, глаза едва мерцали. Загнанный дракон — омерзительное зрелище.

Гелеор не жалел о покинутом звере — нашлись дела и поважнее. Выжить, например. Мир встретил нового охотника, как излишне беспокойного мервеца. Никто не приглашал в дом, не кормил, не поил. Не восторгался. И не признавал «лучшего из лучших», даже когда Гелеор стал носить университетское знамя вместо плаща. Но эти мелкие неудобства быстро отошли на второй план. Катастрофа таилась в другом.

Монстробой работали по найму и получали плату, убивая нечисть на заказ. А если никто не просит защиты, истребление чудовищ даст охотнику лишь моральное удовлетворение и некоторый опыт. Чаще — десяток новых ран... А как добывать монеты? Этого не преподавали в Университете. Об этом даже не упоминали. Бравые ребята боевого элитного корпуса, куда стремился попасть Гелеор, получали зарплату — как принято в большом сытом городе. О происхождении денег речи не заходило.

Бродить по деревням и выискивать себе работу оказалось тяжелее, чем орудовать клинком. Первый заказ был унизительным. За миску похлебки и старые сапоги недавнему студенту предложили «утихомирить» упыря. По ночам гад наведывался в курятник и успел извести не один десяток несушек. Гелеору пришлось согласиться — очень уж хотелось есть. Да и обувь не помешала бы...

Около полуночи хозяйская дочь вытолкнула охотника из теплого хлева, махнула рукой в сторону гор.

— Кровопивец там, — зевнув, пояснила деваха. И скрылась в доме, плотно прикрыв дверь. А Гелеор отправился на встречу с монстром. Добравшись до цели, парень обнаружил тощее изможденное существо и готов был выть. Его, жаждущего сразу десяток гигантских тварей, послали воевать с... мумифицированным чучелом? Харр! Это же оскорбительно! Кто-то должен за это ответить.

И совершенно ясно, кто.

Оглядываясь на тронутое солнечной позолотой небо, упырь ковылял к своей норе.

— Привет! — заградил ему дорогу охотник.
 — Кто ты?
 — Сюрприз! Самый забываемый в твоей жизни. Решил зайти в гости, — сообщил Гелеор, проведя острием клинка по животу собеседника. «Кровопоивец» скорчился и засипел:

— Что ты делаешь?

— Прохожу ускоренный курс занимательной анатомии. Хотя вообще-то я не тороплюсь, — усмехнулся монстробой, разглядывая алые потеки на лезвии.

— За что? — прохрипел упырь.

— За что? — передразнил его охотник. — За то! Ненавижу вас! Ненавижу и тебя, и тебе подобных тварей. Мне бы силы — я переписал бы историю. Всю. Представь: мир без монстров! Не надо думать, как вас убивать и создавать армии бойцов с нечистью. И строить Университет. И учиться в нем — тоже не надо!!! — за каждым приведенным аргументом следовал взмах мечом, и руки дряхлого сына ночи укорачивались. А Гелеор, не слушая стенаний, продолжал монолог. — Я не стал бы студентом — ни лучшим, ни худшим. Не встретил бы самую отвратительную девицу в мире. И не вылетел бы! И не стоял бы здесь, развлекая тебя светской беседой. Понял, животное? Без вас, монстров, моя жизнь была бы прекрасной! Вы — корень зла. Хотя, какой ты корень? Корешок — вонючий и корявый.

— Умоляю, пощади, — простонал любитель чужой крови.

— Ладно, даю тебе шанс. Доберешься до тени — живи.

Извиваясь, «корень зла» пополз вперед, к спасительной норе.

— А ноги оставь здесь — будет легче, — посоветовал Гелеор и одним движением освободил страдальца от лишней тяжести. Еще час понаблюдав за издыхающим в лучах солнца упырем, заскучавший монстробой положил под голову флаг и уснул.

А проснувшись, пообещал себе, что отныне будет наводить работенку повеселее.

И сдержал бы слово, да не успел. В тот же день его навестил собрат по оружию. В короткой «беседе» выяснилось, что опытный монстробой орудует клинком на порядок лучше бывшего университетского студента. Серебряноволосый охотник не только отлично сражался, но и доходчиво растолковывал новичку:

— Направление на работу выдают в Крепости. Ясно, зеленка? Хочешь выпускать кишки всяким гадам — топай к вединнам. Не хочешь — проваливай из моих земель или сиди тихо. Возражаешь? Твое право. Я тебя прикончу за нарушение правил — и возражай, сколько пожелаешь.

Слово «вединны» прозвучал особенно издевательски. Гелеор не желал попадать в рабство к старухам и менять независимость на гарантированный доход. Он истреблял нечисть одержимо. Остервенело. Развлекаясь, загадывал, как быстро очередная тварь разучится дышать. В угоду желудку отбирал свежейманную дичь у плотоядных монстров. И не обременялся вопросами морали: в борьбе со злом уцелеть разрешалось одним способом — убивая. Пацифисты и миротворцы в этой вселенной не задерживались. Но, поскитавшись несколько ме-

сяцев, он сдался. Гордость выбрасывается из окна, если в дверь стучится вопрос о выживании.

После «визита» в Крепость жить стало проще. И Гелеору, и монстрам. Охотнику не требовалось метаться в поисках работы. А у чудищ всех забот осталось: увидеть флаг Университета на плечах своей смерти да попрощаться с жизнью.

Цветастое полотнище много лет служило плащом, пока не пришло в полную негодность, разодранное мерзкой тварью. Без ностальгической тряпки Гелеор даже улыбаться перестал и беспокоился: переживут ли люди такую потерю?..

А теперь этот вопрос в прошлом. В его руках снова целый флаг и завернутая в чистую тряпицу буханка хлеба. Горячего, словно только что из печи — не иначе, магией сохраненного.

Охотник укутался в плащ и с наслаждением отломил хлебную корочку.

«Эртис, Эртис... Недруг мой. Зачем ты так?.. Как прикажешь тебя ненавидеть?»

Природа вела себя до ужаса неприлично — словно март наступил в последний раз. Одревешшие от весеннего тепла птицы наполняли окрестности воплями. Обнаглевшие цветы оккупировали тропинки. Насекомые устроили тотальный водевиль. Кайбе Криворукий шлепал через болото, пиная лягушек и змей. Горемычные разлетались в стороны, потешно вращая глазами. Кикиморы летали хуже, зато, плюхаясь в мутную жижу, орали и громко оквернословили. В иной день Кайбе посмеялся бы, но сегодня не до веселья.

Да, говорить красиво он не обучен, подарка толкового принести не смог, но разве это повод, чтобы ему отказывать? Окле было бы хорошо с ним, ведь главное же — любовь. А он ее любит. И она его... наверное. Иначе разве стала бы молоденькая гафурия прилетать в сырую холостякую пещеру?

Не разбирая дороги, отвергнутый топал вперед. Куда — не важно. Его оскорбили, а он не может ответить. Потому что обидчик — отец его любимой. Старый сморчок усомнился в том, что жених способен позаботиться о будущей семье. Конечно, как всякий тролль, Кайбе соображает туго, зато в округе нет никого сильнее. Если дерево встанет на пути, он выдернет его с корнем и отбросит в сторону. А ради Оклы можно известить целый лес. Горы сровнять. Людишек вытоптать...

Только бы она была счастлива.

Едко-оранжевый свет разодрал темноту и застыл огненной сферой. Эртис открыла глаза, мысленно стеная: только-только задремала — и снова вставать. Когда еще выпадет ночевать в тепле и уюте? Но делать нечего — вединны просто так огоньки не присылают.

— Сколько можно дрыхнуть? — скрипнул пылающий шар старушечьим голосом.

— Я почти готова, — сонно отозвалась волшебница, застегнув последнюю пряжку на костюме. Одевалась она с помощью чар, не считая это транжирством магии. — Кто?

— Тролль. Злющий, как стадо мантикор, дерево разорил, жителей искалечил...

Йохху болотный! Самая гнусная работка. Эта каменолобая мерзость нередко людей в горы утаскивает и заставляет веселить себя. Сначала по ущельям гоняет, потом загадки загадывает — видать, приятно с людьми общаться. А когда совсем заскучает, отрывает конечности и слушает, как кричит жертва. Хуже, чем тролль, может быть только виверн. Но как же хочется спать! До смерти. Может, сегодня Гелеор управится сам?..

* * *

— Как ты разговариваешь с отцом? — бесновался старший гарпий, баюкая сломанное крыло.

— Как хочу, так и разговариваю, — зло бросила Окла, шагая к выходу. Острые когти оставляли глубокие царапины в камнях, глаза искрились ядовито-зеленым. Больше ни минуты в этой семейке.

Ну, почему они отказываются понимать? Ведь сами были когда-то молодыми... и тысячу раз рассказывали, как стая сородичей едва не разорвала юного гарпия, осмелившегося полюбить фурию. Семейная история и заверения, что чувствам неважна форма крыльев, толщина кожи и длина клыков, отброшены, едва дочь назвала избранника.

«Ты достойна лучшего!» — вопила мать, забывая, как выгрызла горло кровному брату, чтобы убежать к своему «черному задохлику», Чего «лучшего»? Кайбе — идеальный супруг: могучий, в меру туповатый... родной. Пусть бескрылый и бѣзрогий. Ей, Окле, все равно.

К нему, к любимому — и плевать на всех.

Прочь с дороги! И кикиморы, и лешаки, и гадуки болотные... И ты, человечина брюхатая. Нечего бродить, держась за живот и орать «Верн!» — не у себя дома. В иной день можно было бы побеседовать по душам — как гурман и пицца, но сегодня хватит с тебя двух ударов хвостом. Валяйся тихо. Пока не протухнешь...

* * *

Руины домишек смотрелись живописно, а звуковое сопровождение, устроенное бабенциями, на вкус охотника было лишним. Тролль бушевал, сломал множество рук и ног, пробил парочку голов и угробил корову. Но когда к тупой твари присоединилась гафурия, все изменилось. Нелюди миловались на глазах у всей деревеньки, забыв о бесчинствах. Никакого шума, никаких буйств. Но эффект! Народ в шоке. И никто даже особенно не горевал, когда «кашевар», прихватив корову, увел пассию в сторону леса.

Парочка, расположившись на поляне, пировала. Разорванное жвачное, горящий костер, поваленные деревья — милый пикничок. Тролль разочаровал монстробоя. Харрррр, какое же это чудовище? Подросток. И к тому же хилак... хотя, кто их знает, местных троллей, может, у них тут питание неправильное? Минералов не хватает или железа? Зато дамочка колоритная — даром что маленькая. Вон как мозги коровы легко высасывает. И раздвоенный язычок, облизывающий куски мяса — выше всяких похвал. Крылышки у нее знатные, когтистые. Перев многовато, но это быстро лечится. Парой ударов.

— Посидели — и хватит. Пора умирать, — поприветствовал тварей Гелеор, легко увернувшись от неуклюжего Кайбе.

Башка у туполобого романтика держалась плохо. Фонтанчик крови брызнул охотнику в лицо, и обезглавленное тело упало на землю. Невоспитанное. Куда это годится — поливать незнакомого человека всякой дрянью?

Гелеор швырнул голову тролля под ноги гафурии — вдруг дама не наелась, а тут свежие мозги. Мало, правда...

— Мамочка! — взвывала Окла.

— Знаешь, это не самое популярное высказывание, — заметил он. — Обычно говорят «Черт!» или «Йохху!». А ты оригинальничаешь.

Но чешуйчатая красotka не слышала — ни чужих слов, ни своей боли. Рухнув на колени, она раскачивалась и пыталась заглянуть в уже невидящие глаза возлюбленного. Гелеор скривился, пинком отправил в костер мыслительно-жевательную часть Кайбе и плюхнулся на пенек.

— Знаешь, кто я?

Окла зашипела, покосившись на окровавленное оружие.

— О-о... охотник...

— Точно! Ползи сюда, — позвал ухмыляющийся монстробоя. — Спроси, как у меня дела.

— Что?

— Харррр! Спроси меня «как дела?», дрянь! — рявкнул он, полоснув по плечу гафурии. Та взвизгнула — жалобно, совсем по-детски.

— Как... дела?..

— Нормально, а у тебя?

Гадуина не отвечала. Только стонала едва слышно «Кайбе мой, Кайбе...»

— Это невежливо. Я задал вопрос, — улыбнулся Гелеор, и клинок зарылся в тело Оклы. — А если тебя спрашивают, надо отвечать!

— Чтоб ты сдох! — вскинулась она. Острие меча удерживало рассвирепевшую тварь на почтительном расстоянии. — Проклятый, мерзкий человечешко!

— Ты меня совсем не рассмотрела, — еще одна усмешка. И еще одна рана.

— Я ненавижу тебя! — зарычала обезображенная гафурия. — Не-на-ви-жу!!!

— Логично. Ладно, я тут заболтался, а мне некогда.

— Ты уходишь?

— Нет, ты.

Спустя мгновение костер полыхнул, жадно принимая новый дар. Две головы лучше горят.

* * *

До рассвета оставалась половина ночи, но Эртис внезапно проснулась — будто совиный крик стал осязаемым и колким. Что с ней? Где-то требовалась помощь, а она плюнула на огонек вединн и позволила себе нежиться под одеялом?? Понадеялась, что без нее все утрясется... Непростительно. Подло... А если Гелеор не справился?!

Йохху лесной, быстрее! Здесь и лететь-то всего полчаса...

...Что-то было неправильное в открывшейся ей картине. Ровное поле. Ровнехонькое, словно его утаптывала сотня крестьян, маршировавших по кругу несколько часов. Ни единого поваленного дерева. Только небольшой

круг, выложенный камнями. А в центре — врытая в землю рука тролля, держащая белую лилию.

Цветок притягивал, завораживал. Как сердце мироздания. Здесь начиналось все: радость, удивление, надежда.

Эртис шла вперед, призвав на помощь магию. Благословенная сила Земли, без нее женщина вряд ли смогла бы двигаться. Лилия сверкала ярче звезд и в капельке росы, застывшей на краю лепестка, отражала ночь. Бережно вынув цветок из мертвых пальцев и оттерев стебелек от крови, Эртис заплакала. Ей никто и никогда не дарил цветов. Ни разу.

Она кружилась по полю и чувствовала себя маленькой девочкой, получившей в подарок весь мир. А лунные лучи вплетались в нежные локоны...

Если твой единственный приятель и собеседник — смерть, другие товарищи не приживутся. Как ни старайся. Но Гелеор не прекращал попыток обзавестись компанией.

На Плачущих Лугах он нашел фей со светящимися крылышками и нежными голосками. Крошечные существа прекрасно поместились в пустую бутылку и разогнали темноту не хуже фонарика. Но поговорить с ними было абсолютно не о чем.

— Выпусти нас! — причитали они, разбивая крохотные тельца о стекло.

— Хотите улететь? Хорошо, батарейки, я не злодей — летите! — улыбнулся Гелеор, зашвырнув бутылку в пруд, и сообщил пузырям, рвущимся на поверхность: — Радио из них тоже не получилось...

Стоило подумать о более примитивном спутнике. В небольшой деревеньке, примечательной лишь невообразимой нищетой, охотник увидел девушку лет семнадцати с кудряшками цвета полуденного солнца. Мысль о товарище обрела приятный оттенок.

— Деньги, чудовища и женщины — зло, — поведаль монстрой собравшейся кучке людей. — И как борец со злом, я избавлю вас от всех его проявлений. Моими стараниями вы уже спасены от нечисти, денег у вас и не было, осталось малое, — улыбнулся Гелеор, хватая примеченную милашку.

— Моя единственная дочь!.. Пожалейте, — рухнул на колени дряхлый старик.

— Харрррррр! Дед, не будь жмотом! Тебе нечем заплатить за работу, так радуйся, что я согласен на бартер. Твоя блондинка посмотрит мир в компании героя народных эпосов, что может быть лучше?

И, не обращая внимания на мольбы, монстрой зашагал прочь, прихватив девицу. Через неделю Гелеор пожалел, что потащил с собой генератор тишины, названный человеком. Да, спать с ней было приятнее, чем одному, плюс «милашка» ходила самостоятельно. Но в остальном не отличалась от бутылочных фей. Скитальческая жизнь не пошла ей на пользу: солнечные кудряшки поблекли, на руках и ногах появились ссадины, ветхая одежда быстро изорвалась... Кикиморы лучше выглядели. А тупой старикан еще и любил это чучело. Глупые, глупые люди!

К тому же с такой обузой совершенно невозможно работать. «Красавица» боялась всего, что водилось в лесах и на болотах — независимо от размера. Один раз даже в обморок свалилась. Подумаешь, обнаглевший аниука позарился на гелеоров сапог. Пришлось потолковать с «озорником», а потом приводить девицу в чувство. Очнувшаяся блондинка дрожала, глядя на мертвого монстрика, и всхлипывала на грани слышимости.

Нет, так дело не пойдет!

— Послушай, моя говорливая, хочешь спокойной жизни — вали. Попробуй стать не кучей слабой плоти, а чем-то стоящим. У твоих предков конечностей было не больше, чем у тебя — и они умудрились построить цивилизацию. Так что настройся на волну эволюции и выживай. Счастливо, крошка!

Гелеор, ухмыляясь, глядел на уходящую девушку. Вряд ли она понимала, куда шагает, но провожать ее — время попусту терять. Зато местное зверье не сдохнет без пищи.

Оставшись в одиночестве, монстрой заметно повеселел. Жизнь продолжалась, обещая всем солнце над головой и землю под ногами. Главное — не унывать и вовремя приходить на работу.

Вот только плащ... Он был все тем же университетским флагом. И служил прекрасным одеялом. Но навевал странные сны и обволакивал едва уловимым тревожащим ароматом.

Сигнал из Крепости взбудрил и вернул хорошее настроение. Давно пора повеселиться. Да и клинок заскучал без дела...

Предвкушая знатную драку, охотник погнался впрогору. Забавно ехать уничтожать одного монстра верхом на другом. Но быстроногая тварь с топографией не дружила, всадника явно недолюбливала и сделала все, чтобы он опоздал.

Волшебница не ждала конкурента и «развлеклась» самостоятельно. А Гелеору досталось созерцание убиенного чудовища. И послание.

«Спасибо тебе за цветок. Он — чудесный».

Сердце пропустило удар. Что же это такое? Когда-то он дарил девушка дорогие подарки, но не слышал никаких «спасибо». А эта сумасшедшая благодарит за жалкое растение, найденное в болоте. Может, Эртис — уродина, не мечтающая о мужском внимании? А что? Тетка — колдунья, правда, в отличие от вединн общается с монстрами. Дамочки такой профессии, как помнил Гелеор, вовсе не красавицы... Но надо будет посмотреть... Потом.

Обязательно...

И еще что-нибудь подарить ей. Столь же бесполезное. Пусть порадуетса...

Они не встречались. Так было правильно. Двое охотников на одной земле — в лучшем случае к разделу территории. Если, конечно, поединок окончится вничью. Но чаще всего оставался один из двух. Тот, кто сильнее. Или хитрее.

По негласному соглашению Гелеор и Эртис являлись на вызовы по очереди. Чуть позже «отдыхающий» навещался к месту события — проверить результат (на вся-

кий случай) и «получить» записку... Бывало — не только записку. Иногда монстройбой оставлял «милые безделушки», а волшебница — лечебные зелья.

Нередко охотник задавался вопросом: что приятнее — читать послания или писать? Самое лучшее — отдохнуть после задания и полюбоваться выполненной работой.

Можно даже гордиться собой, если убитая тварь обдала внушительными размерами. Можно обойти вокруг, пнуть труп, порадоваться благополучному исходу. Заглянуть в застывшие глаза... увидеть себя. Целиком. И купол Вселенной, и холодные звезды. И бесконечность. Отражение безжизненного в мертвом. Очень поэтично. Зеркало для монстройбой.

Глядя на свое отражение, Гелеор задумался о том, сколько лет прошло со студенческой поры. Считать годы — дурость. Он все еще чувствовал себя молодым. Врожденное обаяние хватало, чтобы деревенские милашки одаривали его лаской, а чудовища мечтали побыстрее умереть. Но мальчишеский возраст давно миновал, густая черная шевелюра слегка засеребрилась на висках. Раньше такие вещи не волновали. А теперь разум смущают воспоминания...

Было время — девушки шептали всякие глупости. Ему, Гелеору. Без страха отвечали на улыбку. Гладили. Нежно...

Что такое нежность? Почти утерянное понятие. Без реальных вещей слова теряют смысл. Он представил Эртис. Ее руки. Теплые. Ласковые...

Ну да, размечтался!

Харрр. Ведьма со стальными пальцами — такая приласкает. Безопаснее просить монстра погладить тебя по голове. А что? Ну, придется потом искать парикмахера, способного быстро пришить скальп. Зато нежности хватит до конца дней...

* * *

Эртис придирчиво разлядывала платье. Не первую весну, обновляя наряд, она подбирала ткань в тон сверкающим камням чаора. Но зеленый цвет безумно надоел. Хотелось чего-то воздушного, весеннего. Сириенового. Лилового. Или пурпурного с кремовым. И вышивка по рукавам и подолу... Йохху небесный! Это должно быть красиво!.. Интересно, Гелеору понравилось бы? Впрочем, неважно. Ему наверняка хватает девушек...

Отражение в воде чуть дернулось, как от болезненной мысли. Эртис тронула шрам на щеке, вздохнула. Почему можно лечить других, а себя — нет? Без рубцов и порезов ее назвали бы красивой. Может быть. На воспитанниц Крепости не смотрят, как на женщин. Так что волшебницам думать о нарядах ни к чему. Грезы и мечтания — непозволительная роскошь. Увы.

Нужно выполнять свои обязанности.

Лето выдалось тревожное, работы хватало обоим. Но всякий раз Эртис боялась вместо очередного послания найти неподвижного Гелеора. И радовалась очередной весточке.

... Два овра. Надпись, вырезанная на животе трупа — того, что поцелее: «А ты любишь баллады?»

...Аниука, припиленный к дереву. На шее — котомочка с целебной мазью и пергамент. «Терпеть не могу. С

детства питаю отвращение к устному творчеству. Зато рисунки и поделки мне по вкусу».

...Крылышки, привязанные к пеньку и украшенные колокольчиками. Вокруг витиеватый узорчик из пальцев и глаз гарпий. «А я люблю баранину с луком. Умеешь такое готовить?»

«Нет. Зато я варю отличную грибную похлебку. И мне нравится все необычное. Вот, недавно была в Корабисе — красивый город. Необыкновенный».

«Городами не интересуюсь. Насмотрелся. А у тебя есть кто-нибудь?»

«Нет. Одной выживать проще».

«Странно. С такой мордашкой и фигуркой — одна? Интересно, чем ты мужиков отпугиваешь?»

«Тем же, чем ты женщин — перспективой. Кстати, откуда ты знаешь, как я выгляжу?»

«Подкараулил тебя. Хотел посмотреть, как ты работаешь. Красиво. Я до сих пор под впечатлением».

«Больше так не делай...»

«Постараюсь. Но боюсь, не получится». Эртис растерянно перечитывала записку, не зная, радоваться или сердиться. Как это понимать? Она ему понравилась или здесь намеки на что-то другое?

Встревоженная, бродила волшебница по лесу до темноты и уговаривала сердце успокоиться. И ругала себя, что увлеклась, как маленькая девчонка. Разум должен быть чистым, нельзя отдаваться мечтаньям при такой работе. Но с каждым днем все чаще думала о Гелеоре.

Когда пришла очередь откликаться на вызов вединны, охотница быстро справилась с заказом. А после долго стояла над мертвым чудищем, не зная, что написать. Так и ушла — не придумав ничего.

...Третье послание осталось безответным. Эртис перестала принимать его подарки и не приходила, если «работа» выпадала Гелеору. Неужели обиделась? На что? Без нескольких слов, написанных рукой волшебницы, жизнь казалась неполноценной. При мысли о ней монстройбой хотелось немедленно выкинуть оружие и души тварей голыми руками. К демонам кровь — пусть повсюду вырастут цветы. Они так чудесно смотрятся на могилках! Получив огонек из Крепости, Гелеор загнал коня, чтобы успеть. Да, нынче была не его очередь, но как подстеречь охотницу? Только возле жертвы...

Лес шумел буднично, беспечно. Не метались взволнованные звери, не гомонили перепуганные птицы. Может, Эртис ошиблась? Или вединны указали неправильное место? Но так не бывает!

Осторожно ступая по траве, волшебница почувствовала: за деревьями ждет не чудовище, а Гелеор. Сколько времени он простоял неподвижно, спрятавшись за стволом дуба? «Спи», — приказала она, посылая вперед силу. И только потом сделала следующий шаг. «Эртис, почему ты молчишь?», — вопрошала мелко изрубленная двуглавая саламандра, рассыпанная по земле. Пройдя еще немного, женщина остановилась перед уснувшим охотником. И смотрела, надеясь запомнить. Даже во сне Гелеор улыбался. Огромный усталый воин, закутанный в плащ-знамя. Маленький ребенок, заблудившийся в жизни... «Просыпайся!», — приказала Эртис, исчезая. Но, оставаясь

незримой, еще долго слушала, как он, глядя на пламенеющую в воздухе слова: «Почему ты ходишь за мной?», проваливает себя за то, что проспал.

Она старалась забыть эту встречу. И две ночи задыхалась, не в силах успокоить сердце. Как он заманил ее в ловушку? Как посмел?

Куда бы она ни отправилась, он шел за ней.

В мыслях и в реальности.

Догонял.

Отставал.

Терял след, и снова настигал.

Безумная улыбка Гелеора приобрела мечтательный оттенок.

Он потерял интерес ко всему, кроме Эртис. Он убивал повернувшихся монстров, не чувствуя вкуса победы. А иногда забывал получить награду.

Похоже, на крошечной площади собрались все обитатели поселения. Даже вороны и собаки толклись тут, выдирая друг у друга куски мяса... Склочная натура — чего ссориться-то, вон трупов какая куча — синие бородавчатые, зеленые с рогами, красномордые, чернокрылые... И у каждого испорота грудина.

Старичок в драной телогрейке, сплевывая под ноги, прошаркал мимо.

— ...Поди ж ты, какая мерзость в наших лесах водится... — донес ветер обрывок фразы.

Но люди не смотрели на истерзанные тела нечисти. Не двигаясь почти, столпились у высоченной ограды не то местного «храма», не то жилища богача. Грязная девка при виде Эртис истошно заголосила, заламывая руки, и толпа поспешно разбежалась... А волшебница смогла рассмотреть то, что было адресовано ей и только ей.

Огромное сердце.

Выложенное маленькими сердечками. Уже не живыми, но еще теплыми. Прибитыми к забору железными штырями. И каждый «гвоздик» украшала розовая лента. Йоху небесный!.

Эртис тронула нежную ткань. Мир завертелся сладким дурманящим волчком, качнул женщину на волне восторга.

А шелк сверкал, подобно его улыбке:

«Потому что ЛЮБЛЮ!»

Подхватив розовое чудо, забывая дышать и захлебываясь слезами радости, она взлетела. Быстрее! Ввысь. К облакам... окунуться в бирюзу... поверить, что все наяву.

«Гелеор, Гелеор... Я же сойду с ума...

Сошла...»

Эртис плакала и смеялась, купаясь в облаках и прижимая к груди ленточку с волшебными словами. И ласке ветра радовалась, будто касания любимого. А когда солнце иссушало слезы на ее щеках, ей казалось: это Он слизывает соленую влагу, робко целуя кожу, шрамы и свежие раны...

Чудо могло продолжаться бесконечно.

Но монстрам не было никакого дела до чьих-то чувств...

Внизу лежала пересеченная глубокой бороздой роща. Такие следы оставляет только виверн. Эртис пролетела

над лугом и безутешным пастухом, оплакивающим свое стадо. А впереди — деревня... и десятки беззащитных людей. Волшебница бросилась за гадиной, не дожидаясь огонька вединн. Нужно успеть до того, как случится непоправимое.

Главное — написать ответ Гелеору.

Признаться... Просить о встрече.

Увидеть.

Услышать голос.

Попробовать стать любимой.

Счастливой...

...Следы вели в сторону холмов. И хорошо — чем дальше от людского жилья, тем лучше. Брюхо нажравшейся твари раздулось и крыльям не хватало силы, чтобы поднять здоровенное тело. Почуввав охотницу, виверн оглянулся и выдохнул струйку пламени.

Эртис опустилась на землю. Но глядела не на огнедышащую громадину, а на застывшую в тени чудовища фигуру. Знакомый плащ и незнакомая улыбка.

Гелеор тоже не смотрел на монстра.

Шаг, и еще шаг. И бег — почти полет...

И можно взглянуть друг другу в глаза, услышать дыхание. Прикоснуться. Поверить.

Забывать обо всем... О солнце, о траве, о сбежавшем виверне.

Шептать имя, ставшее таким родным.

И любить.

Бесконечно...

— Баба, а дальше?

— Дальше?... Мы поняли, что всех монстров никогда не уничтожить. Они будут плодиться, и дети продолжают дела родителей. Проще разделить наши миры. Пусть они убивают друг друга, если хотят. А мы ушли. Увы, нелегко было собрать всех, убедить, переселить... Не все согласились покинуть родные места — вампиры и оборотни остались. Но большинство понимало, что так будет лучше. И теперь мы здесь, а чудовища — там...

— А почему ты не съела тех двоих?

— Я не была голодна. А убивать без причины нельзя, иначе и самим недолго превратиться в чудовищ...

— Но ба! Это же не без «причины»! Это защита — они бы тебя изрубили в куски, как других! А ты их пожалела. Зачем?

Бабушка повела крыльями, выпустила тонкую струйку дыма и закрыла глаза, отдавшись воспоминаниям. Она снова была юной и полной сил, стояла у подножия холмов и смотрела на обнявшихся монстров. Их можно было прикончить разом — один удар лапой, и все: у чудовищ охотников хрупкие позвоночники... Но она не сумела. Просто уничтожить того, кто ненавидит, но как убивать любовь? А если монстры способны испытывать настоящие чувства, дарить нежность и ласку, может, для них не все потеряно?..

И как объяснить это ребенку?

— Видишь ли, внученька... Наверное, тогда твоя баба глупая была. Сентиментальная. Ты лучше спи, хорошая моя, завтра я расскажу тебе другую сказку. Счастливой...

Олег КЛИШИН

Клишин Олег Николаевич родился в 1960 году в Омске. Окончил Сибирский автомобильно- дорожный институт. В настоящее время работает в пенитенциарной системе. Подполковник внутренней службы. Печатался в журналах «Арион», «Звезда», «Сибирские огни». Автор книги стихов «Выход». Живёт в Омске.

* * *

Два облака сливаются в одно.
Клубятся белоснежные границы.
Лебяжьим пухом на глазное дно,
хранящее хрустальную зеницу,
уходит день, забыв на берегу
ресничном света радужные нити.
На поднебесном тающем снегу,
не ожидая будущих открытий,
вот-вот сомкнутся веки и века.
И ты уйдёшь, не приходя в сознание,
когда освобождённая строка
уже приобрела своё дыханье.

* * *

Мастерская инстинкта. Маршрут «от и до».
Механизм заведён, но остались вопросы.
На большую дорогу, покинув гнездо,
вылетают гуськом плотоядные осы.

Словно пуля отлитая, жук-плавунец
канул грузилом гладким в болотную воду —
в головастую жертву. Съезжает венец
на затылок — в попытках постигнуть природу

ежедневных вещей. Вечный лов на живца.
Хищномордая рыба по злому велению
жадно кружит. Улиткой линия с лица,
мысль бессильно равна своему отражению.

Крестовидный прицел среди чуткого сна.
В светосильной сети в навесной круговерти
бьется жалобный звон. Изумляет весна
изумрудным зрачком на безжизненной жерди.

По-пластунски ползёт (а ведь мог бы взлететь)
насекомый сизиф, не страшась камнепада,
шар вращает земной. Жесткокрылая медь
полыхает в просветах заглохшего сада.

* * *

Из хрустящего выпив стаканчика,
приподнявшись на винных парах,
грусть моя, как судьба барабанчика,
прописалась в окрестных дворах.
Глядя в душу глазами впалыми
с нехорошим внутри огоньком,
осень листьями жёлтыми, алыми
крутит, вертит в саду городском.
Сколько их. на обочину брошенных,

в суматошном несётся кругу! —
меж асфальта зерном и подошвами
превращаясь по ходу в труху.
Только пепел сырой, цвета беличьей
зимней шубки, на месте костра
остаётся. «Пушнина» по мелочи
промышлять начинают с утра,
за чекушки палёные, соточки,
за горючую меру вещей
опускаясь привычно на корточки,
и вообще,
и вообще...

Экологическое

Душа глуха, когда полутонов
не знает голос, доходя до крика —
децидильный первобытный зов
под музыку, грохочущую дико.
Плюс матерок из подростковых уст,
лихим летящий хуком прямо в ухо.
Уже давно не оскорбляет чувств
общественному слуху оплеуха.

Бессонница. Всё те же голоса.
Окно плотней — не зажигая света,
прикроешь. Не даёт сомкнуть глаза
полночная пальба мотоциклета.
Смертельный выстрел — выхлоп CO²—
непоправимый приговор природе.
Не слышно птиц, не шелестит листва,
бессильно глохнут, не живут слова...
Для их дыханья воздух непригоден.

Полустанок

Откос отчуждения. Ветер,
пропитанный запахом шпал.
Места существуют на свете
с названием «Куда я попал?».
Гремит потревоженный гравий.
Избушка, за ней огород
с подсолнухом в жёлтой оправе.
Кто-кто в теремочке живёт?
Молчанье. В местах этих, к слову,
легко потерять счёт годам.
Гусей завести и корову.
отмашку давать поездам.
Душа здесь остаться готова,
отбросить скопившийся хлам,
клокочущим горлом немного
стремясь к несказанным словам.

Николай ЗАЙЦЕВ

Подарок для Сталина

В далеком Аравийском море, на глубине трех километров, глубже, чем «Титаник», покоится один из загадочнейших пароходов второй мировой войны — транспорт «Джон Берри».

«Джон Берри» был одним из сотен кораблей типа «Либерти», созданных американцами для транспортировки военных грузов в Европу, где разворачивались ожесточенные сражения второй мировой войны. Секции «Либерти» изготавливались на разных заводах США и по железной дороге доставлялись на верфи, где из них собирали суда, соединяя секции сваркой. В Сан-Франциско было десять стапелей, и одно судно «Либерти» собирали за десять дней. В результате каждый день сходило на воду новое судно, с такой же быстротой достраивавшееся на плаву. «Судно на один рейс», — расхожее высказывание многих журналистов.

Серьезным недостатком «Либерти» была малая прочность конструкции. Иногда суда не выдерживали нагрузку при шторме и разваливались по самому напряженному сварному шву в центре корпуса. Если оказывались целыми переборки, половинки разложившихся пароходов не тонули. Их буксировали в ближайший порт, сварили, и судно продолжало рейс.

Единственное, что выделяло «Джона Берри» из ряда ему подобных транспортов, — это груз, который он должен был доставить в Россию. Лишь немногим было известно: в трюмах корабля находился подарок американского правительства Сталину — две тысячи тонн серебряных слитков. В сегодняшних ценах их стоимость равна 200 миллионам фунтов стерлингов. Это был секретный безвозвратный кредит, доставка которого в СССР была санкционирована президентом Рузвельтом и подтверждена после его смерти президентом Трумэн.

Ныне известно, что ценный груз был принят на борт 4 июля 1944 года на причале № 39 на реке Гудзон. Погрузка велась в обстановке величайшей секретности под бдительной охраной сотрудников ФБР. Слитки серебра разместили в четырех трюмах. Спустя несколько дней «Джон Берри» принял на борт «официальный» груз — 750 ящиков с тремя миллионами реалов (арабские серебряные монеты) для Саудовской Аравии, где американские нефтяники уже тогда вели переговоры о правах на послевоенную добычу нефти.

19 июля корабль взял курс на Норфолк, штат Вирджиния, где присоединился к каравану судов, шедших в Египет через Гибралтарский пролив и Средиземное море. 19 августа караван достиг Порт-Саида. Далее «Джон Берри» шел один через Суэцкий канал в Аден, куда и прибыл 26 августа. В тот же день судно взяло курс на Абадан. Оттуда серебро планировалось доставить в Россию грузовиками через весь Ближний Восток и Афганистан.

Этот кружной маршрут был единственной и надежной трассой, позволявшей избежать встречи с немцами или японцами.

28 августа 1944 года судно шло противолодочным зигзагообразным курсом в 127 милях от побережья Омана на предельной скорости в 12 узлов, с погашенными огнями и молчащим радио. Но капитан Дж. Эллервалд не знал, что за его транспортом уже наблюдают с обнаружившей его немецкой подводной лодки.

В 10 часов вечера немецкая субмарина U-859 выпустила первую торпеду, поразившую транспорт в правый борт. В пробоину хлынула вода, и Эллервалд приказал команде покинуть судно, заглушив двигатели.

Выждав 30 минут, пока 44 члена команды и 27 американских морских пехотинцев перебрались в четыре шлюпки и четыре спасательных плота, фашистский подводник Эбсен выпустил вторую торпеду, расколовшую надвое кормовую часть корабля.

«Джон Берри» затонул очень быстро. Два моряка из экипажа погибли, остальных подобрала голландский танкер и американский сухогруз...

Почему же миссию «Джона Берри» окружала такая секретность?

Президент Рузвельт искренне желал поддержать СССР в их борьбе с фашистами. Однако он не хотел афишировать это перед теми американцами, которые боялись коммунистической угрозы. По утверждению исследователя Дж. Бизанта, на Тегеранской конференции в 1943 году Рузвельт вел секретные переговоры со Сталиным и рассчитывал на то, что секретная материальная помощь даст ему хоть какую-то возможность воздействовать на советского лидера и умерить его территориальные притязания к послевоенной Европе.

Английский историк Дж. Чармли полагает, что столь щедрый дар был средством пересмотра отношений между президентом США, премьером Великобритании Черчиллем и Сталиным в пользу России. Чармли утверждает: «Джон Берри» ставит под сомнение всю концепцию историков времен «холодной войны», будто только Великобритания могла гордиться особым отношением к ней США. «Ныне мы располагаем свидетельствами, что Рузвельт думал об особых отношениях США не с Англией, а с СССР. Черчилль так и не сумел осознать это обстоятельство, а вместе с ним не сумели сделать это британские историки. Рузвельт хотел задобрить Сталина, а что могло способствовать этому успешнее, чем серебро?» — пишет Чармли.

В разгар «холодной войны» тема лэндлиза долгие годы оставалась в насильственном забвении как в США, так и в СССР. Правительство США не желало, чтобы американские граждане знали истинные размеры помощи

бывшим союзникам, которые на долгие годы стали наиболее вероятными противниками. И Вашингтон по сей день не отрицает, но и не подтверждает отправку серебряных слитков.

Проект подъема груза «Джона Берри» появился тогда, когда Дж. Фьонделла, владелец ресторана в Калифорнии, услышал об этой истории от капитана Б. Шумейкера, американского морского летчика, эксперта по извлечению из морских глубин потерпевших аварию самолетов.

Им удалось выкупить у правительства США права на затонувшее судно. Американские власти, всегда препятствовавшие поисковым работам на месте гибели «Джона Берри», видимо, решили, что подъем корабля с таких глубин попросту невозможен. Не сумев собрать необходимых средств для подводных работ, Шумейкер и Фьонделла продали права «Консорциуму океанских исследований», возглавляемому шейхом Ахмадом Фаридом, представителем йеменской королевской фамилии. В качестве эксперта шейх пригласил бывшего офицера британских ВМС Р. Хадсона, который изобрел океанический грузоподъемник, установленный на исследовательском судне «Флекс ЛД». К нему присоединились двое англичан — бывший майор спецслужбы британских королевских ВВС Д. Симмонс и эксперт-спасатель К. Джессон.

Кладоискателями были известны координаты «Джона Берри» на момент пуска первой торпеды с немецкой субмарины. С помощью гидролокатора они обнаружили затонувший корабль. Затем на морское дно был опущен 50-тонный гидравлический захват, снабженный дистанционным управлением и видеокамерами. Своими стальными клыками он вспорол обшивку судна и углубился в один из трюмов... В один прекрасный день удача, казалось, улыбнулась кладоискателям: подъемник выложил на палубу поднятый со дна груз серебряных монет.

Но, увы, это было не серебро для Иосифа Сталина, а всего лишь монеты для саудовцев. Было поднято около половины затонувших монет, по предварительной оценке, стоимостью в два миллиона фунтов стерлингов. Главная же добыча — слитки серебра — пока что ускользнула от кладоискателей.

Кладоискательство подобно тяжелой хронической болезни, и очевидно, что «Консорциум океанических исследований» не остановится на достигнутом. Подъемник, похоже, проник не в тот трюм, и сокровища по-прежнему находятся в дразнящей близости. Потратив на подводные работы семь миллионов стерлингов, шейх Ахмад разрабатывает план второй попытки подъема сталинского серебра.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

Кисляковский В. В. «Тренажер». 1986 г., карт., масло. Из фондов ЕХУ им. И.Д. Шадра.

Рубрику ведёт Маша Раскольникова

Александра ЕВСТИГНЕЕВА, 15 лет

Немного о велотуризме

На Урале велоспорт начал зарождаться в конце 70-х годов. В течение 10 лет катание на велосипедах стало для некоторых не только хобби, но и профессией. На первый взгляд может показаться, что всё это не так уж и сложно — крути педали да ездай, но для настоящих мастеров каждый бугорок и поворот — целая головоломка.

Одним из таких профессионалов является Григорьев Александр Иванович. Говоря о нём, нельзя не упомянуть, что этот спортсмен-самоучка — десятикратный чемпион России, который проездил все бывшие советские республики: побывал в Молдавии, Прибалтике, на Памире, на Карпатах, на Эльбрусе, участвовал в 25 поездках за рубеж.

Именно он с 1998 года руководит юношеской секцией велотуризма на Межшкольном стадионе (МОУ ДОД) в Екатеринбурге. Этот клуб посещает около 50 человек. Самой юной ученице семь лет, а самому старшему минуло восемнадцать.

Часто молодёжь путешествует по Екатеринбургу, но есть и такие поездки, которые планируются около 3-4

месяцев — за рубеж. Об одном таком путешествии, по маршруту от Екатеринбурга до Праги, я расскажу по-подробнее.

В этой поездке принимали участие 6 человек. Руководитель, его заместитель и молодые спортсмены: механик, завхоз, фотограф и медик, возраст которых не превышал 17 лет. Протяженность маршрута — 6046 км., из которых 5000 — по железным дорогам. После Бреста в силу вступает велосипед. Вроцлав — Легница — Болислаец — Згожеlec — Шенявка — Храдек — Либерец — Ештед — Млада Болеслава — Прага — вот такая нитка маршрута была заявлена уральцами. Пройденный маршрут относится к маршрутам 4 категории сложности (отнюдь не из лёгких), но они преодолели такой путь с необыкновенной лёгкостью и мастерством. Как рассказывает единственная девушка этой поездки — Маша Механюшина, которая выполняла роль медика, сложность для неё была в общении с противоположным полом и в тяжести рюкзака. А для юношей трудностей не было, кроме как при общении с народом Чехии.

Возрастных ограничений в велотуризме не бывает. Но в маршрутах, лежащих через улицы населённых пунктов России,

мила, осталось научить поддержанию формы зимой и летом. Зимой тренироваться — очень сложно и где-то скучно. Если летом можно проявить инициативу, выбрать крутой склон, то зимой, кроме маленькой трассы на улице и специально оборудованного подвального, ничто не способствует приятной разминке.

Я присутствовала на одной из таких зимних тренировок. Первая часть разминки была на улице. На стадионе специально отведён для этого склон, на который то забирались, то съезжали юные спортсмены. Вторая часть тренировки проходила в подвале школы №154, в нём всё сделано Александром Ивановичем — мастером на все руки. Кегли, ворота, кольца, качели сможет смастерить руководитель, ну, а починить велосипед, подкачать колесо, смазать цепь — тем более не проблема.

Я решила погрузиться в мир спорта, прочувствовать атмосферу падений и фантастических прыжков, поэтому попросила предоставить мне возможность преодолеть хоть какую-нибудь несложную преграду.

Разгоняясь до «скорости улицы», я действительно почувствовала все эти ощущения, прожила несколько минут жизни велоспортсменов. Но тогда меня не предупредили, что тормоз находится не рядом с педалями, а в правой части руля. Конечно, в тот момент мне было неважно, где расположился тормоз и как дальше про-

должить общение с участниками — я нажимала все сцепления и в самую последнюю секунду нашла его, но с того раза пропало всякое желание садиться на такой велосипед. Всё-таки оказалось, что вот так, запросто, сесть и поехать — не получится. Чтобы получилось красиво и непринуждённо, как у профессионалов, нужны долгие и упорные тренировки. Впрочем, как и в любом деле!

принимать участие детям до 14 лет строго запрещается. Кроме такого вида ограничений, существуют и другие правила. Во-первых, запрещается ездить по городу без защитных средств (наколенники, налокотники, шлем), во-вторых, перед каждой поездкой следует обязательно проверять исправность велосипеда (тормоза, педали), в-третьих, не нарушать правила дорожного движения, и, наконец, не садиться за велосипед в нетрезвом состоянии (что бывает очень редко).

С правилами уличного движения я вас познако-

Фотографии предоставлены автором.

Михаил ПЕТРОВ

Михаил Петров, екатеринбургский краевед и литератор, автор нескольких книжек и многих публикаций в нашем журнале: «Пугачев на уральских заводах» (1992 № 5 - 6), «Голубые дороги завода» (1997, № 7), «Колокольня Фаддея Малькова» (1999 № 1), «Судно на Серге» (2003, № 2) и др.

Часы уральских мастеров

Просматривая «Екатеринбургскую неделю» за первую половину 1893 года, обратил внимание на заголовок: «Первая Уральская фабрика часов». Вот что сообщалось в заметке:

«Еще в 1888 году мы говорили о намерении г. Анцелевича открыть в Екатеринбурге фабрику для приготовления стальных часов, начиная от самого дешевого и кончая высокими сортами этого рода изделий. Предположение это теперь осуществлено — фабрика на полном ходу.

Мы имели случай, любезно предоставленный нам г. Анцелевичем, осмотреть подробно производство всех составных частей часового механизма, начиная от штамповки колес и кончая самой тонкой отделкой их, а также осей и шестерен. Все работы производятся машинами, на приобретение которых затрачена довольно солидная сумма...»

«Фабрика пока еще в своем зачатке, — сообщалось далее, — и рабочих в ней восемь человек, работающих под руководством самого владельца, основательно изучившего дело за границей. Но в недалеком будущем г. Анцелевич намерен значительно увеличить производство и устроить паровую фабрику, которая даст хороший заработок бедному люду...»

Через полгода также «Екатеринбургская неделя» сообщила, что «...в настоящее время все части часового механизма, равно как цепи, циферблаты, изготавливаются на месте, а не привозятся из-за границы, и притом весьма тщательно и хорошо. Фабрика значительно увеличена как количеством механических приспособлений, так и численностью рабочих...»

Вскоре в отделе рекламы появилось сообщение: «В магазине часов А.В. Анцелевича в Екатеринбурге имеется громадный выбор часов: стальных и карманных лучших фабрик с ручательством за верность хода, начиная с самых дешевых. Стальные часы собственной фабрики с верным ходом, с боем и без боя, качеством и ценою вне всякой конкуренции».

Там же приводится адрес магазина: Главный проспект, дом Ижболдина. Этот дом, принадлежавший купцу Д.Г. Ижболдину, имел в те годы три этажа; достроенный в наше время до пяти этажей, он существует и

поныне под тем же номером — 24/8 (угол ул. Вайнера и пр. Ленина).

Анцель Вульфович Анцелевич, сморганский (г. Сморганск, ныне Белоруссия) мещанин, осевший в Екатеринбурге в 80-е годы XIX века, был приказчиком в магазине по продаже часов И.И. Роговина, затем, как видим, решил обзавестись собственным делом. Его завод по производству часов находился на ул. Пушкинской в доме самого предпринимателя.

А выпускались ли в Екатеринбурге часы до Анцелевича? Такого производства налажено не было, но мастеровой народ нашего города не чуждался и этого ремесла.

По данным Государственного архива Свердловской области (ГАСО), в 1726 году на Каменском заводе были изготовлены часы для шатра колокольни деревянного храма екатеринбургской церкви. Однако эти часы вскоре вышли из строя. Тогда в 1728 году екатеринбургские кузнецы Тимофей Никонов и Андрей Лещуков сделали часы с боем.

На этом не закончилось часовое дело уральских мастеров. Газета «Уральский рабочий» в 1953 году писала: «В Свердловском областном краеведческом музее хранятся старинные стальные часы в высоком прямоугольном деревянном футляре. На медном циферблате выгравирована надпись: «Екатеринбург, 1839 г.». По материалам ГАСО удалось установить, что эти часы сделаны Алексеем Герасимовичем Морозовым, слесарем Екатеринбургского монетного двора.

Часовых дел мастеров на Урале было немало. В начале XVIII века на Невьянской башне неизвестным мастером были установлены куранты «с валом и механизмом для разыгрывания разных пьес», которые действовали еще в 1858 году.

Первым часовым мастером, находившимся «у вождения часов» на Екатеринбургском заводе (1735-1753), был сын крестьянина Василий Свешников. Его учеником, помощником и последователем стал «мастерский сын» Антон Воронин. В 1741 году они устроили стальные часы для Алапаевской заводской конторы.

Часовым ремеслом занимался также екатеринбургский «цеховой» Егор Монин.

В Нижнем Тагиле русский умелец Егор Кузнецов сделал астрономические часы.

В XIX веке в Екатеринбурге было построено двухэтажное каменное здание Главного управления екатеринбургских заводов «с каланчёю для отбития часов». В эти годы часовщиком монетного двора был А. Чадов.

Часы оригинальных конструкций были изготовлены несколькими уральскими умельцами: красноуфимским механиком М.Чистяковым, нижнетагильским мастером И.Козопасовым, соликамским кустарем Ф.Дубновым, верх-исетским часовщиком П.Поповым.

В 1954 году в Свердловске над горсоветом возвели башню со шпилем и с часами. Горожане часы называют курантами. Это не совсем так. Куранты — это часы с боем, наподобие кремлевских в Москве. В нашем же случае на башне нынешней мэрии установлено два часовых механизма. Один — крупных размеров, показывает время, второй — поменьше, играет мелодию, то есть является курантами. Друг с другом они соединены передаточным механизмом.

Говорят, что образец часового механизма (для крупных часов) привез в наш город из Германии маршал Г.К. Жуков. Местные мастера сделали по его образцу свои часы.

Часы-куранты, играющие мелодию, изготовлены в учебно-производственных мастерских Московского автомеханического института.

Четыре трехметровых циферблата, по которым двигаются стрелки, смастерили рабочие Свердловского завода коммунального машиностроения.

Три года тому назад часы ремонтировали, заменили анкерные колеса, втулки на всех осях и поставили новый трос, на котором подвешена гирия. Все эти работы выполнил Уральский электромеханический завод.

Так что не оскудели таланты часовых дел мастеров на Урале.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

Снова по стеклу побежали озорные капельки дождя. Это значит, что пришло время больших перемен. Дождь смывает глупые чёрные мысли, неприятные ощущения и плохое настроение. Кажется, что природа очищается, и ты очищаешься вместе с ней. На улице прохладно и влажно, а в редакции тепло и уютно. За разговорами и обсуждением произведений авторов неспешно протекает день. Коллектив дружно пьёт чай и размышляет над тем, чем бы

порадовать читателя. Дождь даёт редкий шанс побыть всем вместе, потому что никому не хочется выходить на мокрую улицу. А когда закончится этот рабочий день и придёт время отправляться домой, я наверно, сниму надоевшие кроссовки и пойду по лужам босиком. И пусть вода на асфальте ещё не по-летнему тёплая, но она уже весенняя, и одно только осознание этого придаст мне бодрости и ощущений ни с чем не сравнимого детского восторга!!! Приятно почувствовать себя ребёнком. Приятно смотреть на эту весну, как на первую в своей ещё такой длинной жизни. И никакого волшебства здесь нет. Просто попробуйте снять кроссовки!!!

*Маша Раскольникова,
заместитель редактора раздела
«Встречный ветер».*

Евгений АНТОНОВ

АНТОН-ПЕРВЫЙ,
АНТОН-ВТОРОЙ

Цыпленок сидел в полутемном купе общего вагона и думал о своем. Только немного не о том, о чем думал бы другой, сидя на его месте. Ну, например, другой бы думал о прелестях предстоящего похода. Или о том, как хорошо, когда наступают, наконец-то, долгожданные каникулы. Или о том, как хорошо иметь такого брата, как Антон, который... в общем, самый лучший. Цыпленок же думал о своей несчастной любви.

Так уж получилось, что как раз накануне поездки, за день до начала каникул, у него произошел пренеприятнейший разговор с девочкой, в которую он неожиданно и очень сильно влюбился. Разговор, после которого, казалось бы, не стоит и вовсе жить, не то что ехать куда-то там. Но, с другой стороны, отказаться от поездки — означало бы расстроить и ужасно обидеть Антона, который сделал все, чтобы Цыпленок смог отправиться с ним в этот поход.

А братом своим Цыпленок гордился, ведь тот был известным туристом и путешественником, имел разряды по многим видам спорта и даже успел побывать где-то за границей, хоть и был старше Цыпленка всего на пять лет.

И вот он трясся в вагоне пригородного поезда, идущего в сторону районного центра, где необходимо было сделать пересадку, и, тяжело вздыхая, думал о постигшем его несчастье. Его дорожная сумка была почти пуста: брат сказал по телефону, что обеспечит его всем, чем нужно. Одет он был по-спортивно-му; даже в настоящие горные ботинки на толстой рифленной подошве, купленные совсем недавно, специально по этому случаю, в поселковом магазине «Спорттовары». Они тоже могли бы стать предметом гордости Цыпленка, если бы не цвет: они были светло-коричневые, почти желтые. Вообще-то он любил желтый цвет, часто носил в детстве желтые футболки и кепки, за что и был прозван Цыпленком, но цвет этот решительно не подходил к горным ботинкам и абсолютно не сочетался с остальной его экипировкой. Да что уж тут поделаешь: других в магазине не было, а желание иметь такие ботинки было непреодолимым.

Дорога сама по себе его не сильно беспокоила: стоило лишь пересечь на скорый поезд, билет на который был куплен заранее, получить у проводников белье и завалиться спать. В восемь утра — уже на месте. Цыпленок больше боялся за то, что ему будет трудно отыскать брата в большом и почти незнакомом ему городе, если тот не встретит его на вокзале.

Брат ждал его у самых дверей выхода в город, к которым

Цыпленок неизбежно вышел, немного покрутившись по многолюдному залу ожидания и поглазев на стайку броско одетых девушек, о чем-то щебечущих у телефона-автомата. Одна из них показалась Цыпленку просто красивой, и если бы не вызывающий макияж, была бы весьма похожа на... У Цыпленка аж перехватило дыхание и он вынужден был на мгновение прислониться к стойке газетного киоска, чтобы перевести дух. Бывают же люди, настолько похожие друг на друга! А может, ему просто так показалось, и Ее образ будет теперь преследовать повсюду?

До студенческого общежития, в котором Антон обитал, они добрались довольно быстро.

По дороге он немного расспросил Цыпленка о доме, о родных. Больше по привычке.

«Значит, так, выезжаем завтра. Сегодня нужно кое-что еще успеть сделать, найти тебе рюкзак со спальником и закупить продуктов», — инструктировал он Цыпленка на ходу, когда они подходили к общежитию.

В общежитии этом Цыпленок уже бывал, когда они с матерью приезжали навестить брата, учившегося еще на первом курсе. Но тогда он жил в другой комнате, этажом выше, вместе с тремя своими однокурсниками.

Нынешняя его комната не отличалась размерами от той, которую Цыпленок помнил, но была обставлена совсем по-другому и проживающих в ней было на одного меньше. Один из них сейчас спал на нижнем этаже двухъярусной кровати, не выказывая не малейшей реакции на вошедших и на разного рода шум, вызванный их появлением.

«Располагайся», — скомандовал брат, скинул с себя курточку и, не разуываясь, подошел к стоящему на табуретке почти у самых дверей электрическому чайнику. Проверив, есть ли в нем вода, он воткнул вилку шнура в розетку и торопливо вышел из комнаты.

После обеда в студенческой столовой, которая находилась тут же при общежитии (вкусно, и совсем недорого), они отправились добывать Цыпленку все необходимое для поездки. Спальный мешок им удалось найти в ближайшем прокатном пункте, а вот с рюкзаком дело обстояло хуже. Сам Антон был обладателем добротного туристского рюкзака «Ермак», вместительного, легкого, на алюминиевом шасси. Нести на себе предстояло много, и они пытались найти для Цыпленка нечто подобное, но все как-то неудачно. Они бежали все известные Антону прокатные пункты, забежали по пути к нескольким знакомым, но так ничего и не нашли.

«Ну ладно, — сдался наконец брат — Ничего не поделишь. Придется тебе с моим старым ехать. В него тоже много влезает, только нести не так удобно».

На том и порешили.

К себе они вернулись, когда на город, тонким серебристым покрывалом уже начали опускаться сумерки. Комната на этот раз оказалась пустой. Зато на столе они обнаружили почти готовый ужин: вареную картошку в большой тарелке, хлеб и распечатанную, но практически не тронутую банку кильки в томатном соусе.

На утро он не сразу вспомнил, где находится. Помогло то, что разговор шел о трудностях написания курсовой работы и о «зверствах» какого-то профессора. Цыпленок приподнялся на локте. Болтали двое. Одного из них Цыпленок никогда раньше не видел, вторым же был тот, кто отсыпался накануне днем после ночной игры в карты.

«Ага, Антон-второй проснулся. Как поспалось?» — ночного картежника, очевидно, нисколько не смущало то обстоятельство, что своим громким разговором они помешали человеку спать. Он, казалось бы, был даже рад тому, что так получилось. Брата не было. И куда он только мог уйти? Хоть бы предупредил...

«А братишка у тебя вот-вот придет», — сказал картежник успокаивающе, словно читая мысли. «Ты пока вставай, а то уже скоро столовая закроется».

Цыпленок послушно вылез из-под одеяла и начал одеваться. Минут через десять пришел брат. На плече его была большая сумка-баул, чем-то доверху набитая.

«Уже встал? Молодец! — сказал он бодро, снимая с себя куртку, — Из продуктов я почти все купил. Осталось так — самая малость. Докупим после обеда».

Он задвинул сумку под кровать, запретив остальным под страхом смерти к ней прикасаться, и они отправились в столовую.

В шесть вечера им нужно было быть на вокзале, поэтому купить оставшиеся продукты Цыпленок отправился один. Брат же тем временем принялся упаковывать рюкзаки. Тот из них, что предназначался Цыпленку, был самым обычным рюкзаком, каких везде полно, с тем лишь отличием, что размеров он был необъятных, да ляжки у него были более широкие, с подкладками для плеч. Будучи доверху упакованным, он напоминал по форме большой шар. Как Антон ни старался придать ему хоть сколько-нибудь удобную для спины форму, по-разному укладывая в него вещи или меняя их местами, шар так и оставался шаром.

«Придется потерпеть. Будет немного неудобно, но все же он полегче, чем мой», — успокаивал он Цыпленка. И это было правдой. Рюкзак Антона хоть и выглядел гораздо стройней, тяжел он был чрезвычайно, словно наполнен был набит железом.

Пока они собирались, в комнату подтянулись несколько парней и девчонок, некоторых из которых Цыпленок видел на фотографиях, висящих на стене. Довольно забавные фотографии студенческой жизни со смешными подписями. Цыпленок понял, что все они были из одной группы, в которой учился брат. Подошла и Люська, живущая в соседней комнате, уже полностью собранная.

«А ну-ка, помогите», — скомандовал Антон, выволакивая рюкзаки на середину комнаты, когда они с Цыпленком оделись и были готовы к выходу.

Сначала взялись за шарообразный рюкзак Цыпленка. Трое помощников легко водрузили рюкзак Цыпленку на спину. Цыпленок поудобнее расправил ляжки и ...

«Отпускайте!»

Неведомая сила ударила Цыпленка в середину спи-

ны, дернув одновременно за плечи назад. Не успев даже чертыхнуться, он повалился на спину.

«Вот что значит вовремя не сгруппироваться», — поучительно произнес один из помощников.

Смеяться никто не смеялся, но Цыпленку все равно стало очень обидно оттого, что он показал себя слабаком, хотя таковым (он был в этом абсолютно уверен) на самом деле не был.

Он торопливо, с возникшей в нем вдруг злостью, выбрался из лямок, вскочил на ноги и потянул рюкзак на себя, приноравливаясь к тому, чтобы одеть его самостоятельно.

«Ты смотри, какой прыткий! Ну давай, еще раз попробуем».

И рюкзак снова был водружен Цыпленку на спину. На этот раз он наклонился вперед, напрягся и, когда рюкзак был опущен, ощутил, что нести он его, в общем-то, может. Только идти придется в согбенном положении, и спину он ему точно натрет.

Антон умудрился надеть на себя рюкзак самостоятельно. Когда они шли по коридору, Цыпленок обратил внимание на то, что со спины Антона из-за рюкзака почти не было видно, лишь ноги, да и то не полностью. В голову ему пришла мысль, что если такие рюкзаки (и цветом, и размером) будут у многих, то найти брата среди прочих будет непросто.

Так оно и вышло.

Выйдя из троллейбуса, они увидели пару таких же

оранжевых рюкзаков с ногами, пересекающих привокзальную площадь. А на перроне, уже издали, в глаза бросалась разноцветная куча таких рюкзаков, составленных один к другому. Возле них в нетерпеливом ожидании, смеясь и что-то громко обсуждая, толпилась группа парней и девочек, так же пестро одетых.

Путь их пролегал, с пересадкой через пару крупных городов, к Уралу. Антон там бывал уже не раз, и с его слов, Цыпленку, выросшему среди равнинных лесов и полей, там было на что посмотреть.

Для простоты общения, а также в силу внешней схожести Цыпленка все окончательно прозвали Антоном-вторым. Он, в общем-то, и не возражал. Имя неплохое, да и братом своим он мог лишь гордиться. Сам же Антон по этому поводу никаких эмоций не выражал.

Народ в компании оказался веселый, в основном, студенты. Лишь некоторые, как здоровяк Володя, в институте уже не учились. Время в пути коротали преимущественно за игрой на гитарах и пением песен. Потом они делали пересадку и почти три часа ждали отправления следующего поезда. И кто-то вдруг заметил, что один из рюкзаков, не бегом, но довольно споро, удаляется по перрону в сторону ближайшего прохода между привокзальными строениями. Определить владельца по ногам было невозможно, поэтому пробили общую тревогу с проверкой рюкзаков. Одною рюкзака не хватало.

Ворюгу нагнали уже в подъезде одного из жилых домов, расположенных поблизости. Им оказался несколько странноватый тип лет сорока, довольно щедушный с виду (как только упер такую тяжесть?!), хотя вполне прилично одетый.

Разбираться с ним было уже некогда. Ему просто хорошо пригрозили, на что тот слезно уверил, что такого больше не повторится и что он сам от себя такого не ожидал, видимо, его бес попутал, и что такие красивые и заманчивого вида рюкзаки нельзя оставлять вот так, без присмотра.

В дальнейшем бдительность была повышена.

Что касается гитары, то у Цыпленка с этим дела налаживались довольно быстро. Он играл на ней уже больше года. Из опыта дворовой жизни Цыпленок успел усвоить, что учиться и что-то перенимать лучше всего удавалось именно в таких вот компаниях, когда можно было хвататься понемногу от каждого, а в итоге получался неплохой рывок вперед.

Среди всех прочих в компании был также и еще один совсем молодой парень, его ровесник, который так же, как и сам Цыпленок, участвовал в подобном мероприятии впервые, увязавшись за своим старшим братом. Обстоятельство это их с Цыпленком очень сблизило. Но в гораздо большей степени сблизило их то, что парнишка этот, имея исключительный слух, мог подобрать на гитаре все что угодно, легко мог играть партию соло гитары, создавая тем самым что-то вроде собственной аранжировки. С Цыпленком, у которого хорошо играть еще пока не получалось, но зато получа-

лось хорошо петь, у них сложился неплохой дуэт. Но это позже, уже у костра.

Пока же все они сошли на маленькой станции, расположенной в горной расщелине, по которой железная дорога, петляя, уходила на восток. Там не было каких-либо населенных пунктов, за исключением самой станции, состоящей из нескольких строений, среди которых, впрочем, был крохотный магазинчик, где можно было купить самое необходимое. Услугами его, очевидно, пользовались жители каких-нибудь отдаленных деревень. По самому дну ущелью пробегала небольшая, но довольно быстрая речка. Ниже по ее течению, в пределах прямой видимости, был перекинут узенький пешеходный мостик. По нему им предстояло перебраться на противоположный берег, чтобы продолжить свой путь дальше. Вот здесь-то Цыпленок в полной мере познал все «достоинства» своего рюкзака.

Они шли гуськом друг за другом по утопанной тропинке, и Цыпленок, шедший примерно в середине вереницы, согнувшись так, что кисти рук его находились где-то на уровне колен, видел лишь ноги впереди идущего. Рюкзак нестерпимо давил на самую середину спины, и он, чтобы облегчить себе страдания, то и дело останавливался и старался рывком перебросить его немного повыше или чуть на бок. Хотя сзади его никто особо не торопил, после каждой такой остановки он старался сократить расстояние, которое возникало между ним и впереди идущим. Для этого ему приходилось ускорять свой шаг. В одно из таких ускорений он споткнулся о собственную ногу и, сделав пару неверных шагов, отступил с тропинки. Осточертевший ему рюкзак предательски ударил по затылку.

Когда он снова выбрался на тропинку, вся вереница была уже впереди. Позади оставались лишь Володя и еще один «спасатель», не уступающий ему по комплекции. Володю, как оказалось, традиционно выбрали ответственным за безопасность, и он в любом случае должен был замыкать колонну.

Погода, и без того не самая благоприятная, между тем начала портиться: по небу волокло низкие серые тучи и подул порывистый ветер. «Ну, как обычно, — прокомментировал из-за спины Володя, — как разбивать лагерь, так сразу погода портится!»

У Цыпленка мелькнула мысль, что разбивать лагерь, когда поход еще только начался, было как-то рановато,

но он тут же отогнал ее от себя, сочтя, что Володя просто оговорился или имел в виду что-то другое.

Перейдя по мостику на противоположный берег, какое-то время они шли по тропинке, натоптанной вдоль самого подножья крутого склона, поросшего кустарником, кривыми березами и мелким ельником. Поправляя рюкзак в очередной раз, Цыпленок успел заметить, что впереди маячил каменный выступ, который тропа также послушно огибала, и за ним уже успела скрыться часть людей. Приблизившись к выступу, Цыпленок понял, что движение либо прекратилось, либо было чем-то нарушено: из-за поворота доносился радостный галдеж. Он ускорил шаг, повернул за выступ и обомлел: словно на картинке из учебника истории древнего мира, в той его части, где описывается Египет, перед ним открылся огромный скальный массив, отвесно обрывающийся с невообразимой высоты. Только вырубленных сфинксов не хватало, да цвет был не желтоватый, а коричнево-серый.

Колонна уже не двигалась вперед, а, свернув, спускалась к обширной, вычищенной от кустарника площадке, расположенной метрах в сорока от подножья скал, возле самого берега реки. Выйдя примерно на ее середину, народ сбился в кучу и начал снимать рюкзаки.

«Ну, как дела?» — весело спросил брата Антон, когда тот наконец оказался рядом.

«Уф! — Цыпленок с облегчением скинул рюкзак, — Ничего, жить можно. И надолго мы тут?»

Кто-то, услышав это, рассмеялся.

«На четыре дня».

Стоявшая рядом Люська, взглянув на Цыпленка, аж расхохоталась: «Антон, он что, даже не знает, зачем мы здесь?»

«Возможно, хотя мне казалось, что я ему говорил».

«Ну, вы даете, братцы!»

«А зачем мы здесь?»

«Чтобы лазать по скалам».

«Как по скалам? Вот по этим скалам?»

«Ну да. Вот по этим самым скалам. Немного потренируемся, а потом устроим соревнования».

Только сейчас, глядя на то, как народ делово распаковывает рюкзаки, до Цыпленка окончательно дошло, что так оно и будет.

«Вот так да! — мелькнуло у него в голове, — Еще того интересней!»

Он еще раз взглянул на скалы, уже по другому. Ужас! Зато уж будет что потом рассказать. Это точно.

«Сюда круглый год кто-нибудь наезжает, — пояснил Цыпленку брат. — Оно и к лучшему: на крючьях, порой экономия получается. А что касается дров для костра, то их тут полным-полно, только не ленись, таскай. Вот ты, кстати, этим пока можешь и заняться».

Народ, за исключением нескольких таких же, как он, случайных, можно сказать, людей, дружно принялся за работу. Цыпленку, стоя не у дел, оставалось только удивляться, как у них хорошо все было организовано. Он стоял и смотрел за тем, как ставят палатки. Они были большие, пятиместные, с тентом ярко оранжевого цвета. Две из них ставили таким образом, чтобы входы располагались друг напротив друга, а состыкованные над входами тенты образовывали, как бы, общую прихожую. Нижний угол одного из тентов был, естественно, не закреплен, чтобы можно было попасть внутрь. Третья же палатка находилась чуть поодаль, поближе к месту, где должен был гореть костер.

Лес, как и скалы, был просто замечателен. В нем не было каких-либо видов растительности, которых Цыпленок не встречал бы раньше, но он поражал своей дремучестью и первобытностью. Вековые ели, мрачные и замшелые, громоздились по крутым склонам и самому краю скальных обрывов местами так плотно, что, продравшись в самую гущу, можно было не заметить человека, стоящего в двух метрах. Заросшие молодняком прогалины напоминали таинственные лабиринты. Дров было полным-полно. Повсюду в зарослях можно было собирать валежника, а в более низких и, видимо, сырых местах там и сям торчали сухостоины. Единственным неудобством было то, что за всем этим приходилось карабкаться вверх по склону с одной из сторон скального массива. Да и таскать — тоже не ближний свет. Сходив два раза, Цыпленок весь упарился и заметно выбился из сил. Но большего и не требовалось: дров было уже принесено достаточно, костры полыхали вовсю и даже что-то уже варилось в подвешенных над огнем ведрах, распространяя приятные ароматы и пробуждая дикое чувство голода.

Между тем близился вечер. Откуда-то сверху, из-за скал, напоздали сумерки. О том, чтобы начать тренировки в этот же день, не могло быть и речи, хотя Цыпленок, которому так не терпелось увидеть это как можно скорее,

и не сожалел. Он был слишком уставшим. Остальные, надо полагать, тоже.

После обеда который «по совместительству» оказался и ужином, все занялись дальнейшим обустройством быта. Народ был распределен по палаткам, человек по семь-восемь в каждой, рюкзаки размещены под тентами, все вещи, необходимые для ночевки, извлечены и уложены в палатки.

Цыпленка определили в одну из спаренных палаток, вместе с братом.

Остаток вечера был проведен у костров за разговорами, обсуждением планов на ближайшие дни и пением песен под гитару. Слушая в пол-уха, пригревшись и глядя на скачущие языки пламени и раскаленные, мерцающие при каждом движении воздуха угли в тех местах, где дрова уже прогорели, Цыпленок вдруг почувствовал необычную умиротворенность и спокойствие. Словно все, что случилось всего лишь несколько дней назад, случилось вовсе не с ним, а если и с ним, то уж очень давно. Только было чуть-чуть жаль, что та девочка его сейчас не видит, не знает о пережитых им в течение дня физических страданиях и о тех, что еще предстоит пережить. Да и не страдания это вовсе — то, что предстоит! Это же безумно интересно и причем очень опасно — лазать по таким скалам! И Цыпленок поднимал глаза на высившуюся над ними темную громадину.

С вечера были назначены дежурные, в обязанности которых вменялось встать утром пораньше, развести огонь и приготовить для всех завтрак.

Спать укладывались все одновременно. Цыпленок оказался между Антоном и очень рослой, весьма миловидной девушкой, которую звали Оксаной и которая, как Цыпленок успел заметить, все время держалась рядом с братом. И хотя, уже устроившись, Цыпленок сильнее прижался к брату, больше исходящего тепла он ощущал с ее стороны. Быстро и незаметно для себя Цыпленок занул.

Проснулся он от того, что кто-то прополз по нему сверху, надавив при этом очень неловко коленкой в правый бок. Снаружи слышались голоса, в одном из которых он узнал голос брата, стук топора и потрескивание сучьев в костре. Рядом уже никто и не спал. Цыплёнок, выбравшись из под одеяла, приходил в себя. Оксана сидела возле выхода и приводила в порядок свои длинные светлые волосы. Во рту она держала маленькую заколку в форме бабочки.

«Привет! — весело проговорила она и помахала Цыпленку ступней ноги, — Хватит спать, пова на скавы!»

Из чего Цыпленок сделал вывод, что протопала она по нему не без умысла.

Погода была получше, чем накануне. Хоть небо все еще и хмурилось, было довольно тепло и ветра совсем не было.

У костра людей оказалось немного: основная масса совершала утреннюю пробежку по тропе в сторону мостика. Кто парами, кто поодиночке. Зарядку делали, уже вернувшись к палаткам. Цыпленок тоже немного пробежался, хотя большого желания не испытывал. Умывались и чистили зубы прямо у речки, где для этой цели были сделаны примитивные мостки. На завтрак была разогрета консервированная рисовая каша с мясом. При этом она немного подгорела, но никто не обратил на это внимания, и с завтраком было покончено в считанные минуты. Правда, некоторым, таким как Цыпленок, не привыкшим пить кипяток, пришлось немного подождать, пока остынет чай. Он расправился со своей порцией каши, но почувствовал, что не наелся. Признаться в этом и попросить добавки ему, естественно, было неудобно, поэтому он довольствовался дополнительным куском хлеба к чаю. Благо, нарезанный кусками, хлеб просто лежал на клеенке горкой и его можно было брать сколько захочешь.

Сразу после завтрака началась подготовка к тренировке. Из рюкзаков извлекался всевозможный инвентарь и экипировка. Несколько наиболее опытных, в их числе Антон, отправились, увешанные веревками, в обход, по боковым склонам наверх, к самой вершине скального массива. Цыпленок, естественно, пошел в месте с братом.

Им предстояло, как объяснил Антон, навесить страховочные веревки.

Массив был разделен глубокими расщелинами, непригодными для лазания, на несколько отвесных скал разной высоты, самая высокая из которых казалась Цыпленку, если смотреть снизу, примерно с девятиэтажный дом. Антон с Цыпленком, сделав приличный крюк, оказались именно на ее вершине. У Цыпленка пересохло в горле, когда он приблизился к ее краю и глянул вниз. Какие там девять — да тут все двадцать этажей! Ужас! И то он стоял не на самом краю, а метрах в двух от него. Подойти ближе, хотя бы на метр, он просто не мог себя заставить.

«Что, страшно? — усмехнулся Антон, — Не бойсь! Привыкнешь!»

Он стоял возле толстого стального штыря, забитого глубоко в скалу, на конце которого болталось тускло блестящее, словно отполированное, кольцо. Скорее всего, оно действительно было отполировано веревками, многократно протертыми через него.

Антон извлек из мотков веревки, принесенных ими, кусок длиной метров в пять, протернул его через кольцо, завязал каким-то хитрым узлом.

«Это называется «сопля», — произнес он и перебробрил получившуюся петлю через край скалы, так, чтобы часть ее свободно свисала вниз.

«Дальше мы делаем вот так», — он развязал один из больших мотков веревки, пропустил ее через петлю и, протернув примерно до половины, сбросил со скалы ее концы.

«Ну что,хватило?» — крикнул он вниз, приставив рупором ладони ко рту.

«Нормально, в самый раз!» — донеслось оттуда.

Таким образом со скал было сброшено еще несколь-

ко веревки. Затем все тем же путем спустились вниз.

У подножья скал к их приходу уже все было готово. Даже, более того, три человека, страхуемые напарниками, уже начали карабкаться вверх. Цыпленок не сразу их узнал, так как смотрели они, естественно, только вверх, а на головах их были одеты обыкновенные мотоциклетные шлемы. Страхочная веревка (или строп, как ее многие называли) была пристегнута к их обвязкам на груди. Сама же обвязка представляла собой пару мягких ремней, пропущенных через плечи подмышками. Все трое были обуты в обычные резиновые калоши, поддерживаемые на пятках специальными завязками. Ботинки их стояли тут же возле скалы.

За всем внимательно следил и распоряжался Володя.

«Антон-второй, ко мне!» — скомандовал он по-военному, заведя Цыпленка, который, разинув рот, взирал на все это действо.

Цыпленок подошел.

«Значит, так, слушай меня внимательно, — без лишних предисловий начал Володя, — Чтобы возле самой скалы я тебя без каски не видел. Стоять можешь, по крайней мере, метрах в двух, не ближе. Далее: если ты в каске, не вздумай даже и начинать карабкаться без страховки. Хотя, конечно, если не высоко, не более метра, то можно, но не тем, кто здесь в первый раз».

«Камень!» — вдруг раздался крик сверху. Метрах в пяти от них, возле самой скалы, упал с глухим стуком и откатился в сторону небольшой, с полкирпича, камень.

«Во! — Володя назидательно поднял указательный палец, — Наглядный пример. И никаких там «осторожно!» или «берегись!», а «камень!», и никак иначе».

Он немного задумался, вспоминая еще что-то, но потом просто махнул рукой.

«Все остальное тебе Антон расскажет. Хотя, — добавил он вдруг слегка изменившимся голосом, — за ним самим глаз да глаз нужен... Ладно, иди».

Тренировка тем временем шла полным ходом. Кто-то уже успел добраться до верха и спускался вниз. Страхующие, в основном, те, кто помассивней, стояли метрах в пяти от скалы и, перебросив веревку через плечо за спину, обеими руками выбирали ее на себя или, наоборот, стравливали (в зависимости от направления движения), так, чтобы она не провисала свободно, но и не была туго натянутой.

Все веревки были заняты, кроме одной, возле которой стоял Антон, уже в каске, и поджидал Цыпленка.

«Ну, что? Попробуем? Я сейчас слазаю, а ты подстрахуешь».

Антон защелкнул карабин у себя на груди, подошел к скале и, не дожидаясь, пока Цыпленок приготовится, полез вверх. Цыпленок, ухватившись за веревку, стал судорожно выбирать слабину. Вскарабкавшись метров на пять вверх, Антон вдруг оттолкнулся от скалы и повис, слегка покачиваясь на спружинившей веревке. Цыпленка, вцепившегося изо всех сил в веревку, рывком приподняло немного вверх и подтащило на пару метров ближе к скале. Там он встал, также цепко удерживая строп.

«Молодец! Так и держи!» — бросил через плечо Антон, ухватился за скалу и снова полез вверх. Двигался он быстро по сравнению с теми, кто лазал по соседству (сразу чувствуется опытный скалолаз), и Цыпленку пришлось недолго ждать, пока он снова спустится вниз.

«Ну что ж, теперь ты попробуй».

Антон отцепил карабин с веревкой, снял с себя обвязку и показал Цыпленку, как следовало ее правильно одевать.

«А калоши-то зачем? — спросил Цыпленок, надев на голову шлем и застегивая его под подбородком, — Может, лучше в ботинках?»

«А вот представь себе, вот эти самые русские, резиновые, пасконные калоши — самая подходящая обувь для скалолазания. Их даже иностранцы с этой целью специально целыми партиями закупают».

Убеденный этим доводом, Цыпленок переобулся.

«Теперь смотри внимательно».

Антон взял в руки карабин, несколько раз понажимал на подпружиненное звено, пристегнул Цыпленка за обвязку на груди и до упора завернул по резьбе стопорную гайку с насечкой.

«Сам по себе он расстегнуться не может. Это исключено. А ты там, наверху, его руками не трогай. Все ясно? Тогда — вперед!».

И Цыпленок начал карабкаться.

«Только не торопись, — доносились ему в спину наставления брата, — Спешить пока некуда. Сначала осмотришь, выбери, на что опереться, за что ухватиться, а уж потом делай шаг. И на руках не висни, ногами работай, а то завтра твои руки уже ни на что не будут годны».

А руки, действительно, страдали ужасно, царапаясь о камни. Только Цыпленок не обращал на это внимания, как, наверное, и все остальные.

Перед глазами была лишь истрескавшаяся плоть скалы. Все выступы и трещины, которые так хорошо видны с расстояния двух метров, приходилось искать почти на ощупь, задрвав кверху голову. В те небольшие паузы, которые он делал, чтобы осмотреться в поисках опоры, ему казалось, что он со скалою просто сросся. Высоты он не чувствовал. Вернее, чувствовал, но косвенно, по голосам, доносившимся снизу. Оказавшись на небольшом карнизе, примерно на половине пути вверх, Цыпленок позволил себе бросить косою взгляд вниз. Ощущений возникло никак не меньше, чем в кошмарном сне, когда за тобой гонится маньяк с ножом и уже почти догнал. Тут уж он так со скалою сросся, что потребовалось время, чтобы заставить себя двигаться дальше.

«Ты вниз-то не смотри без особой надобности, — услышал он голос брата, — тут ничего интересного нет».

Когда уже была видна вершина и до «сопли» оставалось всего ничего, Антон скомандовал спускаться.

Легко сказать «спускаться». На деле оказалось, что спускаться вниз еще труднее, чем карабкаться вверх, о чем Цыпленок и не подозревал. Если при движении вверх можно было хоть что-то отыскать глазами, то спускаться приходилось почти «вслепую». Цыпленок просто пора-

жался, как так может быть: ведь буквально только что здесь карабкался и было множество всяких выступов, впадин и трещин, а тут вдруг все куда-то пропало! Иногда, когда, казалось бы, ничего подходящего нащупать было невозможно, снизу доносились подсказки кого-нибудь из наблюдавших. Правда, порой было трудно понять, к кому из карабкающихся эти подсказки относилась, и Цыпленок просто перестал к ним прислушиваться. Брат же советов больше не давал, а лишь иногда подбадривал. Спустившись примерно на треть, Цыпленок сорвался.

Нет, все было бы нормально, если хотя бы одной рукой можно было за что-нибудь уцепиться. А тут как назло: сделал шаг вниз, вытянувшись во весь рост, нащупал приличную опору для ног, пощупал поочередно руками — ничегошеньки с обеих сторон! Попробовал продвинуться немного вбок и оступился именно в тот момент, когда пытался перехватиться руками.

Как же это страшно — падать с такой высоты! Пусть даже падение длилось какие-то доли секунды и пролететь успел не больше двух метров, а страшно! Дыхание сперло так, что, кажется, уж больше и не выдохнуть. Вместо того, чтобы пытаться вновь уцепиться за скалу, руки рефлекторно вцепились в веревку — единственное спасение.

«Отпусти веревку! — донеслось грозно снизу, — За скалу цепляйся!»

Несколько секунд, пока успокаивалась раскочка веревки, Цыпленок пытался взять себя в руки. Отпустившись одной рукой от веревки, он поправил сползшую на глаза каску. Глянул вниз. Ужас! Тут же, как клещ, снова вцепился в скалу, на которой вновь появились трещины и выступы, и замер.

«Если дальше сам не можешь, скажи, — услышал он спокойный голос Володи, — мы тебя просто так, на веревке спустим».

«Ничего, пускай сам спускается», — ответил за брата Антон так же спокойно, но громко, чтобы Цыпленок тоже мог слышать.

И Цыпленок продолжил спуск уже медленнее, с более учащенным пульсом и все еще неровным дыханием. Выдохнуть легко, полной грудью, получилось лишь когда оказался на земле, и брат отцепил страховочный строп.

«Ну, как? Понравилось?»

«Да уж! Ощущений — масса!»

«Передохни немного, — Антон похлопал брата по плечу. — Когда какая-нибудь из веревок освободиться,

еще слазаешь. Только не переусердствуй, а то завтра рук поднять не сможешь».

«А ты?»

«А я пока к костру пойду, вон еще ребята подъехали, надо бы вопросы кое-какие организационные решить».

«Да, видела бы сейчас меня ОНА!» — вздохнул Цыпленок, уже без былой тоски, и немного отошел от подножья скалы, чтобы лучше видеть всех, кто сейчас по ней лазал. А лазали, по большей части, все новички. Иногда кто-нибудь из них с диким криком срывался, и, как и Цыпленок, мертвой хваткой вцеплялся в веревку. И тогда снизу неслось дружное «Отпусти веревку!», и, один за другим, сыпались советы, куда перенести ногу, или за что ухватится рукой. Кому-то так и не удалось прийти в себя, и его просто спустили вниз на веревке.

Спустя какое-то время Цыпленку удалось слазать еще раз, уже на другую, более низкую и удобную для подъема часть скалы. К собственной гордости, он ни разу не сорвался и двигался уже значительно быстрее. Страховала его та самая Оксана, его соседка по палатке, рядом с которой так тепло было спать. Вызвалась для этого она сама. Может, оттого, что устала стоять без дела, а может, просто так, по-соседски. С ней, кстати, Цыпленок чувствовал себя почти так же уверенно, как с братом, потому что для нее это была уже не первая поездка, да и массой она была посolidней прочих девчонок и даже некоторых парней.

Руки «горели» и были очень чувствительны. И вообще, весь этот день был для Цыпленка днем открытий. Он то узнавал что-нибудь нового о приемах скалолазания, то сталкивался с какими-нибудь новыми названиями уже, казалось бы, известных ему предметов. Так, например, шнур,

которым можно было что-нибудь привязать или закрепить, все называли «репом».

Большая часть из вновь прибывших были людьми уже зрелого возраста и представляли собой сборную команду по скалолазанию какого-то большого завода или фабрики, где этот вид спорта, очевидно, культивировался. Кто-то занимался им уже давно, кто-то — только начал. Но был среди них один, невзрачный с виду, солидного возраста дяденька, которого за глаза многие называли «маньяком». Из разговоров Цыпленок понял, что тот занимался скалолазанием всю свою сознательную жизнь, постоянно был в разъездах, на заводе формально лишь числился тренером спортивного клуба, да и делать, собственно, ничего другого по жизни и не умел. Понаблюдав за ним пару дней, Цыпленок и сам пришел к выводу: действительно, маньяк. Ну, как еще можно назвать человека, который весь день, почти без перерывов, находится на скале? Если его кто-то страховал, он бегал, как таракан, вверх и вниз, меняя маршруты и выбирая самые трудные места. Если все веревки были заняты, то он просто лазал по горизонтали или змейкой, на высоте трех-четырёх метров. Иногда и выше, но ему никто ничего не говорил, хоть это и было строжайше запрещено. При его невысоком росте и малом весе мышцы он имел, судя по всему, просто стальные и легко мог карабкаться по отвесной стенке на нескольких пальцах рук, как на крючьях. Всем

остальным оставалось лишь восхищаться его умением.

Вторая половина дня отличалась от первой лишь тем, что народ, изрядно устав, уже сбавил утренний пыл, и какой-нибудь из страховочных стропов, а то и несколько из них все чаще можно было видеть не занятым. И это — несмотря на то, что количество людей у подножья скалы за счет вновь прибывшей команды несколько увеличилось. С наступлением сумерек все тренировки были закончены. Народ собрался у костров (к двум вчерашним кострам прибавился третий), готовясь к ужину. Кое-кто, из мужской половины компании отправился за дровами. Немного помедлив, Цыпленок отправился следом.

Погода явно менялась в сторону улучшения. Небо к вечеру почти полностью очистилось от туч, и верхушки самых высоких елей, растущих по скалам, озарились последними лучами заходящего солнца. Картина эта была просто великолепна, и на душе, несмотря на физическую усталость, было легко и свободно. При абсолютном безветрии тишь вокруг стояла такая, что голоса были слышны за километр. Воздух был чист и прозрачен. Легкий аромат весны, витавший в нем, кружил голову, завораживал и навевал странные мысли. Сумерки казались хрупкими, как хрусталь. И сквозь этот хрусталь очертания окружающего мира виделись слегка размытыми и таинственными. Цыпленку вдруг вспомнились детские сказки про эльфов и гномов, сторожащих золото и драгоценные камни в горных пещерах. Может, какой-нибудь из них уже сейчас наблюдает за ним из под разлапистой еловой ветки или скальной расщелины? Цыпленок даже начал боязливо озираться по сторонам. Потом сам же рассмеялся в душе над своими страхами, забрался в самую еловую чащу, ухватился за комель поваленной временем сухостоины и поволок ее к костру.

Настроение за ужином и после него царило прямо-таки праздничное! Словно пережив какое-то радостное и интересное событие, все друг другу что-то рассказывали, переходили от костра к костру, пели песни под гитары. Должно быть, со стороны все это походило на веселый цыганский табор. Цыпленок сидел у огня, подпевал тем, кто пел под гитару, а пару песен из тех, что лучше всего получались, сыграл сам. Тут-то и выяснилось, что с Сережкой (а именно так звали Лехиного младшего брата, который так классно играл на гитаре) у них получался неплохой дуэт. Поначалу Сережка прислушивался к песне, что-то негромко подбирал, подстраивался, затем просил спеть ее еще раз, и вот вам пожалуйста — готовая аранжировка! Даже от других костров приходили послушать.

Брата Цыпленок в тот вечер почти не видел. Тот сидел с «заводскими» или переходил от костра к костру.

Ночь прошла спокойно. Устав за день еще больше, чем накануне, абсолютно все спали как убитые, а дежурные, также назначенные с вечера, проснуться вовремя просто не смогли. Завтрак был приготовлен наспех, при участии добровольных помощников, из числа особо голодных. А таковых, следует сказать, была добрая половина, и, с течением времени, становилось все больше. Недо-

статок питания, в основном, восполнялся хлебом.

День обещал быть насыщенным. Насколько Цыпленок был наслышан, в плане подготовки к соревнованиям, которые должны были состояться на следующий день, планировалось провести ряд серьезных тренировок с лазанием во время по заданному маршруту, как поодиночке, так и связками. Сразу после завтрака наиболее «продвинутые» принялись устанавливать на скалах флажки и ленточки для обозначения маршрутов. Когда дело было сделано, народ вновь, как и накануне, полез на скалы. Но в этот день все было гораздо более упорядочено: каждый лазал по маршрутам согласно своей квалификации под руководством «опытных товарищей», с отработкой техники.

После обеда, состоявшемся строго по расписанию, начали лазать, засекая время по секундомеру и занося результаты в специальную ведомость, так сказать, для наглядности.

Несмотря на ломоту во всем теле (а руки вообще, болели самым откровенным образом), Цыпленку этот день показался интересней предыдущего. Да и как могло быть иначе, когда стояла такая классная погода и само лазание получалось у него раз от разу лучше?! Кроме того, он впервые мог наблюдать воочию восхождение связкой, с забиванием крючьев, самостраховкой и спуском «дюльфером». Прямо как в настоящих горах! Единственным неудобством было то, что сверху постоянно текла и капала талая вода и у спустившихся вниз одежда оказывалась наполовину промокшей. Приходилось переодеваться (если было во что), а промокшую одежду развешивать у костров для просушки. Но к этому как-то быстро все привыкли и к концу дня эта процедура стала нормой.

В течение дня Цыпленок специально следил за тем, чтобы не пропустить тренировки брата. Как и следовало ожидать, он лазал в связке с Володей. К еще большей гордости Цыпленка, были они одними из лучших. Следить за ними доставляло удовольствие, и чтобы его испытать, а заодно и поучиться, собиралась целая толпа. Вот так природа покорялась людям!

«А ведь это всего лишь скала, — несло Цыпленка на волнах экзальтации. — Что же должен испытывать человек в горах, покоряя настоящие высотные пики?! Нет, что ни скажи, а Антоха — счастливейший человек!»

Вместе с переживаниями последних нескольких дней, замираниями сердца, ощущениями падения и полета

(тренируясь, Цыпленок успел сорваться еще несколько раз), чувством причастности к некому братству и таинству, в Цыпленке, еще пока не совсем осознанно, зрело решение стать таким же, как его брат, как Леха, Володя и все остальные, то есть сделать для себя этот спорт делом жизни, и значит — стать настолько же счастливым, как и они.

Потом, как-то незаметно, упали еще более прозрачные и волшебные сумерки, чем накануне. У костров уже было поспокойней. Может, оттого, что народ устал еще больше, а может — чары этой ночи были сильнее, чем предыдущей.

Ночь тихо творила свое волшебство. Из кустов и от подножья скал доносились странные шорохи и вздохи. Пару раз, пугая пронзительным криком, над головами проносилась какая-то крупная ночная птица. Уже после ужина, отправившись за дровами, Цыпленок все не мог оторвать взгляд от этого пугающе близкого звездного неба. В том, что из-за камней и кустов за ним наблюдают эльфы и гномы, он уже почти не сомневался.

На следующий день проводились соревнования. Выходило так, что городские соревнования, только далеко от самого города. По такому случаю дежурные встали даже немного раньше, чем было нужно. Но по причине проведения соревнований нужно было и утреннюю разминку произвести надлежащим образом. Поэтому дежурным пришлось даже немного подождать, пока все соберутся к столу. Все по тому же случаю, завтрак был праздничный: не какие-нибудь там консервы, а макароны по-флотски и повидло к чаю. Во время завтрака, обсуждая приснившиеся за ночь сны, кто-то признался, что ему снилась еда, целый стол, уставленный всякой снедью, и с целой горой

порезанного хлеба. Было смешно, когда выяснилось, что подобный сон снился многим.

Да, есть хотелось теперь уже постоянно. Цыпленок раньше такого никогда еще не испытывал: когда отходить от стола, вроде как поел, а совсем не чувствуется. Теперь он легко мог понять медведей, которые, проснувшись по весне от спячки, начинают обгладывать кору с молодых деревьев.

Но все равно настроение было преотличным! В воздухе витала, наравне с весенними настроениями, легкая нервность и волнение — «мандраж» на языке профессиональных актеров или спортсменов. Хотя, как выяснилось впоследствии, сами состязания отличались от тренировок, проведенных накануне, лишь тем, что были жестко регламентированы: одновременно по маршрутам разной сложности карабкаться могли лишь три человека, к каждому из которых был приставлен судья с помощником, ну и зрителей, само собой, было больше.

Цыпленку и таким же, как он, начинающим соревноваться особо было не с кем. Их задачей было, во-первых, не сорваться (иначе попытка не засчитывалась бы), во-вторых — уложиться в определенный норматив по времени, который соответствовал одному из юношеских разрядов. После двух дней усиленных тренировок Цыпленок справился с этим легко и просто.

Цыпленку, к его великой радости, было вручено самое настоящее удостоверение спортивного общества о присвоении ему первого юношеского разряда по скалолазанию, а также шутовское свидетельство (с нарисованной от руки «фотографией») того, что «там-то и там-то, такого-то числа» он был посвящен в скалолазы. Все-таки потом в школе ему будет что показать, чтобы засвидетельствовать свою уникальность! И Она, наверное, еще будет сожалеть об их последнем разговоре!

Вечер до отбоя прошел как обычно. Хотя нет: песен под гитару было спето больше. Цыпленок аж охрип под конец, а у его друга-гитариста сломался последний медиатор.

До отъезда оставалось чуть меньше двух суток. Утро выдалось серое, хоть и не такое унылое, как в день их прибытия.

У костра и палаток почти никого не было, лишь дежурные вяло хлопотали, да «завхоз» копошился возле рюкзаков, делая, видимо, подсчет и раскладку оставшихся продуктов.

После обеда Цыпленок решил не терять время на бесцельные экскурсии по окрестностям, а еще немного ползать по скалам. Теперь можно было попробовать и более сложные маршруты. Володя этому не противился. Отчего бы нет, если не торопясь, да под контролем? А контроль с его стороны, несмотря на общий настрой, нисколько не ослаб. Заводская команда сразу после обеда отправилась в обратный путь — на станцию и до дому. Поэтому народу на скалах было как раз столько, сколько нужно. То есть не нужно было каждый раз ждать своей очереди, стоять и просто таращиться вверх.

Цыпленок слазал по разу по каждому из маршрутов обстоятельно, не торопясь. И теперь стоял и раздумывал, стоить ли проделать тот же круг еще раз. Было бы, конечно, неплохо для тренировки (ведь он уже решил для себя, что станет альпинистом), но руки были «забиты» настолько, что болели по всей длине, от плеч до кончиков пальцев. Да и общая усталость, накопившаяся за эти дни, давала о себе знать. В конце концов решил, что хватит для начала. Дома, если подойти к этому делу с умом, можно было бы соорудить простейшие тренажеры, чтобы продолжить первые шаги к будущей спортивной славе.

Постояв напоследок пару раз на страховке и дав несколько дельных, как ему казалось, советов, он, с чувством выполненного долга отправился к костру. Дойдя до основной тропы, ведущей вдоль берега к мосту, он решил, что стоит дойти до кустиков, а на обратном пути заодно прихватить еще пару деревяшек на дрова.

Проснувшись поутру вместе с дежурными, Цыпленок понял, что начинает заболевать. Или организм был истощен уже настолько, что просто начал сдавать. Во всем теле чувствовалась ломота и легкий озноб.

«Вот что значит немного расслабиться», — подумал он, забираясь поглубже под одеяло в надежде еще поспать хотя бы полчаса, до общей побудки.

Все вокруг него храпели и посапывали и могли, видимо, проспать так до полудня. К нему же сон никак не шел. Согреться он тоже не мог. Полежав так еще немного, он решил пойти к костру, который к тому времени уже вовсю потрескивал. Он осторожно выбрался из-под одеяла, прополз к выходу и стал с трудом натягивать ботинки.

Сидя у костра, он немного согрелся. Дежурные, две девчонки, бывавшие уже в таких поездках, напоили его горячим чаем с шиповником, который был предусмотрительно ими заварен в термосе еще с вечера. После этого он почувствовал себя лучше, хотя ломота так и не исчезла до конца.

«Это ты просто перетренировался, — со знанием дела сказала одна из дежурных. — У меня тоже так первый раз было. Домой еле живая приехала».

Цыпленок не спорил. Возможно, что так оно и было. «Ничего, — продолжила та же девчонка, заботливо подливая ему в кружку еще чая, — сегодня уже домой. Отдохнешь, и все будет в порядке».

«И то верно», — думал Цыпленок, поворачиваясь к огню другим боком.

Сразу после завтрака, который Цыпленок, к собственному удивлению, едва осилил, начали сворачивать лагерь. До поезда оставалось еще четыре с лишним часа, и можно было делать все не торопясь хотя в таких случаях, лучше всегда иметь запас времени. Несмотря на всеобщую усталость и смурную погоду, настроение царило бодрое.

Рюкзаки были снова составлены в общую кучу на середине площадки, часть людей снимала и сворачивала палатки, часть — отправилась на скалы, чтобы снять остатки скального оборудования, остальные — просто

разбирали свои вещи, включая посуду, и упаковывали рюкзаки. Антон пошел, также в обход, к вершинам скал, чтобы снять «сопли». Цыпленок дернулся было за ним следом, но почувствовал, что осилить подъем ему будет не так-то просто, и остался у костра.

Рюкзак теперь, конечно же, был гораздо легче. У Антона же груза почти не убавилось, так как по пути вперед, как выяснилось, он тащил по большей части не продукты, а мотки веревки, карабины, крючья и прочую экипировку. Но он на это не жаловался и даже отказался переложить часть этого добра в рюкзак Цыпленка, хоть тот ему и предлагал. Наверное, он просто видел, что Цыпленку нездоровилось, и решил его немного побережь.

На станцию вышли загодя, решив, что лучше подождать лишний час там, чем идти, торопясь, к самому поезду, рискуя его упустить. И правильно сделали, потому что поезд подошел гораздо раньше, чем ожидалось, то ли из-за ошибки в расписании, то ли из-за путаницы в головах. Так что в вагон они забрались, еще не успев даже остыть от перехода.

На привокзальной площади, попрощавшись друг с другом, они все разошлись по остановкам нужного им городского транспорта. День был будничным, транспорт ходил весело, и вскоре они все разъехались.

Домой поезд Цыпленка уходил поздно вечером, что, с одной стороны, было удобно (лег спать, а про-

снулся уже дома), но, с другой стороны, нужно было как-то убить время до его отправления. За билеты он не беспокоился, их можно было купить на вокзале уже перед посадкой.

К вечеру погода совсем испортилась, пошел дождь и усилился ветер. Теперь это уже не имело большого значения, но все равно было неприятно. Когда они шли от общаги до троллейбусной остановки, чтобы ехать на вокзал, Цыпленку все время казалось, что его одежда так до конца и не высохла, и он то и дело ежился.

На вокзале было непривычно малоллюдно, словно из-за испортившейся погоды люди начали избегать поездок по железной дороге. У касс тоже не было обычной суеты и толкучки, и минут через десять Цыпленок уже с билетом в кармане стоял у окна зала ожидания и переговаривался с братом о чем-то несущественном. О погоде, с которой им повезло на скалах, но которая вдруг так неожиданно скисла. О том, что неплохо было бы летом съездить вместе на рыбалку, как это они когда-то делали. И о чем-то еще, о чем можно было говорить, не тревожа понапрасну душу.

Объявили посадку на поезд. Как положено, за полчаса до отправления.

«Ну, ладно, ты езжай. Зачем еще ждать-то? В вагон я и один сяду».

Антон что-то прикинул в уме.

«И то верно. Поеду, пожалуй. А то потом троллейбуса не дожждаться будет».

«Во-во... Ты домой-то когда приедешь?»

«Не знаю. Видно будет. Наверное, где-нибудь осенью».

Поезд отправлялся с первого пути. Они вышли на перрон.

«Ну, давай, братишка, бывай здоров. Матери привет передавай. Скажи, что у меня все нормально».

Они пожали друг другу руки.

«Ну, всего хорошего. Ты позванивай хоть иногда».

«Неприменно. Да, и если вдруг ещё что-нибудь стоящее наметится, я тебе сразу сообщу. Может, и еще куда съездим».

Когда Цыпленок оказался в вагоне и выглянул в окно, брата на перроне уже не было. Он совсем забыл сказать ему, что увидятся они, вероятно, совсем скоро. Ведь Цыпленок уже окончательно решил, что после выпускных экзаменов в школе он приедет сюда, чтобы поступить в тот же самый институт, и что он тоже мечтает стать скалолазом и альпинистом, и что тогда они уж точно смогут ездить везде вместе. Впрочем, времени, чтобы сообщить Антону об этом, было еще предостаточно. По телефону, например. Или письмом. И вообще, не так уж было и важно, сообщит он об этом Антону или нет. Главное, что для себя он уже все решил.

Фотографии из архива турклуба УрГУ.

Гигиена туриста

Подготовка к походу

Каждый человек может заниматься туризмом, однако в любом случае выбор маршрута будет определяться здоровьем путешественника. О возможности туриста совершить путешествие той или иной сложности будет судить врач.

Перед многодневным походом нужно провести ряд профилактических мероприятий. Прежде всего полностью излечить больные зубы. Людям, ранее часто страдавшим ангиной и заболеваниями носоглотки, пройти профилактический курс лечения. При потливости стоп их следует протирать жидкостью «Гигиена». Мозоли на ногах надо излечить. Туристы, собирающиеся путешествовать в таежных лесах, должны заранее сделать прививку от возможно заболевания клещевым энцефалитом.

Личная гигиена в походе

Для сохранения и укрепления здоровья необходимо соблюдать правила личной гигиены: поддерживать чистоту кожи лица, тела, рук и ног, ежедневно чистить зубы, заботиться о чистоте одежды и обуви.

В походе на коже скапливаются пот, сало, пыль, загрязняющие кожу и создающие благоприятные условия для микробов, которые вызывают гнойничковые заболевания. Закупорка пор приводит к уменьшению кожного дыхания и выделения влаги. Поэтому, если есть возможность, на привале перед ночлегом следует промывать быстрозапотевающие места: кожу лица и шеи, подмышечные и паховые области, кожу стоп. На пальцах рук и ног не забывать раз в неделю стричь ногти.

Физическая культура

и закаливание в походе

Туристы в походе должны строго соблюдать режим движения и отдыха. На маршруте день надо начинать с утренней зарядки, продлеваемой в течение 10 — 15 минут.

Длительные остановки на маршруте следует использовать для гигиенических мероприятий и спортивных игр.

В походах туристы имеют возможность широко пользоваться солнцем, воздухом и водой с целью закаливания.

Умеренное облучение солнцем благотворно влияет на организм. Солнечные лучи повышают обмен веществ, стимулируют кроветворение, убивают микробов на коже. Однако солнцем нужно пользоваться умело. Наиболее эффективны ультрафиолетовые лучи, преобладающие в спектре солнца с 8 до 12 часов утра. Они вызывают образование загара. Загорелая кожа предохраняет от ожога солнечными лучами, более устойчива к гнойничковым заболеваниям и раздражениям, на ней быстрее заживают раны и ссади-

ны. Инфракрасные (тепловые) лучи интенсивны с 12 до 15 часов, и в это время легче получить солнечный ожог или тепловой удар.

Загорать рекомендуется постепенно: первый раз достаточно 5 — 10 минут, а в дальнейшем добавлять по 5 минут ежедневно. В средней полосе и на севере страны допустимо более длительное пребывание на солнце, но не до появления красноты на коже. В горах, у моря, близ озера солнечная радиация увеличивается в 2 — 3 раза из-за уменьшения пыли в воздухе (в горах меньше плотность воздуха).

Избыточное пребывание под солнцем может вызвать ожог, тепловой удар, расстройства нервной, сердечно-сосудистой, дыхательной деятельности, снизить работоспособность. Для защиты глаз рекомендуется носить очки (оптимальные — с 50%-м затемнением стекол).

В походе турист закаливается и воздухом. Организм постепенно привыкает к температуре окружающего воздуха, его влажности, к ветру. Сухой воздух способствует испарению пота с поверхности тела, а прохладный — возбуждает и бодрит. Начинать закаливание воздухом нужно с температуры +16°.

Закаливание водой применяется в виде обтираний, обливаний и купания. Вода, воздействуя на нервные окончания в коже, вызывает общее возбуждение организма. Утром после зарядки рекомендуется обтирание влажным полотенцем или обливание прохладной водой. В походе после пребывания под солнцем хорошо искупаться и поплавать. Температура воды не должна быть ниже 20°, чтобы сразу не охладиться. Зимой закаленные туристы могут растереться снегом.

Все виды закаливания должны применяться постепенно и систематически, только тогда они дадут положительные результаты.

Самомассаж

Самомассаж — действенное средство для снятия утомления мышц и профилактики травм. Каждый турист должен владеть элементарными приемами массажа и уметь применять их на себе.

Поглаживание — самый простой прием массажа — выполняется движением ладоней рук (или ребром сложенных пальцев) по мышцам от периферических участков. Этим приемом кровь и лимфа, содержащие отработанные продукты обмена, как бы отжимаются из утомленных мышц.

Растирание осуществляется ладонью, но с большей силой давления и смещения кожи вместе с глуболежащими мышцами в обоих направлениях.

Разминание производится одной рукой или двумя (кольцевое), а также щипками. Этот, наиболее эффективный, спо-

соб заключается в последовательном захвате, сдавливании и частичном отведении групп мышц, окружающих кости ног и рук.

Встряхивание применяется для больших групп мышц (икроножных или бедра) и выполняется захватом кистью целой группы мышц. Этим приемом обычно завершается самомассаж.

У туриста устают преимущественно ноги, поэтому их массируют в первую очередь. Для этого надо обнажить ноги, сесть, опереться пяткой, согнуть ногу в колене и начать массаж, охватив стопу руками так, чтобы ладони были на подошве, а большие пальцы рук — у оснований пальцев стопы. Последовательно осуществив растирание и разминание стопы, продвигаться к голеностопу. Далее поочередно продолжать массаж ахиллова сухожилия, икроножных мышц, коленного сустава и мышц бедра.

Самомассаж продолжается 10 — 15 минут. При этом нужно соблюдать следующие правила: не массировать грязную кожу; перед массажем вымыть руки и смазать ладони лосьонами «Старт», «Финиш» или, слегка, вазелином; самомассаж делать не спеша, от периферических участков ноги или руки, мышцы должны быть расслаблены. Самомассаж в походных условиях возможен 2 раза в день: утром — после сна и вечером — после остановки на ночлег.

Самоконтроль туриста

Каждый турист должен уметь определять состояние своего организма, пользуясь для этой цели физиологическими показателями (деятельность сердца и легких, изменение веса тела, сон, аппетит, самочувствие, настроение). Чтобы предупредить переутомление в походе, определить индивидуальную физическую нагрузку и темп движения, необходимо знать нормальные пределы этих показателей.

Работа сердца контролируется подсчетом частоты пульса. У здоровых людей частота пульса равна частоте сердечных сокращений. В покое пульс у мужчин равен 60 — 70 ударам в минуту, у женщин — 70 — 80 ударам. При любой физической нагрузке пульс учащается. Подсчитывая частоту пульса после нагрузки и время возврата к исходной цифре, можно судить о тренированности сердечной мышцы и ее функциональных возможностях. У человека при движении пульс может увеличиться до 100-120 ударов в минуту. Более частый пульс считается показателем плохой подготовленности туриста.

Пульс подсчитывается в течение 15 секунд; умножив результат на 4, получим частоту в минуту. Прощупывается пульс на лучевой артерии, выше лучезапястного сустава, по ладонной поверхности предплечья. Если пульс не приходит к исходной цифре за период восстановления или имеются перебои в его ритме, значит, наступило переутомление.

Большой вес рюкзака и быстрый темп движения могут вызвать учаще-

ние пульса до 150 — 180 ударов в минуту. Период восстановления пульса после перехода 1 — 2 часа. В первые 2 — 3 дня похода наблюдается учащение пульса у всех участников, что объясняется приспособлением организма к повышенным физическим нагрузкам. Затем пульс постепенно приходит к исходным цифрам.

Частота, глубина и ритм дыхания при физической нагрузке зависят от интенсивности мышечной деятельности, степени утомления, возраста и пола, условий внешней среды. Нормальная частота дыхания взрослого человека в покое 16 — 18 раз в минуту, в зависимости от интенсивности. Под влиянием физической нагрузки дыхание учащается иногда до 50 раз в минуту, что вызывается возрастающей потребностью органов и тканей организма в кислороде. При длительных физических нагрузках в походе рекомендуется глубокое и редкое дыхание. Чем глубже вдох, тем больше попадает в легкие воздуха. Чем реже дыхание (воздух дольше задерживается в легких), тем больше кислорода поглощается кровью.

В первые дни путешествия вес тела уменьшается, однако затем наступает его стабилизация — при условии ежедневного соблюдения равномерной физической нагрузки (вес рюкзака, темп движения, пройденные отрезки маршрута и правильно организованные питьевой режим и питание). Большая потеря веса в походе в сочетании с другими признаками (плохой аппетит, вялость, плохой сон) говорят о переутомлении.

Сон, аппетит, самочувствие и настроение имеют субъективный характер. Отклонения от нормы этих показателей свидетельствуют о начале переутомления и необходимости более длительного отдыха (несколько суток). Восемичасовой сон обязателен для туриста. Сон должен быть крепким. Утром турист должен чувствовать себя бодрым. Бессонница и сонливость служат признаком переутомления.

В комплексе все описанные показатели говорят о способности туриста продолжать путешествие.

Лариса РАТУШНАЯ

* * *

Э. Бояршиновой

Пройдут года.
Газет истлеет ворох,
Что красил черной краской наши дни.
И выйдут равнодушные весы
На первый план свершившейся истории.
На тех весах уравновесят век,
Где было все: и счастье, и грехи...
Об этом лучше всех,
Вернее всех
Расскажут неподкупные стихи.

* * *

Осенний свет и неба цвет — едины;
Перед зимой красуются без сна.
И горький вкус, и яркий цвет рябины
Мне дарят грани красного вина.

Но не дано губами прикоснуться
К весёлым искрам драгоценных вин.
Не потому ли в памяти несутся
Года ушедших чистых белых зим?

Мои года уже за гранью века,
А век другой не понят и не мой.
Мои года, упрямые, как вехи,
За гранью века встали на постой.

Но погоди! Не всё ещё пропало.
И виночерпий где-то впереди,
Ещё стоят и ждут ещё вокзалы
На бесконечно радостном пути.

* * *

Посмотрела вперёд — и увидела синюю птицу,
Облака над землёй. И, как в сказке, волшебную даль.
Оглянулась назад — и в снегах утонула синица,
Над промерзшей землёй разлилась и застыла печаль.

И вселенская боль, и тоска заскулили позёмкой,
Заюлили, кружась, и запели о чём-то снега...
А Любовь и Надежда, что жили в упрямой девчонке,
Где-то вместе с синицей остались в утерянных днях.

* * *

Хочу опять, как много лет назад
Сорваться с места и идти куда-то
Куда идти? Куда глаза глядят,
Вдыхая краски праздничных закатов.

И ни о чем не думать, не гадать,
Быть вновь свободной от всего на свете.
Дорога, пыль, а в небе солнце светит.
Я и земля: Какая благодать!

* * *

Не будет меня. Только кто-то мой голос услышит.
Услышит его и достанет из строчек и слов,
Что грели меня под заплатанной, старою крышей...
И вырвется духом в созвездье далёких миров.

А может быть, просто вздохнёт о забытой печали,
Что я уронила в те строчки, мечтая тайком
О том, чтоб из снежного плена вернулись скрижали,
Вернулись, любовью мой осветлив дом.

Не будет меня. Не меня — просто старого тела,
Душа же взвьётся и вырвется птицею ввысь.
Последняя песня, что я до конца не допела,
Прольётся неспешно в какую-то новую жизнь.

* * *

Не седлай мне коня!
Не гони мое время!
Не гаси этот белый безоблачный свет!
Мне нельзя оставлять мое кошащее племя,
Мне нельзя предавать и собачий привет.
Ждут меня за дверьми,
Словно манны небесной...
И с ладоней берут благодарно еду.
Льется солнечный свет, и опять легковесно
Я на призрачный зов, улыбаясь, иду!

* * *

Вот и зимы короткими стали.
Оглянулась — не снег, а ручьи.
Зажурчали, спешат, побежали...
И уже на подлете грачи.

Истончается Время, струится
И спешит утянуть за собой...
И уже за оградой лица,
Что смеялись вчера над тобой.

Ну, а ты, понимая, что скоро,
Все же лишь свое Время и лишь.
Новый день, он еще не распорот,
Не раскрыт на Вечность и Жизнь.

* * *

Все больше тех, о ком никто не плачет,
Им целый мир чужбиной был всегда.
Так для чего всходила их звезда,
Коль смысл их жизней был не обозначен?!

И сердце билось. Для чего, скажи!
Ведь для чего-то в мир они входили?
Вот лист упал, на нем слеза дрожит...
О ком? О них ли? Ждали, жили, были.

Продолжение на стр. 70.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ

*«Бегищие от смерти».
Волостникова И. Г. 2004 г., х., м.*

*«Подрыв».
Кулев П. Д., х., м.*

*«Взорванная тишина».
Девярых-Август Е. Е. 2004 г., см. техника.*

* * *

*«Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом...»
Ярослав Смеляков*

Постелить бы мне степь и поставить звезду в изголовье,
И забыть навсегда о негнущихся старых ногах,
И сорваться, как раньше, в тайгу за бедой и любовью,
Оставляя уют за спиной и страх.

Ах! Как хочется вновь по весне - за весенним потоком -
Грязь месить и не знать - то, что скажется это потом.
Ты идешь с рюкзаком. Твое сердце как небо высоко,
И заветная песня летит над таежным костром.

* * *

Наверно, до самых последних минут
Ты будешь со мной в подсознании где-то...
И даже, когда все минуты уйдут,
Останешься тонкой полоскою света.

Мы прожили порознь. Но встреча была
Под ветром, что холод нам нес с океана,
Оазисом жарким в сердцах расцвела
Зимой в пересыльной тюрьме Магадана.

На день выводили нас с разных сторон,
Мы были артистами в аде кромешном
И людям в бушлатах несли свой поклон,
Чтоб жизнь, что была бездуховной и грешной,
Казалась светлей им хотя бы на час -
И нам отвечали сиянием глаз.

И, может быть, выжили мы потому,
Что были святыми для них в том аду.

Беснуется ветер, и снег, и пурга...
И в судьбах у нас никакого просвета.
Но все преходяще...
И тают снега,
И все же приходят - свобода и лето.

* * *

Канут в бездну и письма, и мысли,
Неоконченных строчек редут.
Как он хрупок, мой мир, как зависим
От тяжелых и горьких минут.

Вот сознание на легких качелях,
И вокруг тишины благодать...
Но качнулись весы - и недели,
Что копили тепло, полетели -
И осколков уже не собрать.

И опять из горячих слезинок
Собираю я жемчуг тепла,
Чтобы жизнь, что толкается в спину
Напрочь сбить меня с ног не смогла.

* * *

Окунула глаза в небеса,
А быть может, в твоих утонула.
Светло-серого неба краса
Над безбрежностью белого гула.

Так и сыплет хрустящей крупой,
Засыпая бараки по поясу.
Я стою над застывшей рекой,
Я и ты - в целом мире нас двое.

И незначим «колючки» запрет,
И не видно на вышках конвоя.
Мы смеемся - и эхо в ответ
Голосит: в целом мире вас двое.

* * *

(Читая Ю. Казарина)

Закрытый мир упрятан прочно;
И непонятна вертикаль,
Что под ноги кидает сочни,
Скрывая в воздухе печаль.

Что небо, как зрачком на Землю,
Недвижно смотрит на тебя.
Земля ворчит, но все же внемлет,
Пусть для порядка - не любя.

А ты как будто непричастен.
И смерть, и жизнь идут сплетаясь,
Где места нет беде и счастью,
Где лишь предметов твердых власть.

Закрытый мир. Но вдруг - прозреньем,
Как вспышка ярости войны,
Одна из лучших строк творенья:
«Жизнь у бессмертия взаимы»...

* * *

И если на земном пиру
Твоей мне не досталось доли -
Я отыщу в земной юдоли
Другую долю и игру.

Я у другого, пусть он занят,
И пусть он найден - мне равно, -
Жар-птицы выдерну перо,
Другую жизнь зажгу в тумане.

И новой жизни новый свет
Меня пред всеми оправдает.
Я не ищу земного рая,
Я жизнь дарю на много лет.

Ян Вильчковский

Из воспоминаний старого лесничего

Древесный уголь

Главное Правление имуществом наследников Демидова князя Сан-Донато находилось в Петербурге. Во главе местного в Нижнем Тагиле (Пермская губерния) стоял главный управляющий, при нем служили два помощника. Первый — горный инженер, он занимался делами заводов и рудников, второй — главный лесничий, стоявший во главе общего управления лесами и дачами, а также контролировавший работы по приготовлению древесного угля, дров и всех лесоматериалов, а также торфоразработки, ведущиеся для нужд заводов, которых в Нижнетагильском округе было десять и в Луньевском (частные владения) два, не считая рудников и других предприятий и учреждений.

Два горных округа ежегодно расходовали 1,2 - 1,3 миллиона кубических аршин древесного угля, 30 тысяч кубических сажень дров, часть которых шла из сушиняка, до 15 тысяч кубических сажень пней, 15 тысяч кубических сажень хвороста на вырубках и 10 тысяч сажень торфа. Кроме этого из собственных рудников получали каменный уголь и антрацит в Луньевском округе. Несмотря на это, если бы все заводы не использовали дополнительно водную энергию, то вышеуказанного количества топлива было бы абсолютно недостаточно.

В начале февраля директора фабрик, рудников и горнозаводской железной дороги предоставляли данные о необходимом для вверенных им производств количестве лесоматериалов. Исходя из этих заявок, лесной отдел составлял примерный план, отражая в нем, из какого именно лесничества, какой материал и в каком количестве может быть доставлен на данную фабрику. Во второй половине марта собирался «лесной совет», который окончательно рассматривал этот вопрос и принимал решения.

Исходя из стоимости доставки материалов к месту их выработки, находящиеся в отдалении вырубки предназначались на уголь, а расположенные ближе использовались в качестве лесоматериалов и дров.

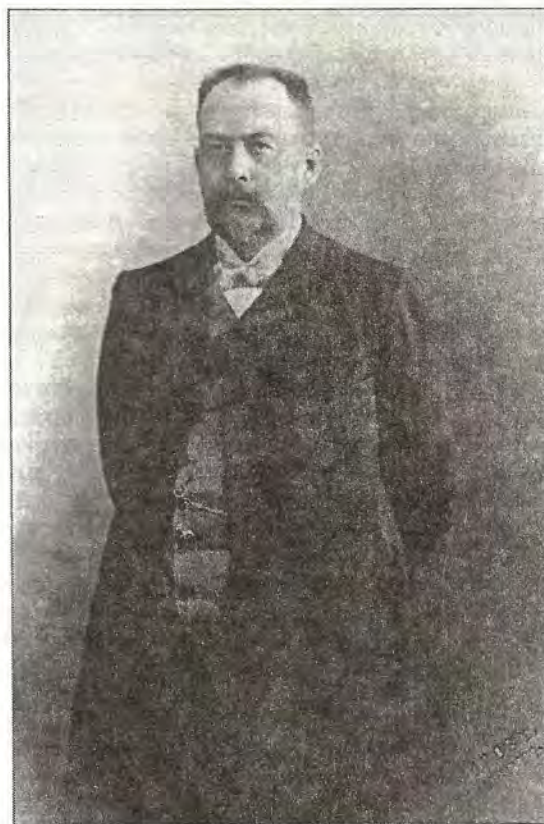
В начале апреля начиналась работа по вырубке лесов. Независимо от того, для какой цели использовался впоследствии лес, при его обработке были приняты следующие нормы: стволы распиливались на поленья длиной 2 аршина, поленья объемом до 4 вершков не рубились, а от 4 до 7 вершков разрубались на две части, а более толстые — на четыре.

При производстве древесного угля хворост на вырубке использовался самими углежогами; таким обра-

зом, просеки очищались без ущерба для капитала лесничества.

Для среднего состояния хвойного леса, при 50-саженной ширине просеки, на одну сажень длины нормой было получение 6 кубических аршин угля. Относительно этой нормы отмерялся определенный участок для артели, которая обязывалась по контракту доставить к зиме указанное количество угля.

Приготовленные для будущего древесного угля поленья были специальным образом уложены. В сентябре, после того как они просыхали, углежоги начинали укладывать из них вертикальную кучу объемом от 5 до 7 аршин, отдельно еловую, отдельно сосновую и березовую. Первые два слоя укладывались вертикально, а на них клалась вертикальная крыша, так, чтобы конструкция имела форму конуса.

Ян Вильчковский.

(Окончание. Начало в № 3,4, 2004).

Уголок уральского леса.

В середине сложенной кучи оставалось небольшое пространство — канал, который заполнялся щепой и берестой. Кучу посыпали пеплом из ранее сожженных куч, а затем плотно прикрывали дерном; чтобы регулировать процесс сгорания, сверху делали щели, чтобы огонь равномерно шел вниз. Все иные щели тщательно заделывались.

Процесс углежжения длился от 10 до 17 дней, в зависимости от погоды и объема кучи, затем ее разбирали и уголь складывали рядом, стараясь гасить тление водой и пеплом.

После установления санного пути начинался вывоз угля в коробах, объем которых равнялся 6 кубическим аршинам.

Согласно договору, до окончания работ артель получала лишь аванс, а окончательный расчет проводился после исполнения всего объема работы и принятия заводом угля, тогда лесничество выплачивало артельщикам оставшуюся часть заработанных денег.

Из-за разницы лесов, в зависимости от рода почвы, мокрой или сухой и гористой, нехватки на месте дерна и т. д., некоторые артели, а иногда конкретные работники получали повышенное вознаграждение.

Плата за вывоз угля, также и других материалов, устанавливалась от версты и короба по отношению к средней цене овса, принимая в расчет количество рейсов, которые можно было совершить в течение недели из этой точки. В качестве точки отсчета бралась средняя цена овса, объявляемая на воскресной ярмарке за декабрь, январь и февраль. Данные о ценах собирали депутаты от сельского схода и завода. По средним данным и рассчитывалась в конечном итоге стоимость доставки материалов.

В округах господствовало три типа лесов, потому получаемый уголь был по преимуществу еловый и сосновый, при небольшом проценте березового, который ценился на заводах гораздо выше двух первых.

В Нижнетагильском округе для выжигания древесного угля применяли печи, так как в этом случае расходы на производство резко сокращались, но, к сожалению, страдало качество. Уголь складировался в одном месте и его возможно было использовать в широком масштабе во владениях Луньевского округа, а именно в Усьве, на территории которого по обе стороны большой реки Усьвы располагалось 80 тысяч десятин старого елового леса.

Во время зимы бревна вывозились с прибрежных участков к самой Усьве или меньшим речкам, а летом сплавлялись к

ближайшему от железнодорожной станции пункту, там располагались печи для выжигания угля. Этих печей системы Шварца было 120 — каждая объемом пять кубических сажень, в течение года в них можно было проводить от 15 до 20 операций.

Таким способом приготовленный уголь отправлялся железной дорогой в собственных («американских») вагонах специальной конструкции, на заводы Нижнетагильского округа.

Короб выжженного в печи угля был на два пуда легче угля из углевых куч, но при этом содержал в себе значительно меньше чистого угля, потому и спрос на него был меньший.

На участках, предназначенных на вырубку, сначала выбирался строительный лес, а остальное шло на дрова. Колоды длиной два аршина разрубались так же, как и в случае с углем. А для дров служили поленья длиной в один аршин. Оставшийся хворост связывался проволокой в охапки и устанавливался на особой конструкции (козлах). Через несколько лет на вырубках начинали корчевать пни. В этих местах, так же, как и в местах выжигания угля, где сдирали дерн и оставляли голое поле, часть земли вскапывалась, а это в будущем положительно влияло на восстановление лесного покрова.

Продажа леса

Я ознакомился с характером лесов Луньевского округа (по преимуществу это были еловые леса в возрасте от 150 до 250 лет), и пришел к выводу, что необходимость в этих лесах для заводов незначительная. У меня родился план выгодной продажи этого леса: используя удобный лесосплав по притокам Камы, доставить лес в Царицын

(ныне Волгоград.- Ред.), где на него был большой спрос и высокие цены. Я внес предложение об отводе этого леса на продажу. В отведенных под вырубку участках будет в первую очередь использоваться лесостроительный материал. Именно такой лес был нужен на рынке в Царицыне, оттуда после обработки на местных лесопилках дерево высылалось на юг России и Северный Кавказ.

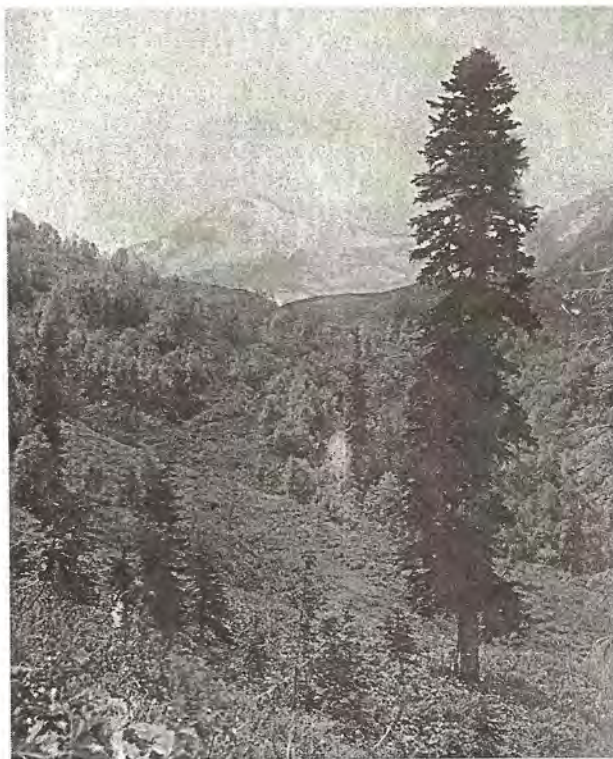
Два года я пытался переубедить местное правление, наконец, Петербургское правление по моему настоянию разрешило в качестве эксперимента вырубить одну тысячу штук. Получив это разрешение, я вырубил шесть тысяч, так как никто из купцов на Каме не покупал меньшей, чем шесть тысяч штук, партии. Когда после окончания операции, которую к тому же я проводил за аванс, полученный под будущую партию, я с прибылью окупил расходы, все были удивлены и разрешили рубку в максимально возможном количестве.

Когда на третий год было вырублено и продано 30 тысяч штук бревен, раздалась претензия: почему так мало, если возможно получать такую прибыль. Я вынужден был объяснять господам членам совета Петербургского правления, что существуют определенные трудности. Для ведения операций рабочих нужно нанимать и перевозить за 100-200 верст, запастись для них провизию и фураж, инвентарь и продукты привозить со станции, расположенной в 80-120 верстах, для продуктов было необходимо построить склады и бараки, а для сплава леса нанять татар из Казанской губернии. (В последний год моего пребывания в должности главного лесничего во всех трех лесничествах Луньевского округа было вырублено около 100 000 штук деревьев.)

Правление не имело нужды ускорять процесс, так как осенью на торгах в Перми при продаже на бирже за партию леса купцы платили треть цены при заключении договора, другую треть в феврале, а остальное - после принятия партии, что обычно случалось в начале июля.

Как я уже упоминал, Тагильский округ был поделен на шесть лесничеств, в Луньевском было три лесничества и в арендованных лесах лесного департамента - одно; все вместе - десять лесничеств, во главе которых стояли местные лесничие. В их обязанности входил общий надзор за целостностью лесов и лесной охраной, а также проведение всех операций при вырубке лесов для нужд заводов, то есть принятие всех выполненных в лесу работ, а после доставки на место - принятие материала, его складирование и расчет за произведенные работы. В их компетенции находилась и продажа леса местному населению. Исходя из объема и важности работ, лесничий имел от двух до пяти помощников и расчетчиков. Лесная конная стража должна была каждые две недели доставлять от каждой артели рапорт о введшихся работах; на основании находящихся в нем данных артельщикам выплачивался аванс.

Центральное лесное управление вместе с местными лесничествами и мастерами, работавшими при печах, насчитывало 270 работников, количество на такие площади и объемы работы, прямо скажем, небольшое. Задачу облегчало то, что до 1906 года порча лесов была незначительная и случалась только рядом с деревнями и фабриками.

Горы и сосна.

Горнозаводская школа

Кроме обязанностей главного лесничего, мне довелось исполнять еще и иные обязанности. Верхотурским земским собранием я был избран почетным мировым судьей. Очень часто мне приходилось участвовать в заседаниях Екатеринбургского окружного суда как члену такового во время срока моего избрания в Тагиле.

В течение 10 лет я исполнял обязанности председателя в местном обществе охотников, а об иных общественных обязанностях, не слишком занимавших время, я не буду и упоминать.

Хотя, как главный лесничий, я имел множество занятий, мне пришлось принять место учителя в горнозаводской школе, чтобы по-прежнему оставаться на государственной службе. К тому же из воспитанников той школы формировались кадры моих будущих коллег. Школа принадлежала права государственного учебного заведения, но содержалась она, главным образом, из процентного отчисления из получаемого заводскими чиновниками жалования. Частично выделяло помощь и правление. Обучение в школе было бесплатным, первенство поступления в школу имели дети чиновников и служащих двух горных округов, а затем принимали и остальные. Число учеников доходило до 150 человек. Для принятия нужно было иметь свидетельство об оконча-

нии начальной школы. Теоретический курс был четырехлетним, пятый год учащиеся занимались практикой согласно избранной специализации: металлургия, горное дело, лесное дело, бухгалтерия. Практиканты получали вознаграждение — 30 рублей в месяц и практику проходили в основном под руководством своих учителей. Интересно, что в 1903 году отмечался 200-летний юбилей этой школы. По всей видимости, это было старейшее российское учебное заведение. Основана была Демидовым и называлась тогда «Цифирная».

В течение недели я должен был посвящать школе восемь часов, читая лекции по ботанике в первом и втором классе, лесному делу — в третьем, межеванию и лесной технологии — в четвертом. Желавшие посвятить себя деятельности на ниве лесничества проходили под моим руководством курс практических занятий, после предоставления рапорта о пройденной практике учащиеся получали свидетельство об окончании школы.

Для наглядных опытов я устроил небольшой опытный участок, где кроме местных сортов деревьев были посажены и специально заказанные. Также я построил сушилку для шишек. Доход от продажи семян еловых и сосновых шишек я использовал на школьные показы семян и сажания лесов. Доход от продаж был неплохой, так как семена охотно покупала Рига, рассчитывающая вырастить корабельный лес.

Во время строительства железной дороги и позже, во время Японской войны, заводы работали интенсивно, но по окончании последней вынуждены были искать новые рынки сбыта, промышленность переживала спад. Тем временем в 1906 году начались общие забастовки. Уменьшился выпуск продукции, и постоянные забастовки послужили причиной нехватки материалов. Все это привело к сокращению численности инженерного состава и уменьшению заработков, несвоевременной выплате жалования всем чиновникам, не говоря уже о самих рабочих, число которых в сто раз превышало число чиновников. Сложная ситуация усугублялась следующими обстоятельствами. Работники уральских заводов были особой категорией, они не были крепостными, считались «заводскими мастерами», но наравне с бывшими крепостными должны были получать земельные наделы. Работы по выделению наделов в посессионных владениях были начаты

лишь в конце 1890-х годов и тянулись очень долго. Из-за отсутствия работы на заводах и под влиянием агитации толпы рабочих бросились вырубать леса, добывать золото и платину, считая, что земля рано или поздно будет принадлежать им. Отношения с местными резко ухудшились.

За время моей десятилетней службы на заводах сменилось пять главноруководящих. Последний из них приехал весной 1909 года, его уже с нетерпением ждали рабочие, которые надеялись, что он привезет хотя бы задолженную им зарплату, тем более, что когда-то он председательствовал на рабочих собраниях. Когда оказалось, что и он привез только обещания, уже столько раз ими слышанные, то посланные к нему депутаты сказали: «Ну и зачем ты приехал, мог бы свой портрет выслать».

Отношения резко обострились, а когда для охраны заводского имущества, а главным образом собственной персоны, главномуруководящий выписал сотню ингушей (самое дикое кавказское племя) и когда они нагайками начали наводить порядок, положение некоторых руководителей стало невыносимым. Поэтому, хоть у меня и было несколько предложений перейти в иное частное владение на более выгодных условиях, я решил вернуться на государственную службу в Лесной департамент. С 1 января 1910 года я уволился с занимаемой должности.

Местные пермские и екатеринбургские газеты выразили сожаление, что один из наиболее талантливых и уважаемых лесничих покидает Урал. Для меня это было наградой за 18-летний труд в казенных и частных лесах этого богатого края. Не буду вспоминать о сердечном прощании с коллегами и сослуживцами.

Публикация Татьяны Мосуновой.

Караван.

Алексей ЯКИМОВ

Мутант

Въезд на Калинов мост был перегорожен новеньким полосатым шлагбаумом, на котором красовалась нанесенная через трафарет табличка: «Таможня. Досмотр ручного багажа и конской поклажи. Плата за проезд — три гривны». Посреди моста возле перил торчал пограничный столб с указателями направлений. На фанерной стрелке, которая целила путнику прямо в левый глаз, значилось: «Тридешатое царство». На стрелке, которая отсылала проезжающего в простирающееся за мостом прилье, было написано: «Тридешатое царство».

Иван-Дурак, не слезая с Коня Богатырского, хмуро постучал носком сапога в стенку дощатой будки возле шлагбаума. В будке возникло какое-то движение, звякнуло стекло, и на пороге появился заспанный Горыныч.

— Контрабанда, оружие, наркотики, — уныло проговорил он, протирая по очереди слева направо шесть глаз на трех своих головах.

— И давно это у тебя? — невпопад спросил Иван-Дурак.

— Со вчерашнего вечера, — задумчиво произнес Горыныч.

— Контрабанда, оружие, наркотики, — снова без всякого интереса проговорил Горыныч.

— Только оружие, — Иван-Дурак похлопал по мечу, висевшему у седла.

— Разрешение есть? — вяло осведомился Горыныч.

— А то! Мы ж на государевой службе. Нам без разрешения нельзя... Так что, давай, коллега, поднимай свою деревяшку, — Иван-дурак ткнул носом сапога в сторону шлагбаума.

— Какой я тебе коллега? — кисло возразил Горыныч. — У меня частное предприятие.

— То есть как — частное? Мост, он твой, что ли?

— А чей же? — в глазах Горыныча впервые блеснул огонек. — Мой и есть. Сам, понимаешь, по бревнышку, своими руками...

И как бы в доказательство своих слов, Горыныч развел в стороны руки. При этом правая голова любовно оглядывала правую руку, левая — левую, а средняя голова вызывающе таращилась на Ивана-Дурака.

Настроение у Ивана-Дурака было хреновое, гривен на проезд по горынычеву мосту тоже не было.

— Мы таких капиталистов-частников еще в семнадцатом..., — процедил Иван-Дурак сквозь зубы.

Носком все того же сапога он попинал висящий у седла меч. Меч шлепнулся несколько раз о бок Коня Богатырского, отчего конь засучил ногами и пособачьи заложил уши.

Горыныч со скукой в четырех глазах покосился на меч:

— Не советую. Один такой пару лет назад попробовал — вишь, что получилось...

— А что получилось? — оживился Иван-Дурак.

— Дык, я ведь раньше двухговым был... Одну голову тот придурок снес — на ее месте сейчас же две новых выросло. Так что и не пробуй даже — бесполезно.

Иван-Дурак на минуту призадумался, а потом решительно отцепил свой Кладенец от седла. Горыныч не сделал даже попытки отскочить.

Одним отработанным ударом Иван-Дурак снес Горынычу все три головы. Правая рука Горыныча поднялась и сделала движение, как если бы он захотел покрутить пальцем у виска. Впрочем, через мгновение так и получилось. Крайняя правая голова возникла как раз напротив пальца, совершавшего в воздухе вращательные движения. Обидный жест Горыныча получил свое логическое завершение.

Шестью парами глаза Горыныч укоризненно смотрел, как Иван-Дурак отводит Кладенец для нового удара. Вжик! Чпок! На плечах Горыныча красовались уже двенадцать новеньких голов. Все они одновременно сплюнули на Калинов мост и хором сказали:

— Едрит твою мать!

...Когда Иван-Дурак съезжал с Калинова моста в направлении Тридешатого царства, за его спиной слышалось только громкое многоголосое кряхтение. Рядом с будкой таможенного контроля, не загорая живая, впрочем, дороги, валялся плотный клубок из нескольких сотен горынычевых голов. Головы сердито вращали глазами и пыхтели. Сбоку из этого клубка торчало туловище Горыныча, которое болтало в воздухе ногами и пыталось занять вертикальное положение.

До государевой службы Иван-Дурак был профессионалом математики, и теперь он с уважением размышлял о такой замечательной штуке, как геометрическая прогрессия. А еще он думал, что неплохо было бы почитать что-нибудь из генетики. Чтобы узнать побольше о мутантах — чудные они ребята...

текст: Анна Теткина
 фото: Олег Новоселов
 пояснения: Сергей Мельников

Сплав по реке БЕРЕЗЯК

С последнего нашего майского похода прошло немало лет, и мы с подружкой серьезно затосковали по воде. После многолетних и однообразных выездов на Ревун на 1 мая предложение сходить на Березяк, что на Южном Урале, показалось особенно заманчивым, хотя и предложением-то сложно назвать. Мы руководителю: ну, Серееега, пойдем на Березяк, ну Сееерееега?? Серега был, оказывается, не супротив нашего присутствия, и мы ринулись на поиски катамаранов, весел и прочего. То есть ринулись не мы, а Настя, за что ей огромное спасибо. Команда собиралась неизвестная нам, но, по слухам, очень приятные люди. Итак, мы идем в поход с 26 незнакомыми нам людьми.

Сборы были стремительными, а потому нервными. Вова жутко нас подводил, да еще выяснилось, что потеряли спальники. В результате нас грузят с тремя рюкзаками в такси, а Вова бежит домой ко мне и Насте, чтобы взять наши старенькие спальники. Звонок родителям —

придет Вова выдать спальник, не задерживать, чаем не поить, а мы мчимся на машине по ночному Екатеринбург. Замечательный водитель, нарушая все правила и ворча на тему загадочной женской души, довез нас до пункта назначения. Выгрузились напротив каких-то ворот. Стоим с рюкзаками и думаем, как нам это все барахло внутрь-то затащить, тут к нам под ноги кубарем подлетает какой-то ребенок, жаждущий помочь. Затащили, в общем, втроем. Стоим в нерешительности: куда идти? Тут во тьме голос:

— Вы кто?

Мы, испугавшись:

— Аня и Настя.

Голос:

— Аня и Настя, по тыще рублей сейчас!

Мы со страху быстренько выгребли деньги и отдали голосу. Голосом оказался наш казначей, как выяснилось позже при знакомстве.

Грузились до 00:30, выехали шумно, весело, туда-сюда по автобусу тянулись руки за пивом и едой. Вскоре все уснули, съездившись на неудобных креслах. Автобус остановился и открыл двери, все скукожились от холодного ветра, ворвавшегося внутрь, и проснулись. Ринулись на разведку. Стоим у шлагбаума, и какой-то мужичок с кучей бумаг, потирая лысину, думает, сколько же денег с нас взять за то, что мы заедем на территорию национального парка. Мы отказываемся от всех благ, но он никак не верит, что мы обойдемся без костра. Итого — по 60 рублей с человека. Мы с Настей бежим к карте, потому что понимание того, где мы находимся, отсутствует полностью. На карте обозначены вершины, читаем: «Перевал Большая Сука». Уж не на него ли нам лезть? — с грустью подумали мы, но пришел Вова и показал горку рядом: вот это наш план на сегодня. Эх, этот пеший туризм...

Выгрузили нас тут же, у шлагбаума. Вышли с рюкзаками все сонные, но почему-то веселые, все натягивают

сапоги. А у нас нет сапог. Решаем, что ничего страшного, нет такой лужи, которую не обойти. О, как мы ошибались! Но сейчас не об этом. Шумные сборы и поедание еды, оставшейся с автобуса (не тащить ведь). Все полны энтузиазма. Скоро взойдет солнце и будет хорошо. Весла втыкаем в рюкзаки, и они торчат, как антенны. Наслушались комментариев, похотели и дружной толпой движемся в неизвестность....

Идем, идем и идем. Вокруг красотища, а мы тащимся в гору, созерцая рюкзак впереди идущего. Солнце проснулось таки, загораем и шутим пока что. Через пару часиков ходьбы часть детей под предводительством

Максима уходит на поиски какого-то фонтана — говорят, оплачено, надо все посмотреть. Руководитель в белой отглаженной рубашке и таких же отглаженных брюках (любо-дорого посмотреть) во главе толпы детей, полные энтузиазма, покидают нас, а нам лень делать лишний крюк, мы тащимся дальше вперед. Рано радовались на солнце; оно куда то подло скрылось, нам холодно и сыро. Обедали с охотниками, хорошие ребята. Угостили нас чаем и уехали куда то на тракторе, а мы выжимаем носки и ждем вкусенького обеда. Часть народа расположилась в прицепе от трактора, на сене, поспать. Эх мало сена накидали, всем не хватило, поэтому остальные кимарят у костра. Ждем детей, никуда не торопимся... Хорошо!

После обеда опять двинулись в путь. Теперь нас ждали еще один сюрприз — огромные лужи. От усталости

на привалах дурачимся, закидываем снежками друг друга, в общем, гоняемся за положительными эмоциями. Сверху жарко, снизу холодно. И дем.

Дети нас догнали быстро, фонтан так и не нашли. Переплатили все-таки за блага на шлагбауме.

К середине дня начинаем проваливаться в лужи, все мокрые, но по-прежнему веселые. Серега обнадеживает: как перевал перегнем, там рай, солнце, травка, никакого снега, приятная дорога, вся в цветочках. А мы и верим и торопимся навстречу, в «райские сады». Перевал перегнули уже в сумерках, а там снег, много снега и никаких райских цветочков. Хм... — сказал руководитель. Приняли решение делать незапланированную стоянку. Ну что ж, мы шутим, сидим на перевале, смотрим на южный склон БЕЗ ЦВЕТЧКОВ и хохочем. Идем до стоянки, все проваливаются под снег, наконец нашли

Заброска

Доехать до ст. Бердяуш. (Поезд Нижнеартовск— Самара прибывает в 1 час ночи, ночевка на вокзале под памятником Ленина).

В 6 часов утра рабочей поезд до ст. Сатка (прибываем в 8 ч утра).

Ловить машину или автобус до деревни Сибирка, за 5 км до деревни шлагбаум: въезд в заповедник «Национальный парк «Зюраткуль» — платный.

Далее, после заезда в деревню Сибирка - пешком или на машине «Урал» — 8 км до полуразрушенного моста на речушке Калагада.

Далее примерно 7 км до перевала, после перевала еще 7 км по южному склону хребта Нургуш. Перед самой рекой дорога петляет, становится болотистой (местами по пояс). Основной ориентир перед рекой — справа молодой березняк. У речки большая хорошая стоянка.

место, красивое и удобное. Мужики начали махать веслами, снег разгрести под палатки, дежурные опять варят какую то вкуснятину, а из леса треск — женщины кинулись лапник готовить. И это 1 мая. Потом чаевничали, сушились... Приятная усталость, спать легли рано.

Утро следующего дня было облачным, под ногами куча снега, собрались все быстро. Скорей бы к реке. Мы бормочем, натягивая рюкзаки, что-то типа: Ничего себе водный поход! И двигаемся дальше. Сегодня южная сторона склона порадовала нас не просто лужами, а прям реками какими-то. Вот Головлиным-то хорошо, они не мокут, а все остальные каждый привал растирали ноги и выжимали носки. В последней (как оказалось) луже наша любимая Наталья

Сергевна, она же Наталья Петровна, она же Наталья Бенедиктовна, чуть не потопла из-за маленького роста и тяжелого рюкзака. Борьбу за жизнь в глубочайшей луже засняли на камеру.

Еще чуть-чуть — и вот он Березяк. Шумит. Стоянка. Наконец-то дошли! Все радостные, растирают ноги спиртом, и мужики критически наблюдают, не много ли спирта мы расходует на ноги, а то ведь и «на внутрь» надо оставить. Мы откупаемся от них водкой, и довольные долгожданной сухостью в ботинках, бежим готовить гороховый суп. Народ развеселился, поет песни под гитару... Наконец-то хорошо, и солнце тут как тут. Встретили группу туристов из Уфы: у них пеший поход на 12 дней, сочувствуем им, хихикаем втихаря (вот влипли ребята) и поим чаем. После обеда до ночи ковырялись с катамаранами. Все устали, но довольные. Наконец-то завтра начнется сплав. Всю ночь пели песни, травили байки.

Утро порадовало нас солнышком. Быстро собираемся. При сборах в Воином рюкзаке обнаруживается платье, к чему бы это?? Оказалось кто-то ему засунул в рюкзак еще в НГ, а забрать забыли. Все уговоры померять не возымели успеха, увы. Речка приятно плещется, вальчики. В общем, начало путешествия по воде приятное. Но кто-то, видимо, решил выключить солнышко: все небо затянулось тучами. А мы нарвались на ледяной затор. Катамаран руководителя вырвался вперед и засел на льду, мы пережидали в суводи; пока ждали, наверху что-то прорвало и мимо нас понесли глыбы льда. Зрелище ужасающее, пугающее и тому подобное. Принято решение обносить. Опять в лужах по пояс, тащим катамараны. Ну почему ж все-таки так весело? Лед обнесен. Едем дальше. И тут началось. Залетаем на лед, балансируя на нем, тащим каты. Опять лужа воды, пры-

Река Березяк

Узкая спокойная река сильно петляет, по берегам кусты. Через два—три км Первый завал (после крутого левого поворота примерно на 180 градусов). Обнос по левому берегу, или судно перебрасывается через бревно. Далее течение реки по-прежнему спокойно. Через 6-7 км незаметно, слева, впадает Малый Березяк.

С этого места характер реки меняется: течение ускоряется, растет уклон, появляются первые шиверы. Это начинается 1 участок порогов продолжительностью 5 км. В русле камни, валы, шиверы - примерно 3 кат.сл. для байдарки.

Далее следует очередной участок спокойной воды продолжительностью 10-12 км. Берега сильно заболочены.

Затем, вниз по направлению реки, на горизонте видно схождение двух хребтов. Начинаются первые шиверы второго каскада. В русле, в центре и слева, остатки старого деревянного моста это является ориентиром входной шиверы. Через 200 м после разрушенного моста идет разгонный участок. Начинается основная часть шиверы - 300-500м. Сложность зависит от уровня воды, - примерно третья категория сложности. После этого участка, в начале левого поворота желательно зачалиться для просмотра Первого порога Второго каскада. Порог длиной 200 м. проходится по центру. После порога река делает правый поворот, за ним следует левый. Скорость течения реки значительно возрастает.

гаем до следующего льда и так весь день. Гуляя по воде и льду, прошли до вечера, пара человек славно искупались. На перекурах жгли костры и чинили катамараны, солнца так и нет, сил тоже. Организовали стоянку рядом с медвежьими следами, поминаем туристов пеших, вот нефиг смеяться над ближним своим.

Следующий день выдался холодным и мокрым — и сверху, и снизу. Лед наконец-то закончился, начались валы. Холодно, сыро, но качает на валах весело. Кроме всего прочего, вечером нам сообщили, что в срок приехать не успеем, то есть мы прогуливаем работу. Противоречивые чувства и мысли по этому поводу. Греемся у костра после любого намокания. До стоянки остается проехать совсем чуть-чуть, но страшно — как бы в порог этот не влететь и сходу не пришлось идти. Запугали нас: сказали, эта шивера — фигня по сравнению с тем, что нас ждет. Ждем, что нас ждет. Дальше был какой-то порожек, в котором мы с нашего катамарана потеряли двух мужчин. Оказалось, Вова хотел в бочку, а остальные не хотели, а мы с Наськой ее вообще не видели. Так и прошли криво-косо и зачалили на камне. Тут же обрушились выброски; мы-то их поймали, но спасатели их тут же отпустили, тогда к нам кинулся бесстрашный живец Головлин, катамаран вытащили на берег и ушли, а живец в растерянности стоял посреди реки и ждал, когда ж на него обратят внимание и вытащат, обратили-таки, вытащили. Остальные экипажи бочку пропустили и прошли вообще хорошо и красиво. Один раз только наш казначей решил немножко нас поугасть и выпал, но оказалось, не в воду, а на раму — проверял, так сказать, готовность нашу спасательную, но спасать не пришлось. От адреналина всем стало жарко, мужчины со-

хнут, мы бессовестно болтаем, и только Нина Устиновна поддерживает костер.

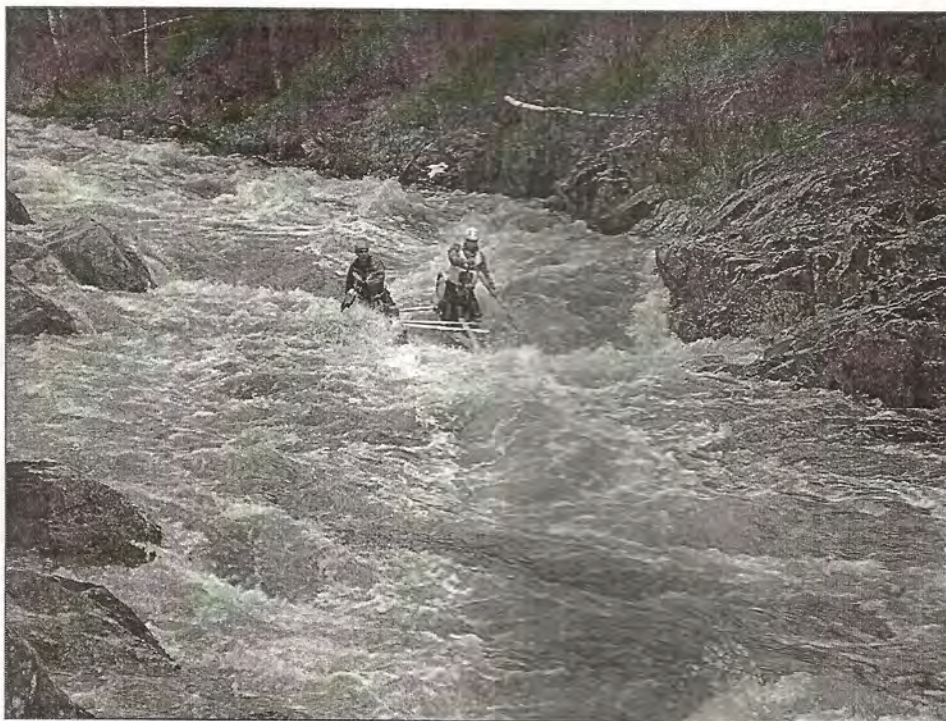
И тут наконец-то солнце. Пожалуй, самый радостный момент: все пройдено, осталось — до поворота, а там стоянка, баня и последняя надежда на то, что встретим своих, ожидающих на пороге, и зашлем весточку домой. Надежда, конечно, не оправдалась, но стоянка приятная во всех отношениях. Баня, правда, оказалась занята самарцами, с которыми договорились, что баню освободят к 12 ночи хотя бы. Весь ужин мы созерцали голые попы самарцев и завидовали, а потом пошли смотреть порог. Это было страшно... Сразу принято решение, что из предполагаемых трех катамаранов в порог пойдет только один. А мы пойдем в следующий раз, что-то устали.... да и воды мно-

го. На том и порешили. В тот вечер бани так и не дождалась ввиду семейных проблем у самарцев: в бане заснула женщина, поругавшись с мужем. Мы расстрои-

При прохождении лучше держаться правого берега. Вдали виден правый поворот, на левом берегу скальные выходы, а на правом берегу, перед поворотом, на березе обычно висит красная тряпка. Это ориентир заключительного каскада... Причалить необходимо к правому берегу до тряпки. На правом берегу стоит «Самарская» баня, построенная в начале 90-х годов. Каскад представляет из себя четыре ярко выраженные ступени, разделенные между собой достаточно мощными шиверами. Первая ступень начинается сразу после бани с разгонного участка и представляет собой сужение между скальными берегами. В зависимости от воды, в центре может торчать каменный зуб. После слива (высотой 1 — 1,5 м) стоят 2-3 бочки, далее есть место для чалки и страховки на правом берегу (30-50 м). После порога следует правый поворот и начинается мощная шивера длиной 200 м, которая заканчивается левым поворотом с широкой бочкой по центру. Прохождение по правой части струи. Эта бочка завершает вторую часть каскада. После нее есть место для чалки на правом берегу.

лись и двинули спать, готовиться к завтрашнему зрелищу.

Порог красивейший и страшный, и наконец-то нас радует погода. Мужики ходят по берегу и дымят сигаретами с умным видом, а мы бегаем за ними ради ощущения причастности. Утром ставили страховку, упаковывали живца (Вовку) в гидру, растягивали веревки. Наталья Сергеевна бегаёт по берегу с бутылочкой коньяка, дабы, если что, то сразу было чем спасти. Мы облизываемся, но, конечно, конечно, все для мужчин. Наконец заняли смотровые места: Олег с Антоном с камерами, девчонки — с фотоаппаратами. Ну все, началось. Четыре ступени, одна другой страшней; сначала бочка огромная, прошли, зачалились, опять с умным видом ходят, осматривают порог, по пути позируя в фотоаппарат. Потом 2 косые бочки. Прошли хорошо, дальше 4 подряд бочки в таааким огромным пузырем после первой! Прошли хорошо, сломали раму

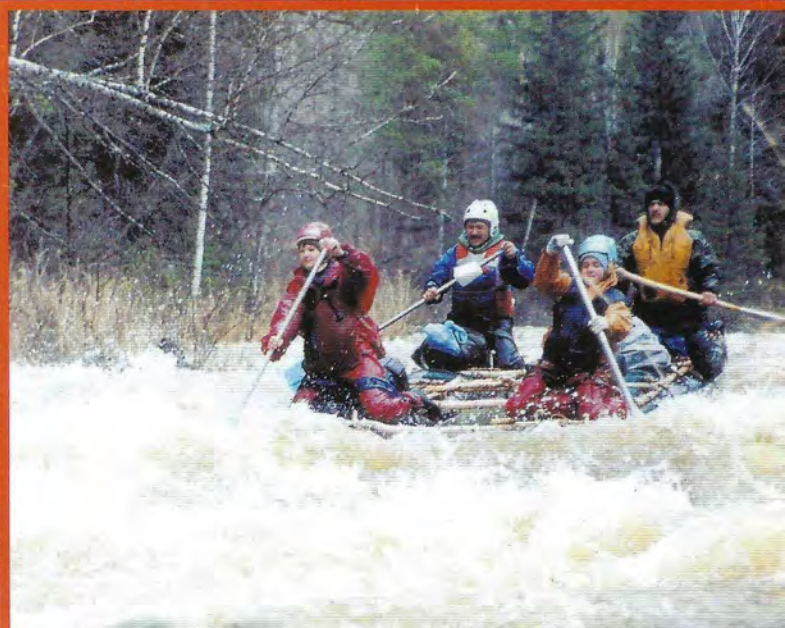
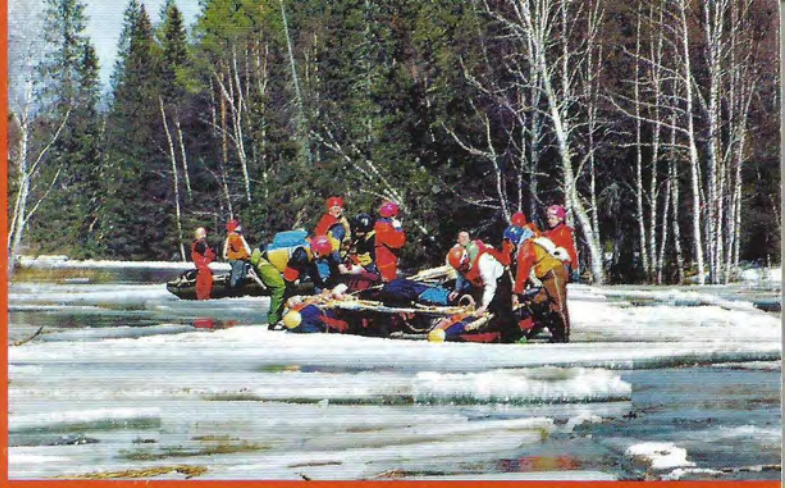

и стукнули нос Головину. Аплодисменты на берегу. Дальше решили: сами справятся, без страховки. Посему собираемся и идем, опять идем на трассу. Вокруг горы, красота, под ногами болото. Все в кроссовочках. Красота! Завтра дома будем, а как-то не хочется. Экстремалов-героев встретили под мостом. Пока мы шли они как раз доплыли. Все, конец Березьяк. Жаль. А люди оказались и правда приятные.

Третья часть каскада — мощная шивера с камнями в русле и бочками высотой до 1,5 м. Протяженность 150- 200 м. Завершает третью часть. Второго каскада мощный порог с большой центральной бочкой (примерно 3-4 кл.) По правому берегу острые каменные выступы. Протяженность 300 м. После этого порога река расширяется и уходит на правый поворот, мощность шивер падает, но они еще продолжают 2-3 км. По правому берегу можно увидеть организованные туристские стоянки. Ориентиром окончания сплава является бетонный мост через реку Березьяк. Причалиться к берегу лучше за 50 — 100 м до моста.

Деревня Тюлюк в четырех км. Из нее 2-3 раза в день ходит автобус до ст. Юрюзань. Автобус обычно ловят на мосту.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР